

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

В. Г. БОРУХОВИЧ

ЗЕВС МИНОЙСКИЙ

(следы культа верховного критского божества в греческих мифах
и религиозных обрядах)

В истории Средиземноморья Крит был не только родиной древнейшей культуры Европы¹, но и местом, где эта культура ранее всего пришла в соприкосновение с цивилизациями Востока. Египетское влияние можно отметить с эпохи Древнего царства, но особой интенсивности оно достигло ко времени Нового царства². Минойцы усвоили, по-видимому, и некоторые египетские обряды, как можно судить по памятникам минойского искусства. Примером может служить ваза из стеатита в форме страусового яйца (предмета, который мог стать известным минойцам благодаря связям с Египтом). На ней изображено шествие поющих юношей с сельскохозяйственными орудиями в руках. Впереди идет запевала, потрясающий систром — египетским музыкальным инструментом³. Имело

¹ «Le premier centre d'une culture européenne» (v. Effenterre, *Politique et religion dans la Crète minoenne*. RH, 229, 1963, p. 1).

² «То, что главный импульс был направлен с египетской стороны, не подлежит более никакому сомнению», — писал Эванс (*Evans A. Palace of Minos I*. L. 1921, p. 16 — в дальнейшем цитируется РМ). См. также: Nilsson M. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1967, s. 255—259). «Минойская религия совершала заимствования поочередно, в большей или меньшей степени, то из Египта, то из Азии», — отмечал Пикар (*Picard Ch. Les religions préhelléniques*. P., 1948, p. 52).

³ См.: Сидорова Н. А. *Искусство Эгейского мира*. М., 1973, с. 134. На саркофаге из Агны Триады со сценой выноса тела изображен и корабль для путешествия в загробный мир, в чем усматривают влияние египетского заупокойного культа (Эванс ошибочно предполагал, что покойный был моряком. — РМ, I, p. 433). См.: Guthrie W. *The Religion and Mythology of the Greeks*. — САН, v. II, ch. XI, 1961, p. 20; Nilsson M. *Op. cit.* p. 328; Levi D. *The sarcophagus of Hagia Triada*. — *Archaeology*, 1956, 9, p. 192 sqq.

место и финикийское влияние⁴. В свою очередь, критские корабли проникают далеко на Восток, в Малую Азию и Египет. По преданию, подтверждаемому археологическими источниками, Милет был основан выходцами из Крита⁵. На фресках в гробницах египетских вельмож Нового царства мы видим послов Крита («Кефтиу»), несущих дары — вазы характерной эгейской формы.

Позднее Крит становится объектом активного проникновения ахейцев, которое закончилось покорением ряда культурных центров острова, и прежде всего Кносса, само географическое положение которого способствовало превращению его в опорный пункт ахейцев на Крите. Ахейцев сменили доряне, и на острове образовалось то смешение народов, о котором не без удивления пишет автор «Одиссеи» (XIX, 175 сл.):

Разные слышатся там языки: там находишь ахейя
С первоплеменной породой воинственных критян: кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов...

В этих стихах ахейцы противопоставлены «истинным критянам» (Ἐτεόκριτες), которых автор называет гордыми, отважными — может быть, в память о былом могуществе минойцев⁶. Согласно Страбону (X, 4, 6), именно этеокритяне и кидоны составляли автохтонное население Крита. Земля Крита названа в «Одиссее» «прекрасной и тучной». Видимо, здесь отражено ходячее представление о достоинствах критской земли, привлекавшей многочисленных переселенцев и завоевателей. Все же мы не можем представить себе с полной ясностью, кто были все эти этеокритяне, кидоны, пеласги... Но из описания «Одиссеи» вытекает, что они достигли высокого уровня развития и жили в городах, число которых достигало девяноста. Ахейцы упомянуты в этом месте «Одиссеи» раньше, чем дорийцы (это единственное упоминание о дорийцах в поэме). Последними названы «божественные пеласги» — на-

⁴ См.: Willets R. F. Cretan cults and festivals. N—Y., 1962, p. 17; Mihailovici T. Kult und Mythos vom Minotauros. — Das Altertum, 1974, B. 20, H. 4, s. 202.

⁵ Мифологическая традиция у Apollod. III, 1, 2; Schol. Apoll. Rhod. I, 186; Paus. VII, 2, 3; Ovid. Met. IX, 442; Etym. M. s. v. Miletos. См. также: Кобылина М. М. Милет. М., 1965, с. 15.

⁶ Несомненно, в этом описании Крита отражено современное поэту положение вещей, довольно позднее: это сфера поэта, которую мы условно называем гомеровской, в отличие от сферы его персонажей, более ранней.

род, следы которого традиция прослеживает в разных местах Эллады и за ее пределами.

Смешение ахейской и минойской культур — было ли оно результатом завоевания или мирного проникновения — ранее всего произошло в Кноссе⁷. Так как ахейцы по уровню своего развития стояли много ниже минойцев, они усвоили многие достижения их культуры, религию и письменность (несколько ее видоизменив).

В ахейской традиции, сохраненной эпосом, Кносс и Крит выступают как адекватные понятия, подобно тому как отождествляются в нем Аргос и Эллада, Сидон и Финикия. Именно из Кносса должны были проникнуть в Элладу критские культы. Вообще Крит в греческой традиции выступает в качестве родины главных божеств. По словам Диодора (V, 79), сами критяне утверждали, что «почести, воздаваемые богам, жертвоприношения, учреждение мистерий — все было изобретено критянами, другие народы все это у них позаимствовали». Ахейцы, носители микенской культуры, создали общий с минойцами пантеон, поэтому принято говорить о минойско-микенской религии, характеристику которой дал в своих работах Нильссон⁸. Ахейцы, вероятно, поступили так же, как в историческую эпоху поступали греки ионийского племени, которые, сталкиваясь с религиозными представлениями других народов, мгновенно открывали там своих родных богов. Индоевропейский культ верховного солнечного божества, «Отца дня» (Зевса, Юпитера), которому поклонялись древние ахейцы, был отождествлен с верховным критским божеством и быстро приобрел все его черты. В Элладу Крит стал глав-

⁷ Гипотезу, связывающую разрушение дворцов на Крите с извержением вулкана на о. Фера (Санторин), выдвинул С. Маринатос (*The volcanic Destruction of Minoan Crete*. — *Antiquity*, 1939, XIII, p. 425). Она подробно обосновывается в его книге «Крит и Микенская Греция», вышедшей в Афинах в 1959 г. и на немецком языке в Мюнхене. Однако эта гипотеза находит все меньше сторонников (имеющая отношение к вопросу статья Hood S. «The eruption of Thera and its effects in Crete in Late Minoan I», опубликованная в трудах III конгресса исследователей Крита, известна нам лишь по ссылке в книге: Rutkowski B. *Sztuka Egejska*. Warszawa, 1973, p. 257. Традиционная точка зрения об ахейском завоевании представлена в научно-популярной книге Т. Д. Златковской «У истоков европейской культуры» (М., 1961, с. 111).

⁸ Nilsson M. *Minoan-Mycenaean Religion*. L., 1927 (есть и издание 1950 г.). См. также: Nilsson M. *Geschichte der griechischen Religion*, S. 261.

ным культовым местом Зевса⁹. Поэтому в связанных с культом Зевса мифах и обрядах можно пытаться открыть минойские черты, хотя исследователь при этом сталкивается с большими трудностями: как метко заметил Нильссон, минойская религия представляет собой книгу с иллюстрациями, но без текста¹⁰. Здесь целесообразно обращаться к таким реликтовым формам культа, минойское происхождение которых либо засвидетельствовано, либо весьма вероятно.

Особый цикл греческих мифов уже в древности был назван критским (τα κρητικά): он представляет благодарный материал для исследователя. Рассказ «Илиады» о Миносе и Идомее, царе Крита (XIII, 449 слл.) отражает мифологическую реконструкцию, которую Эванс назвал «ахейской легендой». От нее сохранилось очень немного. До нас не дошла поэма о Миносе и Радаманте, приписывавшаяся Эпимениду, и «Критская мифология», приписывавшаяся Динарху. Поэтому для реконструкции критского цикла мифов целесообразно обратиться к сохранившейся мифографической традиции — особенно к началу III книги «Библиотеки» Псевдоаполлодора. Из него ясно видно, что в центре этого цикла находился миф о Миносе и его потомках, царях Крита. Первый царь Крита (Кносса) Минос был сыном Зевса. Божественное происхождение Миноса может служить доводом в пользу того, что царская власть на минойском Крите носила теократический характер.

В «Одиссее» Минос — царь Кносса (XIX, 178 слл.), тогда как в «Илиаде» он царь всего Крита (XIII, 450)¹¹. Эпитет Миноса в «Одиссее» — ολοφρων, «замысляющий зло, гибель». Это ясное свидетельство о том, что ахейцы считали критян враждебной силой. Мифологическая традиция, сообщающая о господстве критских царей над морями и близлежащими к Криту островами, упоминает о походах Миноса против Афин и Мегар (Apolloclod. III, 15, 8). Платон, бывший знатоком местных аттических мифов, упоминает в «Законах» (IV, 706 В)

⁹ См.: Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. 1906. S. 247. В Гермионе (Аргидида) существовало предание, что здесь впервые вступили на землю Эллады Зевс и Гера, прибыв с Крита (Pausan. II, 17, 5; St. Byz. s. v. Hermion). См. также: Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1957, с. 89 слл., где собраны источники, связанные с культом Зевса на Крите.

¹⁰ Nilsson M. Geschichte der griechischen Religion, S. 258.

¹¹ Перечень источников, называющих Миноса царем Крита, см. в статье Полянда (RE. s. v. Minos, Hbd. 30, Sp. 1898).

о тяжелой дани, которую жители Аттики платили Миносу. Это отзвук древней традиции о зависимости Аттики от Крита, — так же, как миф о Тесее и Минотавре рисует нам тяжесть этой зависимости, хотя и в фантастической форме.

Продолжительность критского господства в бассейне Эгейды была велика. Гесиод называет Миноса «царственнейшим из всех смертных царей» (Hes. frg. 103 Rz.), и это не случайно. Вполне естественно, поэтому, критские обряды и религиозные представления должны были распространиться по всему бассейну Эгейского моря. В традиции Минос выступает не только в качестве царя, но и законодателя: каждый девятый год он становился собеседником Зевса в Диктейской пещере (Paus. III, 2, 4; Dion. Hal. A. R. II, 61; Diod. V, 78, 3; Strabo XVI, 2, 38), где он получал от Зевса законы, которые потом передавал людям¹². По-видимому, цикл правления Миноса равнялся 8 годам (на этом цикле мы остановимся позже).

Форма, в которой мифы рассказывают нам о божественном происхождении Миноса, представляется несколько странной. Зевс, превратившись в быка, похитил финикийскую царевну Европу, которую затем умчал на Крит. Плодом любви Зевса и Европы и стал Минос, и его братья Сарпедон и Радамант. В мифе ясно заметно его негреческое происхождение: животной ипостасью Зевса у греков был оред. Далее критские мифы повествуют о странной любви, которой жена Миноса, дочь бога Гелиоса Пасифая, воспылала к прекрасному быку, высланному из моря по просьбе Миноса, желавшего таким (не менее странным) способом доказать свои права стать царем Крита. Этого быка выслал Посейдон (Apollod. III, 1, 3), но в более древней редакции этого мифа, сохраненной Лактанцием (Lact. Plac. in Stat. Theb. V, 431), быка выслал Зевс. От этого быка Пасифая родила Минотавра («быка Миноса»), чудовище с телом человека и головой быка¹³.

¹² Эванс (PM, I, 2) указывает, что легенда о законодательстве Миноса предполагает существование на Крите кодекса законов. О нем упоминает и Платон в «Миносе» (319 В), где сообщается, что законы эти были вырезаны на медных досках, которые развозил по критским городам страж Миноса Талос.

¹³ Культ териоморфного божества в виде быка был особенно распространен в Ханаане (Mihailovici T. Der Kult und kretische Mythos vom Minotaurus — Altertum, 1974, В. 20, Н. 4, S. 202). У Филона Библиского (FHC, III, p. 569) в «Финикийской истории» мы находим известие, что Астарта возлагала на свою голову как знак царской власти голову быка. По-видимому, здесь отражен какой-то древний финикийский обряд, согласно которому теократические властители таким образом доказывали

Этот миф нельзя не поставить в связь с теми памятниками минойской культуры, которые были открыты Эвансом в Кноссе. Здесь прежде всего обращают на себя внимание фрески Кносского дворца, изображающие игры молодых девушек с бешено мчащимся быком. В минойских культовых местах постоянно встречается священный символ — «рога посвящения» (стилизованные рога быка). Две пары таких рогов открыты в небольшом святилище в юго-западной части Кносского дворца. Между рогами найдены отверстия, куда вставлялись двойные топоры, «лабрисы». Нильсон утверждал, что подобные комплексы представляли собой не объект культа (*Kultgegenstand*), а лишь его принадлежность (*Kultgerät*), но с этим согласиться нельзя¹⁴. Этот комплекс занимает центральное место в культовых изображениях Минойского Крита: на расписном саркофаге из Агна Триады мы видим женщин, несущих возлияния на алтари двойного топора¹⁵. В Палекастро раскопаны остатки дома, относящегося к Позднеминойскому IV периоду. Там в домашнем святилище открыты каменные основания алтарей двойного топора и небольшие «рога посвящения»¹⁶.

В частном доме, находившемся ниже юго-восточного угла Кносского дворца, в северо-западном и юго-восточном углах крайней южной комнаты были обнаружены черепа двух больших быков с длинными рогами. Перед ними найдены остатки расписных жертвенников¹⁷. Как отмечает Кеншерпер, двойной топор и рога посвящения являются наиболее известными, но, по меткому замечанию Маринатоса, наименее понятными символами минойской религии¹⁸. Необыкновенная распространенность этих символов говорит о всеобщем характере этого культа на Крите. В этом культе священное животное — минойский бык — должен был играть главную роль.

Странный на наш взгляд миф о любви Пасифаи, жены

свои права на царскую власть. Миф продолжал оставаться популярным и в Микенской Греции: Перссон в Дендре нашел восемь плакеток из голубого стекла, на которых была изображена женщина, сидящая верхом на быке (см.: *Nilsson M. Mucenaeen Origin of Greek Mythology. Berk. 1932, p. 33*).

¹⁴ *Nilsson M. Geschichte der griechischen Religion, s. 274.*

¹⁵ *PM, I, p. 440, fig. 317.*

¹⁶ *Sackett L. New excavations at a Minoan site. — J L N, Apr. 27, 1963, p. 620; Sackett L., Popham M., Warren P. Excavations at Palaikastro. — BSA, 1965, 60, p. 248—314.*

¹⁷ *Пендлбери Д. Археология Крита. М., 1950, с. 174.*

¹⁸ *Kehnscherper G. Kreta. Mykene. Santorin. L. — В., 1975, s. 38.*

Миноса, к быку является, вне всякого сомнения, греческим осмыслением минойского обряда, в котором справлялся «священный брак» жены критского царя-жреца с быком (животной ипостасью верховного минойского божества, «Минойского Зевса»). Этим обрядом утверждалось право детей критского царя наследовать царскую власть¹⁹.

Представления, согласно которым царь племени возводит свое происхождение к животному предку, могут быть классифицированы как тотемические. Афины, сохранившие унаследованные от пеласгов (древнего населения Аттики — Нег. VIII, 4) связи с минойскими культами, соблюдали довольно долго аналогичный обряд. Аристотель в «Афинской политике» (III, 5) сообщает, что жена афинского архонта-царя (что особенно важно!) вступала в ритуальный брак с Дионисом в Буколии (храме Диониса, название которого произведено от слова «бык»,* и сам Дионис чтился иногда в образе быка). Этот обряд восходит к микенским временам, когда афинские цари соблюдали минойский ритуал священного брака жены царя с быком, подтверждавшим их право на царскую власть. Не случайно Критский бык, побежденный Гераклом (Геракл символизирует в этом мифе дорийское завоевание, а Критский бык — минойско-микенское население додорического Крита), появляется затем на территории Аттики (Марафонский бык). На острове Тенедосе — древнейшем культовом центре греков — минойское божество в образе быка также чтилось в качестве бога Диониса.

В критских мифах Зевс в образе быка, Минос — царь Крита и сын его Минотавр выступают в неразрывном единстве. Поэтому Бете пришел к вполне логичному выводу, что термин «Минос» является божественным титулом критских царей вообще, «варварским именем божества некоего негреческого народа»²⁰.

Интересно сопоставить этот вывод Бете с титулатурой фараона Египта, о сильном влиянии которого на культуру минойского Крита говорилось выше. Фараон постоянно назывался «мощный телец». На таблетке Нармера египетский царь

¹⁹ Сохранились отзвуки традиции, согласно которой Минос назывался «сыном Тавра», то есть быка. Она вполне понятна в свете высказанного предположения, и Поланд (RE, Hbđ. 30, Sp. 1895) неправ, считая ее «недоразумением».

²⁰ *Beife E. Minos*, Rhein. Mus. LXV. 2. s. 205. Ср.: *Evans A. PM*, 1, 3. О том, что термин «Минос» является династическим титулом, пишет и Т. Mihailovici (Указ. ст., с. 200).

изображен в виде быка, рогами разрушающего вражескую крепость. Культ быка Аписа, явленного бога Осириса, имеет общеегипетское значение, а цариц Египта хоронили иногда в саркофаге, имевшем форму коровы²¹ (Нер. II, 129). Так в древнем Египте царь и верховное божество оказывались тесно связанными со своей териоморфной ипостасью, быком.

Возможно, что в образе Минотавра мы сталкиваемся с явлением перехода териоморфной формы божества в антропоморфную стадию²².

Минойский бог, Зевс в образе быка, был одновременно и астральным божеством²³. Это нашло отражение в греческом мифе об Астерии; в образе Зевса-Астерия выступает иногда сам Минос (Tzet. Chil. I, 473). Имя Астерия носит и сын Миноса, Минотавр, в том варианте мифа, который сохранен у Аполлодора (III, 1, 4), где сообщается, что Пасифая родила Астерия, прозванного Минотавром. Само имя Пасифаи может быть интерпретировано как имя астрального божества («всем светящая»). Отголоски древнего критского культа астрального божества в форме быка можно открыть в мифе, сообщаемом Псевдо-Эратосфеном (Catasterism. 14), где рассказывается о перенесении быка, похитившего Европу, на небо. Минойский бог в образе быка (Астерий-Минос-Минотавр) изображался с телом, покрытым звездами, как это мы видим на одной греческой вазе²⁴.

В египетских космогонических представлениях небо изображалось в виде коровы с животом, покрытым звездами²⁵.

Миф о минойском звездном быке нашел отражение у Овидия:

²¹ Frazer J. G. Totemism and exogamy. L., 1910, I, p. 35. Этот же автор в книге «Adonis, Attis, Osiris» (L., 1907, p. 300, 319) обратил особое внимание на то, что Исиду, божественную супругу Осириса, часто представляли в виде коровы.

²² Внешний облик Минотавра, человека с головой быка, заставляет вспомнить богов Египта, часто изображавшихся в виде людей с головой животного. Человека с головой быка мы видим на призматической печати из Карнака, относящейся к додинастическому периоду. Эта печать воспроизведена в книге Эванса (PM: I, p. 359).

²³ М. Нильсон (Nilsson M. The Mucenaeen Origin of Greek Mythology. Berk., 1932, p. 176) писал об отсутствии достаточных оснований (good evidence), чтобы постулировать культ бога в образе быка у минойцев. Своей точки зрения он не изменил в итоговой работе — «История греческой религии», здесь уже цитировавшейся.

²⁴ Gerhard E. Auserlesene griechische Vasenbilder. Berlin, 1840, III, 160.

²⁵ Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М., 1956, с. 16.

«В ночь перед Идами бык, весь осыпанный звездами, всходит...
К берегу только тебя он довед, то предстал перед тобою,
Богом Юпитер, с главы ложные сбросив рога.
Бык тот ушел в небеса...»

(Овидий, Фасты, V, 603 сл.)

Как отмечает Томсон, на тотемической стадии религиозного мышления человек всю окружающую природу классифицирует по тотемическому образцу²⁶. Есть основания полагать, что минойский звездный бык отождествлялся с солнцем: «Адиунский бык — так критяне называли солнце. Они утверждают, что солнце указывает дорогу, при перемене жительства, в образе быка» (Алесд. Векк. 344, 10)²⁷.

Супругой солнцу могла стать луна — не потому ли имя супруги Миноса Пасифая, «всем светящая»? На микенском золотом кольце с изображением культовой сцены мы видим сверху солнце и луну, а под ними — двойной топор, «лабрис» (символ минойского Зевса)²⁸.

Эти тотемические по своему характеру представления о звездном (солнечном) быке, олицетворении неба, сохранялись на Крите долго, от минойцев они перешли к ахейцам, а от ахейцев — к дорьянам, завоевавшим Крит. Мы можем ясно различить их следы в гимне в честь Зевса Диктейского, открытого на Крите близ Палекастро в 1904 г.²⁹. Он был найден записанным на камне. Близ Палекастро (древняя Гелейя) находилось святилище Зевса Диктейского, и археологические памятники говорят за то, что на протяжении VII—V вв. до н. э. роль этого храма оставалась значительной³⁰. Гелейя была го-

²⁶ Томсон Д. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, с. 34.

²⁷ Перевод по кн.: Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1957, с. 134. На монетах города Пафоса на Кипре (где следы минойской культуры давали себя знать особенно сильно) мы видим изображение крылатого солнечного диска над фигурой быка (см.: Mallen L. Der Stier in Kult und mythischem Bild. — Jahrbuch des deutschen archaologischen Instituts, 1928, B. 43, S. 128).

²⁸ Evans A. P M, II, p. 340.

²⁹ Bosanquet R. C. The Palaikastro Hymn of the Kouretes. — BSA, XV, 1908—1909, p. 339—358; Murray G. The Hymn of the Kouretes. — Ibid., p. 358 sqq.; Harrison J. Themis, Camb., 1927, p. 1—29; Harrison J. The Kouretes and Zeus Kouros. — BSA, XV, 1908—1909, p. 308—338; Guarducci M. L'Inno a Zeus Dicteo, Studi e materiali di storia delle religioni, XV, 1939, p. 1—22; Wilamowitz U. v. Griechische Verskunst. Berlin, 1921, ss. 499—502.

³⁰ Fontenrose J. The ritual Theory of Myth. Berk., 1966, p. 30. Фонтенроз обращает внимание на то, что гимн написан на литературном дорическом

родом этеокритян, которые, как мы узнаем из Страбона, долго сохраняли культ Зевса Диктейского (X, 4, 6). Этеокритяне являются наиболее вероятными носителями минойской культуры³¹.

В названном гимне поющие обращаются к Зевсу, прося его прибыть в Дикте в этом году и порадоваться гимну, который они ему поют у его алтаря? В конце поющие призывают Зевса: «Прыгни в наши стада рогатого скота, прыгни в наши прекраснорунные стада овец! прыгни в наши урожайные поля и наши цветущие изобилием дома!... Прыгни в наши города, в наши мореходные суда, в наших молодых сограждан! Прыгни в наши прославленные законы...»

Хотя текст гимна сильно поврежден и за все детали перевода поручиться нельзя, все же нетрудно заметить, что благославляющее все своим присутствием божество, явление которого благобно воздействует на окружающий человека мир, выступая в качестве житнетворного начала, мыслится здесь в образе священного животного (солнечного быка), прыжком вторгающегося во все сферы человеческой деятельности... Он как бы оплодотворяет мир (употреблен глагол $\theta\rho\omega\iota\sigma\kappa\omega$, ipreg. aog. от глагола $\theta\rho\omega\iota\sigma\kappa\omega$ — он имеет значение «оплодотворять» в применении к животным)³².

Можно предположить, что в ежегодный праздник Минойского Зевса, бога в образе быка, приносился в жертву священный бык, после чего устраивались очистительные ритуалы и культовые игры с быками, которые изображены на фресках Кносского дворца. Мы видим здесь девушку, стоящую в позе адорации, с вытянутыми вперед руками, тогда как другая совершает головокружительный прыжок через спину бешеномчащегося быка³³. Нет сомнения, что этот же обряд был усво-

диалекте, а не на местном диалекте этеокритян. Но было бы наивно ожидать, что язык этеокритян мог сохраниться здесь через тысячу лет после того, как Гомер отметил царившее здесь смешение языков (цит. место «Одиссеи») ...

³¹ «La société doriennne, la société grecque archaïque prolongent pour l'essentiel la société minoenne», — отмечает Ван Эффентер (цит. ст. — RH, 229, 1963, p. 2).

³² В книге Эванса (PM, I, p. 377) воспроизведена минойская инталия, изображающая быка в состоянии возбуждения, устремившимся к какому-то предмету (культового назначения?), в то время как юноша делает стойку у него на рогах.

³³ Сходные сцены мы видим на минойских печатях (PM, I, p. 686), на минойском ритоне из Агиа Триады (см. воспроизведение в кн.: Сидорова Н. А. Искусство Эгейского мира. М., 1972, с. 133), а также на многочисленных других памятниках.

ея и микенцами. На фреске Тиринфского дворца мы видим разъяренного, быстро мчащегося быка, несущего на своей спине юношу, ухватившего правой рукой быка за рога³⁴. Поимка священного быка и культовые игры с быками изображены на известном кубке из Вафио (древние Амиклы в Лаконии, где долго сохранялись следы ахейской культуры)³⁵. Были ли эти игры умиловительным обрядом почитания тотема перед принесением его в жертву и коллективным поеданием? Или же мы имеем здесь дело с обрядом инициаций, как полагает Уиллетс?³⁶

При нынешнем состоянии источников ответ на эти вопросы может представлять собой лишь более или менее вероятную гипотезу. Мифологическая традиция подтверждает существование обряда принесения в жертву священного быка. В рассказе Аполлодора (III, 1, 3) Посейдон по просьбе Миноса высылает из моря быка (который должен подтвердить право Миноса на царский престол), но с одним условием — чтобы Минос принес его в жертву. Минос этого условия не выполнил, за что и был наказан божеством.

Мясо жертвенного быка поедали все члены общины, приобщаясь тем самым к божественной силе, в нем заключенной. В практике ритуалов тотемизма встречается обряд поедания священного животного³⁷. Мы рассмотрим этот ритуал ниже в связи с афинским праздником Буфоний.

³⁴ Описание Тиринфского дворца см.: Muller K. Tiryns, t. III. Augsburg, 1930, s. 139 ff.; Rodenwaldt G., Muller K. Tiryns, Bd. 1—2. München, 1930.

³⁵ По сообщению Павсания (III, 2, 6), Амиклы оставались ахейскими еще некоторое время после дорийского завоевания. Воспроизведение сцен на кубке из Вафио см.: Marinatos S. Kreta und das Mykenische Hellas. Münch., 1959, Abb. 34, 35.

³⁶ Указ. соч., с. 112. Считать эти игры с быками простым зрелищным мероприятием (popular profane pastime), как пишет Нильсон, не представляется возможным — такие игры носят слишком опасный характер.

³⁷ Фрэзер (*Frazer J. Totemism and exogamy*, v. IV. L., 1935, p. 12—13) приходил к выводу, что источники не дают возможности констатировать тотемические представления у древних греков: «Они состоят из мифов, легенд и суеверий... которые хотя и могут иметь известное сходство с тотемизмом, не исключают и иного, независимого от последнего, происхождения». Следы тотемизма в греческой религии отрицал и Нильсон (*Geschichte der griechischen Religion*, s. 44 ff.). Однако Томсон (Указ. соч., с. 111) убедительно доказывает наличие следов тотемизма в верованиях греков. Об этом же пишет и Уиллетс (Указ. соч., с. 60), подчеркивающий, что обряды инициаций дорической молодежи в критских полисах и древней Спарте являются элементом тотемизма.

На о. Косе еще в историческую эпоху сохранялся обряд принесения в жертву Зевсу специально избранного для этой цели красивого быка. Обряд совершался под руководством жреца, обладавшего привилегиями царя³⁸ (значит в более древнюю эпоху жертвоприношение совершал царь общины).

На о. Тенедосе (древнейшем культовом месте Эллады — ср. «Илиада», I, 38) существовал, по сообщению Элиана (История животных, XII, 34), обряд жертвоприношения теленка Дионису. Новорожденного теленка закалывали, предварительно привязав к его ногам котурны. Наносивший удар после этого обращался в бегство, и за ним устраивалась погоня³⁹. Он спасался в сторону моря; это, по-видимому, означало, что очищение от убийства он сможет получить, лишь отплыв за море.

Мы не знаем, как совершалось жертвоприношение в Тенедосском обряде, но на монетах Тенедоса (чеканку можно проследить с середины VI в. до н. э.) постоянно изображался двойной топор, «лабрис»⁴⁰.

«Тенедосский топор» (*Τενεδιος πέλεκυς*) вошел у греков в поговорку⁴¹. Словом *πέλεκυς* исконно обозначался двойной топор, и в этом значении оно употребляется еще у Гомера⁴². В общине Тенедоса двойной топор был священной эмблемой⁴³. В вазовой живописи греков двойным топором вооружены только боги, герои или жрецы⁴⁴.

Знак «лабриса» играл роль священного знака на Крите минойской эпохи и на всем ареале распространения миной-

³⁸ Уиллетс. Указ. соч., с. 50. См. также: SIG³, 1025.

³⁹ По поводу Тенедосского обряда см.: Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М. — Л., 1966, с. 87 («Обряд и легенда афинских Буфоний»).

⁴⁰ Ср. Head B. Historia Numorum, 1911, p. 550.

⁴¹ Смысл этой поговорки можно установить на основании рассказа Павсания (X, 14, 1) и Эпитомы «Библиотеки» Псевдоапполлора (Э III). И. И. Толстой в указанной статье объясняет ее не вполне точно.

⁴² См.: RE, s. v. Labrys, Hbd., 23, Sp. 287.

⁴³ «... Секира на монетах острова Тенедоса иногда изображается стоящей на ступенчатом пьедестале и украшенной теньями, что заставляет смотреть на нее как на фетиш...» (Зограф Н. А. Античные монеты. М., 1951, с. 57). Такой ступенчатый пьедестал с двойным топором мы видим на саркофаге из Агна Триады (PM, I, p. 440). Между сакральным символом Тенедоса и соответствующим минойским — промежуток, измеряемый тысячелетием.

⁴⁴ RE, s. v. Labrys, Hbd. 23, Sp. 292. Двойной топор держит египетский жрец, собирающийся зарубить Геракла (см.: Jiri Frel, *Recke vazy*, Praha, 1956, obr. 188—189; Bernhard M. *Sztuka grecka V w. p. n. l. Warsz.*, 1975, p. 160).

ской культуры. Преемственность религиозных культов можно проследить от минойцев до греков позднейшей эпохи: раскопки в Палакастро доказали непрерывную преемственность культа Диктейского Зевса от геометрической до позднеримской эпохи. Пирамидальные каменные основания для фетиша двойного топора открыты здесь в здании Позднеминойского IV периода, вместе с миниатюрными «рогами посвящения»⁴⁵. Подобные памятники обнаружены в Фесте, Кноссе, Тилиссе и других местах: знак лабриса постоянно ставится на предметах религиозного обихода в среднеминойскую эпоху⁴⁶. Единственное вероятное объяснение состоит в том, что это был культ орудия, которым производилось заклание священного быка⁴⁷.

Этнографические параллели могут быть указаны. Тэйлор рассказывает об индийских тугах, у которых существовал культ орудия, с помощью которого приносились жертвы боже-ству. «Во время борьбы с этим кровавым обычаем англичане заставляли совершать обряд освящения заступов только для вида в своем присутствии, но совершавшие этот мрачный обряд хорошо знали его смысл. На страшное орудие не должна была падать тень какого бы то ни было живого существа. Освящающий его жрец, совершая предписанное четырехкратное омовение орудия водой и семикратное очищение огнем, сидел, обращенный лицом на запад. Когда затем ему удавалось с одного удара расколоть кокосовый орех, что означало, что освящение совершилось, орудие клалось на землю и присутствующие поклонялись ему, обратив лицо на запад»⁴⁸. В обряде, описанном Тэйлором, кокосовый орех символизировал человеческую голову.

Следы минойского обряда заклания священного быка можно заметить в обрядности афинских Буфоний. Аттика принад-

⁴⁵ Sackett L., Popham M., Warren P. Excavations at Palaikastro, VI, BSA, 60, 1965, p. 257.

⁴⁶ Poursat J. Un sanctuaire du Minoen Moyen II a Mallia. — XC, BCH, 1966, p. 536.

⁴⁷ Как справедливо отмечает А. Ф. Лосев (Указ. соч., с. 121), в этом символе выступает «идея отождествления божества, которому приносится жертва, и сѣмой жертвы». Предположение Д. Томсона (Указ. соч., с. 248), будто топор попал в число священных предметов как орудие рубки леса — менее обосновано. Г. Глотц (Glötz G. La civilisation égéenne. P., 1923, p. 268) справедливо отмечает, что этот топор — орудие смерти. То же утверждает и М. Нильсон (Geschichte der griechischen Religion. M., 1967, S. 277).

⁴⁸ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 508.

лежит к таким областям Элады, где преемственность с микенской (-минойской) культурой можно проследить особенно отчетливо. Остатки сооружений микенской эпохи открыты на афинском акрополе. Гробницы микенской эпохи открыты в районе древних Ахарн. Как подчеркивает Нильсон, микенский заупокойный культ, следы которого здесь открыты, продолжал отправляться вплоть до Пелопоннесской войны⁴⁹. Согласно Геродоту и Фукидиду, исконное население Аттики состояло из пеласгов — народа, тесно связанного с микенской культурой (Her. VI, 137; Thuc. IV, 109). О нем напоминали древние укрепления Акрополя-Пеласгик (в V веке его стали называть Пеларгиком): многочисленные остатки купольных гробниц на территории Аттики, керамика микенской эпохи, находящаяся здесь в большом количестве, подтверждают данные письменной традиции о непрерывной культурной преемственности от микенской эпохи до позднеклассической.

Наибольший интерес для нас здесь представляет древнейший афинский праздник Диполий, посвященный Зевсу Полию («градодержателю», то есть главному богу общины). Аристофан в «Облаках» (ст. 985 слл.) приводит Диполии как пример самого допотопного праздника. Схолии к этому стиху также подчеркивают его древность (со ссылкой на «Аттиду» Андротиона). Павсаний (I, 26, 10) относит обряд ко времени мифического афинского царя Эректа. Главной частью праздника был обряд заклания жертвенного быка, отчего и весь праздник назывался Буфонии.

Источники, позволяющие реконструировать этот обряд, заслуживают пристального рассмотрения. Помимо уже упомянутых схолий к Аристофану, некоторые сведения можно найти у Павсания (I, 24, 4; I, 28, 10). Но наиболее подробный рассказ содержится в сочинении Порфирия «О воздержании от мясной пищи» (De abstin. 28—30). Жрецы Афин, на попечении которых был этот обряд, происходили из древнейших аттических родов — Тавлонилов и Кериков⁵⁰.

Рассмотрим сначала свидетельство Павсания (I, 24, 4). «Во время праздника Зевса Полия на алтарь возлагались

⁴⁹ Nilsson M. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkel., 1932, p. 159.

⁵⁰ Жрец, ударявший быка топором, назывался из рода Тавлонилов, а погонщиками и разделывателями туши были Керики (см.: Suda s. v. Θαυλών; Hesych. s. vv. βοῦτολος, κεντριάδαι, δαίτρος). О древности рода Тавлонилов сообщает Гезикий под словом «Тавлониды».

зерна ячменя, смешанные с зернами пшеницы. Алтарь остав-
лялся без охраны. Бык, предназначенный для жертвоприноше-
ния, подойдя к алтарю, начинал поедать зерна. Тогда призы-
вают одного из жрецов, который должен убить быка. Бросив
на этом месте топор (так ему предписывает закон), жрец убе-
гает. Остальные же, как будто не зная человека, который это
сделал, привлекают к суду топор». Дополнительные данные
Павсаний сообщает ниже: «Когда царем над афинянами был
Эрехтей, тогда впервые заклал быка быкобойца (βοῦφογος) у
алтаря Зевса Полиея. Оставив здесь топор, он убежал из
страны, а топор, став предметом судебного разбирательства,
тотчас же был оправдан».

Так понимали этот текст исследователи (Моммзен, Тама-
ро). Но Дейбнер отверг это толкование, справедливо заметив:
«Слово *παράτυχα* («тотчас») при оправдательном вердикте
остается непонятным»⁵¹. Поэтому он предложил понимать тер-
мин *αφεῖσθαι* в прямом смысле — топор тотчас же выбрасы-
вался (за пределы Аттики, как можно догадываться), после
его осуждения. Торопливость можно объяснить стремлением
как можно быстрее избавиться от предмета, оскверненного
убийством священного животного. Это толкование Дейбнера
заслуживает внимания⁵².

Для более глубокого проникновения в смысл обряда целе-
сообразно процитировать весь текст Порфирия (*De abstin.* II,
28—30): «Говорят, когда в Афинах происходило жертвопри-
ношение, некий Диом или Сопатр, родом не из местных жи-
телей, занимавшийся в Афинах сельским хозяйством, совер-
шил следующее. Он разложил на столе кашу и жертвенные
лепешки, чтобы совершить жертвоприношение богам. Один из
быков, выпряженный из плуга, подошел и частью съел, час-
тью растоптал все это. Упомянутый земледелец, разгневав-
шись, схватил топор, который кто-то точил поблизости, уда-
рил быка и убил. Придя в себя, земледелец понял, что он
совершил, похоронил быка и добровольно отправился в из-
гнание на Крит, ибо он навлек на себя проклятие, как совер-
шивший нечестивый поступок. Но после этого началась засуха

⁵¹ Deubner L. *Attische Feste*. Berlin, 1956, S. 159.

⁵² Ср. перевод С. П. Кондратьева (*Павсаний. Описание Эллады*. М.,
1938, I, с. 77: «Топор, осужденный за убийство, тотчас был отнесен
<к морю> ...»). Слово «отнесен», однако, не вполне точно передает
смысл подлинника.

и страшный недород: тогда жители сообща спросили оракула Пифия, провещала, что избавление доставит беглец с Крита: после того, как убийца будет наказан, а убитый восстановлен в том положении, в котором он был убит, когда приносилась жертва. Благо придет, если все отведают мяса убитого, и никто не должен от этого уклоняться. После того, как Сопатра отыскали, он решил, что избежит от вины за совершенное нечестие, если все станут совершать это дело сообща. Он ответил пришедшим к нему людям, что убивать быка должна вся община. Когда же они не смогли найти того, кто должен убивать быка, Сопатр ответил, что сделает это сам, если ему предоставят гражданские права и если все станут принимать участие в убийстве. После того, как афиняне согласились сделать все это, они вернулись в город и обставили дело следующим образом, как и поныне у них оно происходит.

Они избрали дев-водоносниц, которые приносят воду для того, чтобы точить топор и нож. После того, как топор и нож наточены, другое лицо передало топор (человеку, который должен был ударить им быка). Тот ударил быка топором, другой же участник быка заколол. После того, как тушу освежевали, все отведали его мяса. Совершив все это, они сшили шкуру быка и, набив ее сеном, поставили чучело так, как бык стоял, когда был живым. Это чучело запрягли в плуг, будто для пахоты.

Когда после этого был учрежден суд для расследования убийства, были привлечены к суду все, принимавшие участие в убийстве быка. Девы-водоносницы обвинили точильщиков, точильщики — того, кто передал топор, тот обвинил человека, заколовшего быка, а последний обвинил нож. Нож, будучи безгласным, был признан виновным в убийстве. С той поры до нынешнего времени во время Диполий в Афинах указанные выше лица именно так и поступают, когда приносят в жертву быка. Положив каши и ячменной муки на медный стол, они подгоняют к нему сытых быков, и того, кто начинает есть все это, убивают. Набив шкуру сеном, они, после того как их приведут на суд, топят нож в море...»

Рассказ Порфирия не очень ясно и последовательно объясняет древний обряд при помощи этнологической легенды. Непонятно, почему убийство быка оказалось таким страшным грехом. Еще менее понятно, почему убийца должен был бежать на Крит. Медный стол, употребляемый в обряде, говорит о том, что перед нами реликт бронзового века. Как справедливо подчеркивал И. И. Толстой, весь ритуал должен был

успокоить дух животного инсценировкой суда над убийцами⁵³. Но отсюда ясно вытекает, что бык в этом обряде выступает как священное животное. Участие всей общины в заклании быка и обязательное отведывание его мяса представляет собой обычай, соблюдавшийся и при других подобного рода тотемических обрядах, как подчеркивает И. Тренчени-Вальдапфель⁵⁴. В основе коллективного поедания мяса священного животного лежит вера в то, что все участники пиршества таким образом приобщаются к божественной силе убитого животного⁵⁵.

Объясняя ритуал Буфоний, Дейбнер примыкает к Виламовицу и другим, полагавшим, будто обряд основан на страхе земледельца, убивающего главного помощника в хозяйстве⁵⁶. Ранее, когда он был охотником, он убивал это животное в диком состоянии без раздумий. Это объяснение искусственно и неубедительно (от первобытного охотника до земледельца — огромный промежуток времени).

В действительности обряд Буфоний был заимствован греками микенской эпохи от минойцев, у которых этот бык был тотемным божеством⁵⁷. Вместе с культом тотемного быка микенцы усвоили и символы минойской религии — в микенских шахтных гробницах Шлиман открыл много маленьких золо-

⁵³ Толстой И. И. Указ. соч., с. 87.

⁵⁴ Тренчени-Вальдапфель И. Мифология. М., 1959, с. 38.

⁵⁵ «Жертвоприношение — это принесение в жертву самого бога, прежде всего с целью соединиться с ним и заимствовать от него его силу...», — пишет Г. Глотц (Указ. соч., с. 292). Но одновременно оно мыслилось как святотатственное преступление, и в этом его двойственно-противоречивый характер. Обряд умерщвления священного животного существовал у многих народов (ср.: Фрэзер Д. Золотая ветвь. Вып. IV. М., 1928, с. 37). По поводу поедания священного животного см. также: Frazer J. Totemism and exogamy, v. II, p. 35 (Бугилаи в Новой Гвинее). Тэйлор (указ. соч., с. 404) был не совсем прав, когда писал, что человек обычно не ест мяса тотемного животного (обряд этот, как мы увидим ниже, характерен для горных айнов и некоторых других народов). Ср. также: Манн Т. Иосиф и его братья. М., 1968, с. 190 (сцена смерти Исаака): «Заколоть надо бога, — бормотал он слова древней песни, и запрокинув голову, широко раскрыв пустые глаза и растопырив пальцы, продолжал бормотать, — чтобы все пировали, чтобы все ели мясо и пили кровь заколотого овна, как сделали это некогда Авраам и он, отец и сын, которого заменило собой богоотчее это животное...»

⁵⁶ Это объяснение было выдвинуто Виламовицем (*Herakles*, t. I, s. 60; *Glaube der Hellenen*, I, s. 296) и Германом (*Hermann F. Gottesdienstl. Altertümer*, II, S. 420).

⁵⁷ Мы видим этот тотем изображенным на корабле Нестора у Эврипида (см.: Eur. Iph. Aul. I, 273—275).

читая его при этом как высшее божество. Затем, после соответствующих обрядов, его убивали, а мясо ели все участники медвежьего праздника. Неприятие участия в трапезе было равносильно экскоммуникации, исключению из общины⁶¹. Оставшийся после трапезы череп медведя долго служил предметом поклонения, так же как на минойском Крите череп быка.

Попытаемся теперь сопоставить данные мифов и религиозных обрядов древних греков, в которых могли сохраниться реликты микенской эпохи, с археологическими данными, добытыми в результате ведущихся по настоящее время раскопок на Крите.

Относящийся к Позднеминойскому II периоду тронный зал Кносского дворца, с тщательно украшенным каменным треном, был предназначен, как пронциательно заметил еще Эванс, для религиозных церемоний⁶². Это был дворец-святилище, Дом Двойного топора — символа священного обряда, который там совершался. Греческое название его — Лабиринт — образовано от слова лидийского происхождения *лабрис*. Само слово Лабиринт имеет в своем составе характерный суффикс -нт, широко засвидетельствованный для топонимов микенской эпохи (типа Коринф, Тиринф и т. п.). Лингвисты склонны относить его к догреческому («эгейскому») субстрату⁶³.

По словам Эванса, следы катастрофы, постигшей Кносский дворец, производят драматическое впечатление. «Алабастры, стоящие на полу, около перевернутого сосуда из-под масла, откуда они должны были наполняться, предназначались, как можно предполагать, для какой-то церемонии умащения». Внутри тронного зала находился резервуар со ступенями, ведущими вниз, — он предназначался для церемонии очищения⁶⁴.

Бассейну, позднему по времени, предшествовали более ранние, один из которых был открыт в северо-западной части дворца. Такие же бассейны — предназначенные, очевидно,

⁶¹ Фрэзер Д. Золотая ветвь. Вып. IV, 1928, с. 31 слл. О культуре медведя см. также статью Н. М. Ядринцева в «Этнографическом обозрении» (М., 1890, № 1, с. 102 слл.).

⁶² РМ, I, p. 4: «It is impossible to withhold the conclusion that «The Room of the Throne» was designed for religious functions». Попытки некоторых исследователей (ср.: Rutkowski B. Sztuka Egejska. W., 1973, с. 26 и прим.) доказать его светское предназначение не представляются убедительными.

⁶³ Hoffmann J. B. Etymologisches Wörterbuch des griechischen. Münch., 1961, S. 231.

⁶⁴ РМ, I, p. 4; p. 422.

тых лабрисов, как он об этом рассказывает в своей книге «Микены». В Пилосской надписи, начертанной линейным письмом В, У а 15, идет речь об очистительном обряде, для которого приглашается *Perekuvanaka*. Этот термин можно понять как «царь двойного топора»⁵⁸.

Бегство жреца на Крит в ритуале афинских Буфоний также можно объяснить тем, что обряд был заимствован с Крита. На Крите он должен был очиститься от скверны убийства священного животного. Ритуал очищений занимал важное место в минойской религии — специальные помещения с бассейнами для очистительных обрядов найдены в Кноссе, Фесте, Маллии, Гурнии, в недавно открытом дворце Като Закро и других местах.

В диалоге Платона «Критий» сообщаются интересные подробности о судебных обычаях царей Атлантиды (119 С==Е): «Перед тем, как приступить к суду, они всякий раз приносили друг другу вот какую клятву. В роще при святилище Посейдона на воле разгуливали быки: и вот десять царей, оставшись одни и вознесши богу молитву, чтобы он сам избрал угодную для себя жертву, приступали к ловле, но без применения железа, вооруженные только палками и арканами, а быка, которого удалось изловить, подводили к стеле и закалывали над ее вершиной, так, чтобы кровь стекала на письмена...»⁵⁹

Этот мотив о ловле быка с помощью аркана напоминает нам сцену, изображенную на знаменитом золотом кубке из Вафио⁶⁰. Посвященный Посейдону бык занимает видное место в критском цикле мифов, кратко изложенном в начале III книги «Библиотеки» Аполлодора.

Диодор сообщает о существовании на Крите религиозного праздника, на котором в жертву божеству приносился священный бык (IV, 77). Эту жертву приносил Минос, выбирая для этой цели самого красивого быка (ссылка на Миноса здесь является важным подтверждением древности этого обычая).

Культ быка на Крите напоминает культ медведя у обских остяков (ныне хантов), а также айнов и нивхов. Горные айны, выдававшие себя за потомков медведя, живущего в горах, откармливали в течение двух-трех лет священного медведя, по-

⁵⁸ *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. М.—Л., 1957, с. 321.

⁵⁹ *Платон.* Сочинения, т. III. М., 1971, с. 558 (пер. С. С. Аверинцева).

⁶⁰ О связи платоновской легенды об Атлантиде с минойской культурой см.: *Frost K.* The Critias and Minoan Crete. — *JHS*, v. XXXIII, 1913, p. 189 sqq.

для тех же целей — были открыты и в юго-восточной части дворца, а также в дворце в Фесте. Бассейны эти имеют примерно равную величину, что также вряд ли может быть простой случайностью⁶⁵. Пол бассейна, открытого в северо-западной части Кносского дворца, был усеян обломками небольших сосудов из-под масла. Эти сосуды, по-видимому, служили для церемонии умашения, которая могла быть заключительной во всем ритуале очищения. Очистительные обряды, производившиеся критскими жрецами, обладали особой магической силой в глазах греков и в более поздние эпохи. В самом начале дошедшего до нас текста «Афинской политики» Аристотеля мы находим известие о том, как для свершения обряда очищения в Афины был приглашен критский жрец Эпименид из Феста — личность, ставшая полулегендарной (Aristot. Ath. Pol. I, 1; Plut. Sol. 12). Очистительные обряды критские жрецы совершали даже над богами, по преданию. У Павсания (X, 6, 3) есть рассказ о том, как жители Дельфов обратились с мольбой к Аполлону, прося его избавить их от разбойника. Оракул дал им следующий ответ:

Скоро уж тяжелой рукой поразит Аполлон того мужа,
Чьею рукою ограблен Парнас. От крови убийства
Руки очистят ему заклятиями критские мужи...

«Критские мужи» — это несомненно критские жрецы, авторитет которых в очистительных обрядах был особенно высоким. Аполлон, убив Пифона, отправился к Карманору на Крит, который и совершил обряд очищения над богом, как сообщает Павсаний (II, 7, 7).

В «Библиотеке» Псевдоапеллодора обряды очищения особенно часто совершаются над Гераклом (мифы здесь изложены по какому-то особенно древнему источнику). Характерно, что эти очищения совершают цари (цари — жрецы?). Когда Геракл убил Эвнома, он направился к царю Трахина Кеику, чтобы получить очищение («Библиотека», II, 7, 6; ср. также: очищение Геракла Нелеем — там же, II, 6, 2 и другие). Как мы узнаем из этого же цикла мифов, искупительным сроком, позволявшим очистить от скверны убийства, было восьмилетие. Геракл, убив собственных детей, во искупление этого преступления совершал подвиги восемь лет и один месяц

⁶⁵ В открытом в 1962 г. на Крите мянойском дворце в Като Закро (близ современного Сятия) также обнаружены бассейны для ритуального очищения (зал 62). Отчеты о раскопках приложены к JHS, Archaeological Reports for 1966-1967. См. также: BCH. 1967, p. 772—777.

(Библиотека, II, 5, 11). Кадм, убив принадлежавшего Аресу дракона, служил этому богу восемь лет (там же, III, 4, 2). Аполлон, перебивший киклопов, должен был служить ферскому царю Адмету восемь лет (Serv. Verg. Aen. VII, 761).

Загадка восьмилетнего срока искупления объясняется особенностями древнейшего греческого календаря. В основе его лежал лунно-солнечный год, делившийся на 12 месяцев, в каждом по 29 или 30 дней попеременно. Для покрытия недостатка в 11 дней вставлялся тринадцатый високосный месяц в течение трех лет каждого восьмилетия. Таким образом, восемь лет образовали особый цикл, октоэтериду⁶⁶. Древнейшее упоминание об этом цикле связано с Миносом и Критом («Одиссея», XIX, 178 сл.). Поэтому есть все основания утверждать, что этот цикл греки заимствовали, вместе с ритуалами очищения и другими религиозными обрядами, от критян. Не случайно праздники в Дельфах и Фивах были связаны с этим восьмилетним циклом. С ним же было связано и правление царя-жреца на Крите, как видно из цитированного места «Одиссеи»⁶⁷. Как и в древнем Египте, на минойском Крите все связанное с календарем относилось к сфере религии.

Итак, данные греческих мифов (критского цикла), вместе с древнейшими греческими религиозными обрядами типа афинских Диполий, позволяют реконструировать в самых общих чертах культ верховного минойского божества — Минойского Зевса, имевший териоморфный и одновременно астральный характер. Потомками этого божества считали себя минойские цари-жрецы в эпоху расцвета минойской культуры. Супруги этих царей выполняли обряд священного брака (*τερος υμος*), чтобы тем самым гарантировать своим детям право на царский престол. Производя себя от териоморфного предка, критские цари выполняли свой долг перед ними рядом священных обрядов, к которым мог принадлежать и обряд принесения в жертву священного быка. Этот обряд носил характер всенародного праздника — «Праздника Минойского быка», как мы назовем его условно. Он сопровождался пиршеством и ритуальным поеданием мяса священного животного, подобно тому, как это происходило во время афинских

⁶⁶ Уиллетс Р. Указ. соч., с. 93.

⁶⁷ В конце этого цикла минойским царям платили налоги (см.: Ноокс С. Н. *The Labyrinth*. L., 1935, p. 27, n. 1: «Tribute was paid to Minos at the end of the octennial cycle, when it was necessary for king to renew his life»).

Диполий. Традиция этих обрядов постепенно переходила от минойцев к грекам-ахейцам, а затем — к дорянам, заселившим Крит. Центром этих обрядов были минойские «дворцы», отразившиеся в греческих мифах как лабиринты. На монетах уже позднего Крита мы видим голову царя, окруженную узором типа меандра, символизирующим лабиринт. На другой подобной же монете мы видим уже голову быка⁶⁸. По-видимому, праздники минойского быка сопровождались ритуальными играми с тотемом, в которых молодые люди должны были доказать свое бесстрашие и ловкость. Их акробатические трюки, головокружительные сальто через спину мчащегося разъяренного животного были смертельно опасными. Отсюда, вероятно, ведет свое начало миф о съедении Минотавром («быком Миноса») афинских юношей и девушек в цикле легенд о Тесее. Этот же цикл позволяет предполагать, что на праздник Минойского быка прибывали для участия в нем представители общин, находившихся под властью минойцев. В рассказе Псевдоаполлодора (III, 1, 4) божество наказало Миноса за то, что высланного из моря быка (доказавшего права Миноса на царский престол) царь не принес в жертву, а отослал в свои стада. Божество наслало на этого быка свирепость — и на минойских фресках мы видим, как правило, разъяренных быков, и на упоминавшемся кубке из Вафио бык поднимает на рога одного из юношей, в то время как другой падает ему прямо под копыта⁶⁹. Может быть, во время этих ритуальных игр быков специально приводили в ярость, подобно тому, как это делается в испанской корриде?

Минойские «дворцы» в Кноссе, Фесте, Маллии, Като Закро однотипны, и это должно свидетельствовать в пользу того, что они имели одинаковое предназначение. Все они имеют большой центральный двор (в Маллии — 50×22 м), предназначенный, по-видимому, для свершения главного ритуала. Народ собирался сюда на религиозные праздники, как справедливо полагает Пикар⁷⁰. Частные дома на Крите таких дворов не имели. Даже небольшие города минойского Крита имели свои маленькие «дворцы»⁷¹. Связь «дворца» с городом особен-

⁶⁸ Hooke S. *Op. cit.* p. 10, figg. 15—16.

⁶⁹ Фрески относятся к Позднемикенскому I A периоду (PM III, p. 209); см.: Пендлбери. Археология Крита, с. 216.

⁷⁰ Указ. соч., с. 66.

⁷¹ Hood S., Warren P., Cadogan G. *Travels in Crete*. — BSA, 59, L., 1964, p. 52.

но отчетливо прослеживается в Маллии⁷². Минойские дворцы не были приспособлены для постоянного проживания в них больших масс людей, несмотря на их огромные размеры. Скорее всего, они были административно-культовыми центрами, местопребыванием царя-жреца и его свиты. Огромные кладовые Кносского дворца с емкостями для зерна, масла и вина были рассчитаны не только (а может быть, и не столько) на постоянных обитателей, сколько на многочисленных «гостей», собиравшихся со всего района. Целая толпа зрителей изображена на так называемой «миниатюрной» фреске Кносского дворца, собравшаяся вокруг минойского святилища. Оно состоит из трех нефов, в каждом из которых мы находим «рога посвящения» (они же увенчивают и крышу нефов)⁷³.

Культовый Минойского Зевса, бога в образе быка, оказался связанным и с заупокойным культом минойцев. В Толосе А в Арханах, перед запечатанной дверью в гробницу, был найден череп быка — священный минойский символ⁷⁴.

Гробница в Мессаре сохранила нам характерную вазу в форме быка, у рогов которого прилепилась небольшая человеческая фигурка «акробата» (как пишет Н. А. Сидорова)⁷⁵. Скорее всего, однако, это символ души умершего, которую изображение минойского божества охраняет и сопровождает на пути в загробное царство. Маринатос открыл в купольной гробнице в Руфтасе следы принесения в жертву целого быка⁷⁶. В гробнице микенской эпохи на о. Наксосе найдено 9 изображений черепа быка из золота⁷⁷. С этим можно связать миф о Миносе — судье в загробном царстве⁷⁸. Точно так же в древнем Египте фараон был живым Осирисом, и тот же Осирис был судьей в потустороннем мире.

Д. Пендлбери отмечал в своей известной книге: «Великолепный критский бык был естественным символом силы и мощи». Но сразу же вслед за этим замечал: «Археологиче-

⁷² *Eiffenterre H.* Vois et places publiques au Nord-Ouest du palais de Mallia, BCH, 87, 1963, p. 235.

⁷³ *Сидорова Н. А.* Указ. соч., с. 108.

⁷⁴ *Sakellarakis J. A.* Minoan cemeteries at Arkhanes, Archaeology, t. 20, 1967, 4, p. 276 sqq.

⁷⁵ *Сидорова Н. А.* Указ. соч., с. 80. Голова быка в комбинации с мужской фигурой встречается и на критских печатях (см.: *Gill M. A.* The Knossos sealings. — BSA, 60, 1965, pl. 17).

⁷⁶ *Antiquity*, 31, 1957, p. 97.

⁷⁷ BCH, 84, 1960, p. 822.

⁷⁸ По поводу Миноса — судьи загробного царства см.: RE, Hbd. 30, Sp. 1920 (Minos — Richter).

ский материал не дает оснований полагать, что он являлся предметом культа»⁷⁹. То же утверждал Нильсон и совсем недавно — Г. Кеншерпер⁸⁰.

Однако картина, вырисовывающаяся в результате сопоставления данных мифологической традиции и культовой обрядности греков более поздней поры (вместе с итогами археологических исследований), объективно свидетельствует против высказанного указанными учеными мнения. «Современная стадия исследования греческой религии все еще остается областью возможного, или же, в тех случаях, когда исследователя ожидают наибольшие удачи — областью правдоподобного», — писал Пикар⁸¹. Окончательное решение вопроса будет зависеть от успеха дешифровки текстов линейного письма А.

Н. М. БОТВИННИК

ПЕРСИДСКИЕ ПОСОЛЬСТВА К АЛЕКСАНДРУ МАКЕДОНСКОМУ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ «РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ»

Недавно установленная новая самостоятельная редакция популярного античного романа об Александре, приписываемого Каллисфену (редакция —ε—), издана Юргеном Трумпфом в 1975 году¹. Источники этой версии — более ранние редакции —α— и —β—. К новой редакции в свою очередь восходят редакция —γ— и среднегреческие переделки романа². Редакция —ε— фантастической биографии Александра Македонского во многом отличается от своих предшественниц. Меняется последовательность эпизодов, появляются новые; в

⁷⁹ Указ. соч., с. 291.

⁸⁰ Указ. соч., с. 40. Подчеркивая, что все исследователи отрицают культ божественного быка на Крите, Кеншерпер тут же, противореча себе, замечает: «Die Verehrung von Doppelaxt und Stier keineswegs auf Kreta beschränkt war, sondern in Vorderasien, im Iran und Afrika formale Parallele hat...» О связях культа Минойского быка с соответствующими культурами в Малой Азии см.: Dietrich B. C. The Origins of Greek religion, В.—N.-Y., 1973.

⁸¹ Указ. соч., с. 6—7.

¹ Anonymi Bysantini. Vita Alexandri Magni regis Macedonum, ed. Trumpf I., Stutg., 1975.

² Там же, с. I—XXIII.

ряде мест автор редакции — ϵ —, даже описывая события близко к тексту редакции — α — и — β —, предлагает собственное объяснение поступков героев, не мотивированных или иначе мотивированных в предшествующих редакциях. Заметно усиливаются фольклорные мотивы; в целом новая редакция романа все больше приближается к греческой народной книге³. Своеобразие новой редакции заметно на протяжении всего повествования, почти в любой его части. Попытаемся показать эти новые черты романа на примере одного из его эпизодов, где рассказывается о начале войны между Александром и Дарием (§ 10).

После смерти Филиппа и провозглашения юноши Александра македонским царем, Дарий отправил в Македонию посланцев с письмом, в котором требовал у Александра ежегодную дань. Александр не только не поклонился грамотам Дария, как этого ждали послы, но даже не вышел к ним навстречу, а вместо себя послал Антиоха, «отрока тринадцати лет», который нес в руках его копье. Антиох потребовал: «упавши, поклонитесь копью Александра. Если это вам не по нраву, Александр погубит вас смертью» (§ 10, 1). Послы вынуждены были подчиниться: они поклонились копьём и поцеловали ноги Антиоха. Только после этого их привели к Александру. Прочитав письмо Дария с требованием дани, Александр разорвал его на глазах у послов и бросил на пол, говоря: «Идите и скажите Дарию, вашему богу, пусть готовится к войне. Если он не медля не смягчит дарами написанное им в незнании, пусть запомнит Дарий, что пока царствует Александр, македоняне не будут платить дань» (§ 10, 4).

Узнав об этом, Дарий посылает к Александру других послов. Персидский царь дает им с собой бич, волчок и два пустых ящика и велит передать следующее: «Взяв плеть и волчок, играй с детьми македонскими. А в два ящика положи ежегодную дань и поскорей отправь» (§10, 5).

Александр взял бич и волчок, истолковав эти дары, как доброе для себя предзнаменование: шарообразный волчок предсказывает ему господство над всей землей, ведь вселенная (*κοσμος*) изображается шарообразной. «Плеть же — это бич, которым надлежит владеть именно господину, чтобы сечь

³ *Богвишник Н. М.* Египетский фараон Нектанеб в новой редакции «Романа об Александре». — XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 42—43.

рабов»⁴. В греческом оригинале при передаче этой сцены возникает игра слов; так же как и русские слова «бич» и «бить», греческие *μαστιξ* и *μαστιγωω* восходят к одному корню. Автор решил, по-видимому, таким образом обыграть «остроумие» ответа Александра.

Относительно пустых ящиков Александр спросил послов: «Как вы осмелились принести ко мне ящики? Пусть царь Дарий получит ответ и на этот дар. «Вот скоро приду искать тебя и подвергну испытанию македонскому, чтобы знал, как противоречить Александру».

• Таким образом, в нашей редакции имеется рассказ о двух посольствах: 1. Первые послы приносят письмо Дария с требованием дани и, вынужденные поклониться копью Александра, уходят, получив отказ. 2. Другие послы приносят Александру символические подарки от Дария, и Александр по-своему истолковывает значение принесенных даров.

Не так выглядит этот рассказ в ранних редакциях — α — и β -. В этих версиях посольство только одно, эпизод с послами, вынужденными поклониться копью, вообще отсутствует; есть и другие отличия. Так, о посольстве с символическими дарами говорится не после рассказа о воцарении Александра (как в ϵ -), а гораздо позднее, в разгар войны, после описания падения Тира ([Callisth.] 1, 36). Только тогда Александра, идущего с войском, встречают послы Дария с письмом и дарами. В ранних редакциях α - и β - эти дары — плеть, мяч и ящик с золотом (чтобы Александр мог расплатиться со своими воинами, как объясняет в письме Дарий).

В отличие от редакций α - и β -, в редакции ϵ - послы Дария приходят к Александру в Пеллу, а не встречают его, уже выступившего в поход в Сирию. Требование Дария прислать дань и его оскорбительные дары для автора версии ϵ - причина войны, и поэтому третий дар, упомянутый в редакции α -, сундук с золотом для расплаты с воинами, он заменил пустыми сундуками, которые Александр должен заполнить данью. Остается еще отметить, что в редакциях α - и β - значительно раньше, при описании детства Александра, есть такой эпизод: Александр, придя к Филиппу, застаёт у него сатрапов Дария, пришедших за данью. Александр прогоняет их, говоря: «Когда Филипп был один, он платил дань. Когда родился Алек-

⁴ Το δε φραγγέλιον τούτο μαστιξ ἐστὶν οὐχὶ ἀλλῶν τινῶν ἐὶ μὴ βεσλοῦτος πρὸς οἰχέτας (§ 10, 6). φραγγέλιον — позднегреческое слово, восходящее к латинскому *fragellum*.

сандр, он перестал давать ее. А я еще приду и заберу то, что было дано» ([Callisth.] 1, 20).

Таким образом, по сравнению с редакциями -α- и -β- редактор нашей версии -ε- изменил текст следующим образом: опустил эпизод прихода послов к Филиппу за данью в начале романа, затем совершенно изменил его, прибавив поклонение копью Александра и не сохранив в нем ничего, кроме требования дани — поместил его непосредственно перед посольством с дарами, соединив рассказы об этих посольствах Дария словами, которых нет в редакциях -α- и -β-: «Пусть Дарий смягчит свое, написанное в незнании письмо дарами» (§ 10, 4). Как бы в ответ на эту фразу Дарий посылает ему издевательские дары. Александр отвечает истолкованием даров в благоприятном для себя смысле: «мяч — это вселенная, бич — господину для слуг, а в ответ на требование дани я пойду на тебя войной». Из-за соединения двух эпизодов (посольство с требованием дани и приход послов с дарами), а также введенного автором -ε- объяснения причины войны между Александром и Дарием ему, как мы уже видели, пришлось заменить ящик с золотом пустыми ящиками. Поэтому благоприятное для Александра истолкование этого дара, содержащееся в редакциях -α- и -β- (послав ящики с золотом, ты, Дарий, сам себе предрекаешь, что будешь платить мне дань) в новой редакции невозможно, и Александр дает только общий ответ, не обыгрывая характер подарка: «Ты мне — пустые ящики, а я тебе в ответ — войну». После этого «диалога» Александра и Дария начинается война.

Таким образом, перестановка и переделка эпизодов в редакции -ε- кажется сделанной вполне логично и сознательно.

Во-первых, не повисает в воздухе, как это было в ранних редакциях, отказ мальчика-Александра от уплаты дани и его угрозы персидскому царю. В новой редакции -ε- ответ на этот отказ — второе посольство Дария.

Во-вторых, присылка послов с дарами получает объяснение в словах Александра о смягчении дарами наглого письма Дария.

В результате изменения текста стал более выпуклым спор или даже состязание в остроумии двух противников, спор, в котором последнее слово остается за будущим победителем. Интересно отметить, что в среднегреческой переделке романа эта тема спора-состязания еще более усилена. Здесь Дарий присылает, кроме мяча, волчка, плети и пустых сундуков, еще два сундука, полных семенами горчицы, сравнивая число гор-

чичных зерен с числом своих воинов. В ответ на это Александр жует и выплевывает горчицу, а Дарию посылает едкий перец, говоря, что такова и сила македонцев⁵.

Надо заметить, что любопытный рассказ о том, как Александр приказывает поклониться своему копыю, существующий только в редакции -ε- «Романа об Александре» и в восходящей к ней редакции -γ-, возник, вероятно, под влиянием мифа о лапифе Кайнее, который был настолько дерзок, что приказал поклоняться своему копыю⁶. Миф был достаточно известен, о чем свидетельствует поговорка το Καίνεσθερον, которую вполне мог знать автор нашей редакции. Ее приводит поздний схолиаст, комментировавший «Аргонавтику» Аполлония Родосского⁷. Сравните также ст. 516 трагедии Эсхила «Семеро против Фив»: аркадец Партенопей клянется своим копьем, что разорит Фивы, а копые для него «превыше бога и дороже глаз». Похожий рассказ есть и у Плутарха⁸. Ферский тиран Александр объявил свое копые святыней, украсил его венками и приносил ему жертвы как богу. Какой-либо из этих или подобных ему рассказов вполне мог быть известен автору редакции -ε-. Ему настолько понравился добавленный им в повествование эпизод, что он повторил его еще раз в другом месте. Когда Александр подошел к городу амазонок, те направили к нему посольство с данью, дарами и письмом, в котором просили прислать изображение Александра, чтобы ему поклоняться. В ответ на это Александр отослал им свое копые, говоря: «Это вместо Александра пусть будет вам» (§ 38, 1—4). Для художественного метода нашего автора вообще характерно повторение тех эпизодов, которые добавил он сам.

Особенность традиции античного романа об Александре связана с большим количеством разных редакций этого произведения, популярность которого в средние века уступала только Библии. Редакторы и переписчики в разное время произвольно сокращали и расширяли повествование. В результа-

⁵ Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Приложение: Александрия по рукописи Венской библиотеки. Lambecius, Cod. theol. CCXVII, Nessel, CCXLIV, с. 21. Сб. стд. рус. яз. и словесности Имп. А. Н., т. 40. Спб., 1886; *Истрин Н. М.* История сербской Александрии в русской литературе, вып. 1. Βιοσ 'Αλεξάνδρου. Одесса, 1909, гл. 25, с. 24—26.

⁶ Schol. in Il. I, 264. То же: Acusilaus Oxyrh. Pap. XIII, 1611, fr. 1. F Gr. H I, 53.

⁷ Schol. in Ap. Rhod. I, 57.

⁸ Plut. Pelop. 29.

те некоторые редакции. (в частности; разбираемая здесь) очень далеки от первоначального текста.

Введение автором редакции -е- эпизода о поклонении копью Александра и его переделка рассказа о символических дарах царя Дария показывают, что эта редакция не была механической контаминацией различных источников, а представляет собой самостоятельную переработку сюжета в духе поэтики фольклорного повествования.

И. А. ДВОРЕЦКАЯ

ПАВЕЛ ВАРНЕФРИД КАК ИСТОРИК И ЭТНОГРАФ
(К вопросу о влиянии позднеримской культуры
на мировоззрение писателя)

Творчество лангобардского писателя Павла Варнефрида (Павла Диакона) изучается в истории позднелатинской литературы около столетия. По немногим известным науке фактам реконструирована биография ученого, изданы и прокомментированы его труды, в отдельных частных исследованиях выявлены эпический элемент и источники исторических сочинений¹. Результатом источниковедческой критики явилась весьма противоречивая оценка Павла Диакона как историка. С одной стороны, его сочинения служат основным материалом к изучению политических событий в Италии V—VIII в., восполняя пробелы византийской историографии. С другой стороны, историки отмечают неосведомленность автора, не-

¹ Ф. Дан поставил вопрос о соединении в исторических повествованиях Павла Диакона саги с подлинной историей (*Dahn F. Germanische Studien. Sechste Reihe. Berlin, 1884, s. 123—150*). Т. Моммзен высоко ценил литературный талант Павла Диакона, по стилю и характеру обработки источников предпочитая его Григорию Турскому и защищая от обвинений Вайтца в склонности к компиляции (*Mommsen Th. Die Quellen der Langobardengeschichte des Paulus Diaconus. In: Gesammelte Schriften. Berlin, 1910, B. VI, s. 485—539*). Литературную деятельность историка изучали К. Нефф, М. Манициус (*Manitius M. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. B. I. München, 1965, s. 257—272*). Р. Джачинто проанализировал источники «*Historia Langobardorum*» (*Giacinto R. Storia politica d'Italia. Le dominazioni barbariche in Italia (395—1024). Milano, 1909*). Современная итальянская историография продолжает это направление, проявляя интерес к различным аспектам личности Павла Диакона (*Sestan E. Qualche aspetto della personalità di Paolo Diacono nella sua «Historia Romana». Italia Medievale. Napoli, 1967, p. 50—75; Bognetti G. Processo logico e integrazione delle fonti nella storiografia di Paolo Diacono. L'età Longobarda. III. Milano, 1967, p. 159—184*).

предельность и даже ошибочность некоторых суждений²; невнимание к отдельным сторонам общественной жизни³, в целом сомнительную интерпретацию событий⁴. В процессе источниковедческой работы над произведениями Павла Диакона обнаружилась необходимость внимательного рассмотрения мировоззрения историка с точки зрения его отношения к античной историографии. Специальных исследований такого направления пока нет. Со времен Ф. Дана утвердилось мнение о Павле Диаконе как историке-патриоте, прямодушном бытописателе своего народа, глубоко переживавшем его трагедию и сохранившем преданность лангобардской старине⁵.

² П. И. Аффо упрекал Павла Диакона за игнорирование сведений античной географии в перечислении названий крепостей Эмилии, захваченных Лиутпрандом (см.: *Affo P. I. Storia della città di Parma*. Т. I—IV. Parma, 1792—1795). Л. М. Гартман находил в рассказах о междоусобицах много романтического, а в изложении обстоятельств лангобардского завоевания неясного, спорного и противоречивого. Некоторую небрежность в использовании источников он отметил при разборе отрывка о терциях (*Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter*. В. II, t. I. Gotha, 1900, s. 43). М. Манициус указывал на беглость обработки источников и искажение отдельных фактов в «*Historia Romana*» (*Manilius M. Op. cit.*, s. 262). Д. Фазоли находит неточности в «*Historia Langobardorum*» (перечень герцогов VI в., сообщение об одновременном функционировании арианской и католической епископской церкви во всех городах Северной Италии (*Fasoli G. I. longobardi in Italia*. Bologna, 1965, p. 27)).

³ К переходу от арианства к католицизму (*Dannenbauer H. Die Entstehung Europas*. В. I. Stuttgart, 1959, s. 19—20), к экономическому состоянию так называемой «лангобардской цивилизации» (*Tagliaferri A. I Longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo medioevo*. Milano, 1965, p. 7, 14).

⁴ А. Джонс в трехтомной монографии о поздней Римской империи назвал Павла Диакона ненадежным источником (*Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. V. I. Oxford, 1964, p. 303). Д. Фазоли и Дж. П. Бонетти ставили использование и интерпретацию всех источников Павлом Диаконом в связь с единым процессом, служившим замыслу его труда, подтверждению всех положений. Д. Фазоли сделала вывод о том, что пользоваться Павлом Диаконом, как источником, можно с большой осторожностью, тщательно проверяя все его известия (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 26, 28).

⁵ Ф. Дан приписывал Павлу Диакону «горячее, верное сердце лангобарда». Односторонне интерпретируя немногие факты его биографии, Ф. Дан пытался доказать, что историк всегда оставался чуждым официальным политическим кругам франкского императора (*Dahn F. Op. cit.*, s. 137—139). В советской историографии подобную оценку мировоззрения Павла Диакона разделяли О. А. Добиаш-Рождественская и А. Д. Люблинская (Добиаш-Рождественская О. А. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. М.—Л., 1937; Люблинская А. Д. Источниковедение средних веков. Л., 1955, с. 58). И. Н. Голенищев-Кутузов отрицал прокатолическое направление «*Historia Langobardorum*» (*Средневековая латинская литература Италии*. М., 1972, с. 159).

Правда, еще Т. Моммзен отмечал в историческом повествовании Павла Диакона равноправное сопоставление римской и германской традиций, стремление включить лангобардскую историю в общеталийскую и даже всеобщую⁶.

Современная итальянская историография выделяет в личности Павла Диакона два момента: глубокое религиозное чувство и «политически-национальную чувствительность», то есть «лангобардский патриотизм»⁷. При разборе «*Historia Romana*» Э. Сестан видит в Павле Диаконе, как историке, не мыслителя и теолога в отличие от его современников, а прежде всего литератора, художника, излагавшего драматические факты, интересные эпизоды и курьезные анекдоты⁸. Подобная трактовка личности Павла Диакона в значительной степени обедняет его интеллект, игнорирует преемственность культурно-исторических традиций, унаследованных от античной историографии, и творческое их восприятие в новой политической обстановке.

Творчество этого блестящего представителя Каролингского возрождения отразило интенсивный процесс формирования этнического и политического самосознания своего народа под непосредственным влиянием ведущих направлений культурно-исторической жизни эпохи⁹. Античная и позднеримская традиции в его мировоззрении органически соединились с христианско-богословскими концепциями, испытав значительное воздействие византийской историко-политической мысли.

В этом плане рассмотрение главного исторического произведения Павла Диакона, его «Истории лангобардов» дает

⁶ *Mommsen Th. Op. cit.*, s. 485—512. Не отвергая «живого национального чувства» Павла Диакона, обостренного падением Лангобардского королевства, Т. Моммзен отрицал оппозиционное настроение историка в отношении к Карлу Великому и высказал небезосновательное предположение о том, что Павел Диакон думал о написании третьей части истории Италии в виде *gesta Francorum*.

⁷ *Sestan E. Op. cit.*, p. 52; *Lopez R. S. The birth of Europe. Philadelphia. New York, 1967*, p. 44. Д. Фазоли соответственно определяет политическую цель написания «Истории лангобардов» как стимул к возрождению могущества королевства (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 21).

⁸ *Sestan E. Op. cit.*, p. 65; *Holder Egger O. Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des 5. und 6. Jahrhunderts. Neues Archiv*, v. I. 1876, s. 30.

⁹ О логическом процессе соединения лангобардского самосознания с латинской культурой писали Дж. Фазоли и Л. Мюссэ (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 21; *Musset L. Les invasions. Paris, 1965*, p. 147).

чрезвычайно много интересного. «*Historia Langobardorum*»¹⁰ принадлежит целой серии «Историй», посвященных народам варварского происхождения, написанных в VI—VIII вв. под непосредственным влиянием позднеантичной историографии. Труды Аблавия и Иордана, Исидора Севильского, Григория Турского, Беды, Секунда-исторические повествования о великих подвигах народа в прошлом и не менее значительных деяниях в настоящем должны были показать политическую активность народа-завоевателя и доказать его право быть достойным преемником Римской империи. Создание таких «Историй» соответствовало началу формирования политической идеологии в среде варваров, легко воспринимавших политические идеи императорского Рима.

Не вступая в дискуссию по поводу спорных моментов биографии Павла Диакона, отметим наиболее существенные этапы жизненного пути, повлиявшие на формирование мировоззрения историка и его интеллектуальной культуры. Павел Диакон вырос в семье знатного фриульского лангобарда (родился в 20-е гг. VIII в.) и получил классическое по тому времени образование у известного грамматика Флавиана. Павел Диакон изучал греческий язык, а это было редкостью даже в кругу деятелей Каролингского возрождения. Изучение греческого языка облегчило Павлу Диакону знакомство с византийской литературой¹¹. Античную классическую литературу он знал довольно широко, об основательной филологической подготовке писателя свидетельствуют цитаты не только из Гомера, Платона, Цицерона, Вергилия, Горация, но и из Эния, Пакувия. Латинские риторы и поэты VI в., почитаемые в средние века (до XI и заново с XVI в.), как классики, заслужили высокую похвалу Павла Диакона. Он посетил могилу Венанция Фортуната и посвятил ей восторженную эпитафию. С большим уважением отзывался о грамматике Феликсе из Павии (*Pauli Hist. Lang. VI, 7*), Бенедикте Криспе из Милана, наставнике в изучении семи свободных искусств, авторе медицинской поэмы, составленной по образцу Серена

¹⁰ Pauli *Historia Langobardorum. Scriptorum rerum Germanicarum*. Hannoverae, 1878 (в тексте сокращенно — *Pauli Hist. Lang.*). Об изданиях «*Historia Langobardorum*» в Италии писал П. Ф. Палумбо (*Palumbo P. F. Studi medievali*. Napoli, 1949, p. 174, 175). П. Ф. Палумбо констатировал, что в итальянских изданиях Павел Диакон более известен как литератор, чем историк.

¹¹ По поводу греческих штудий Павла Диакона писал М. Манициус (*Manitius M. Op. cit.*, s. 258. Anm. 3).

и Плиния, о поэте и риторе Стефане из Павии, писавшем по заказу Куниинкперта с извлечениями из Вергилия¹². На основе изучения классической литературы Павел Диакон написал поэму, в которой упомянул особо почитаемых в его время античных поэтов (среди них Лукан, Кальпурний, Вергилий, Овидий, Намацнан). Знал и охотно цитировал Павел Диакон и христианских поэтов Седулия, Фортуната, Ювенка, Аратора¹³.

Долгое время Павел служил при дворе лангобардских королей в должности нотариуса и государственного секретаря, был учителем и наставником Адельперги, дочери Дезидерия, которая впоследствии стала женой беневентского герцога Арихиса¹⁴. Вероятно, Адельперга была близка с ученым миром королевского двора, и ее духовное развитие шло в рамках формирования новой идеологии. В надписи на ее могиле Павел Диакон увековечил память о высокой образованности, отличавшей дочь Дезидерия среди других членов королевской фамилии: «Quod logos et phisis moderansque quod ethica pangit, omnia considerat mentis in arce suae»¹⁵. Первый свой исторический труд «Historia Romana» Павел Диакон посвятил Адельперге, и вряд ли только дидактические задачи толкнули его к написанию «Римской истории», как полагает Э. Сестан¹⁶. Адальперге был известен весьма занимательный «Бревиарий римской истории» Евтропия, общепринятый учебник еще в эпоху поздней империи, и для обучения и простого

¹² Сохранение классической традиции в VI—VIII вв. отметил Ф. Рэйби (*Raby F. A History of secular latin poetry in the middle ages. V. I. Oxford, 1957, p. 161*). Современники Павла Диакона, риторы из городов Северной Италии были тесно связаны с античной культурой и не упускали случая блеснуть своим классическим образованием в искусстве сочинения ритмов. Города и королевский двор Павии стали теми культурными центрами, где ученые клирики старались сохранить уважение к памятникам античной культуры (*Fournier G. Histoire medievale. Paris, 1970, p. 168*).

¹³ Список авторов, почитаемых Павлом Диаконом, не отличается от других, известных в эпоху Каролингского возрождения (*Raby F. Op. cit., p. 181*). М. Манициус сообщает, что Павел Диакон привез франкам из Италии кодекс буколик Намацнана и Кальпурния (*Manitius M. Op. cit., s. 270. Anm. 5*). Из лангобардской Италии пришли и *Florilegia*, собрание извлечений из латинских поэтов для школы (*Raby F. Op. cit., p. 181, n. 4*).

¹⁴ Ф. Дан предполагал, что фриульский род Варнефридов никогда не терял связи с беневентскими правителями, выходцами из Фриуля (*Dahn F. Op. cit., s. 127*).

¹⁵ *Manitius M. Op. cit., s. 257*.

¹⁶ *Sestan E. Op. cit., p. 67*.

удовлетворения возникшего интереса можно было им ограничиться. Однако в посвящении к «Римской истории» Павел Диакон объясняет, что Адальперге, отличавшейся особой утонченностью в занятиях науками, не нравилась чрезмерная краткость Евтропия. Он же, будучи не просто учителем, но постоянным покровителем ее штудий¹⁷, составил «Римскую историю» заново, расширив и продолжив повествование вплоть до середины VI в.¹⁸ Выбор Евтропия, как основного источника первых десяти книг, не был случайным, этот автор являлся идеологом придворных императорских кругов в IV в. Вероятно, глубокие духовные связи соединяли замысел Павла Диакона с политическими интересами и запросами господствующей придворной верхушки лангобардского общества второй половины VIII в. Современники считали Павла Диакона не только ученым и мыслителем, достигшим вершин мудрости¹⁹, но и реальным политиком, идейно и политически связанным с правящей верхушкой²⁰. «Римская история» была написана накануне франкского завоевания Италии в обстановке ожесточенной социально-политической борьбы в Лангобардском королевстве. Натиск франков, растущее могущество империи Карла Великого и внутренние распри, ослаблявшие сопротивление лангобардов, — все это заставляло пристально вглядываться в судьбы Римской империи и сущность византийской политики на Западе. «Римская история» доведена до середины VI в. и в ней уже была высказана мысль о последующем продолжении ее вплоть до современных историку событий. Дополнения, сделанные к Евтропию²¹, последовательное изложение истории V и первой поло-

¹⁷ «...elegantiae tuae studiis semper fautor...» (*Manitius M. Op. cit., s. 259*).

¹⁸ Э. Сестан считает, что вторая часть «Римской истории» (книги XI—XVI) представляет собой оригинальный труд историка на базе глубокой обработки различного рода источников в едином стиле. Павлом Диаконем использованы Юстин, Аврелий Виктор, Фронтин, Орозий, Иордан, Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда, Эннодий, Проспер, Евгиппий и другие авторы (*Sestan E. Op. cit., p. 52—59; Manitius M. Op. cit., s. 262*).

¹⁹ «...Omnia sophiae caepisti culmina sacrae, Rege monente pio Ratchis, penetrare decenter...» (*Manitius M. Op. cit., s. 259*).

²⁰ *Ibid.*: «...regalis protimus aula ob decus et lumen patriae te sumpsit alendum... Eximie dudum Bardorum stemmate gentis... sumpisti generis ortum...».

²¹ В раздел о римских завоеваниях в долине По включает рассказ об инсубрах и их борьбе с римлянами (IV, 3). Прием дополнения своего источника отметили Э. Сестан и Д. Бонетти (*Sestan E. Op. cit., p. 71, p. 81; Bognetti G. P. Op. cit., p. 159—184*).

вины VI столетия, потребовавшее обширных знаний западных и византийских источников, намерение дать логическое завершение начатого труда свидетельствуют об огромной эрудиции историка, определенном литературном таланте, и, безусловно, о складывающейся в процессе работы историко-политической концепции. Если в «Римской истории» она не может быть выявлена даже в самых общих чертах, хотя историк находил в реальной расстановке борющихся политических сил в Италии в VI в. результаты завоевательной политики Византии, то в «Истории лангобардов» политическая мысль автора выражена более отчетливо. Идею римского единства, свойственную позднеантичной историографии, Павел Диакон переносит на понимание путей развития варварского общества. Он сосредоточил внимание на разоблачении происков Византии в борьбе за Италию, заинтересовался вопросами этнической общности германских племен, развития варварской государственности и подвел читателя к пониманию превосходства государственного начала над центробежными силами ранневарварского общества. По мнению большинства ученых, Павел Диакон писал «Историю лангобардов» после падения Лангобардского королевства во время пребывания в монастыре, будучи «ссылным, беспомощным и беззащитным»²². Против одностороннего подхода к рассмотрению мотивов, побудивших Павла Диакона взяться за сочинение истории лангобардов²³, могут быть выдвинуты некоторые возражения. Затворничество в монастыре вряд ли было вынужденным. В библиотеке монастыря историк находил нужные рукописи, дополняя полученные сведения личной информацией: он много путешествовал по Италии, в 782 г. предпринял поездку во Франкское государство. Та свобода и точность, с которыми он описывает большие города Северной Италии, Рим, Беневент, позволяют догадываться о тщательной предварительной под-

²² Ф. Дан, М. Манициус, Д. Фазоли считают пребывание в монастыре Монте Кассино ссылкой за участие в заговоре фриульской знати против Карла Великого (*Dahn F. Op. cit., s. 131—132; Manitius M. Op. cit., s. 258; Fasoli G. Op. cit., p. 18—19*). Катастрофа лангобардов в Италии стала личной для писателя, поэтому историю своего народа Павел Диакон мог написать только в период 766—774 годов (*Dahn F. Op. cit., s. 128—130; Manitius M. Op. cit., s. 257*). Д. Фазоли полагает, что труд был завершен в 787 г. после поездки ко двору Карла Великого (p. 19).

²³ Одни (Ф. Дан, Д. Фазоли, М. Манициус) видят в Павле Диаконе только страстного патриота, другие панегириста Карла Великого (*Balbo C. Della storia d'Italia. Losanna, 1846, p. 89*).

готовке к написанию «Истории лангобардов». Богатство собранного по устным и литературным источникам материала свидетельствует о том, что замысел возник еще в предшествующие годы, а политические события последних десятилетий существования Лангобардского королевства сделали историка политически тенденциозным писателем. Отдельные части «Истории лангобардов» создавались в разное время, об этом можно судить по различию стиля первых и последних книг²⁴, по характеру географических описаний, сделанных автором с различных позиций своего местопребывания²⁵, по наличию общих мест в объяснении лангобардских понятий, сделанных в извлечениях из Феста и в «Истории лангобардов»²⁶. Против затворничества в Монте Кассино говорит и факт обращения к Карлу Великому с просьбой о помиловании брата, затем путешествие к франкам с явным стремлением наладить контакты с новым правителем Италии. В письме к аббату Монте Кассино он сообщает, что император благосклонен к нему, «пытается удержать» около себя²⁷. В стране Павел Диакон чувствует себя свободно, пишет историю епископства Меца, путешествует по Мозелю. Вполне вероятно, что пребывание во Франкском государстве дало ему дополнительный источник в освещении франко-лангобардских отношений в «Истории лангобардов».

Для выяснения политических взглядов и мировоззрения историка немаловажное значение имеет это шестилетнее общение с придворными кругами франкского императора (782—788 гг.)²⁸. Доброжелательность приема, оказанного лангобардскому поэту и ученому, не вызывает сомнения у исследователей биографии Павла Диакона. Об этом же свидетельствует намерение Карла отправить его в составе франкского посольства в Константинополь, поручение составить стихотворные эпитафии на смерть жены, дочерей и других членов

²⁴ *Manilius M. Op. cit., s. 269. Anm. I.*

²⁵ В первой книге описание провинций идет с севера и предполагает взгляд автора с севера на юг. В третьей книге описание направления меняется: Милан остается справа, а Комо становится левой стороной Италии. В шестой книге Павел Диакон называет Павию и Брешию расположенными *trans Padum*, то есть со стороны Беневента.

²⁶ *Manilius M. Op. cit., s. 265.*

²⁷ Ф. Дан интерпретирует это место как риторическое выражение, означавшее изъявление воли императора (*Dahn F. Op. cit., s. 136*).

²⁸ Некоторые франкские источники, обработанные в «Истории лангобардов», были собраны в этот период. Например, легенда о Гунтрамне (*Pauli Hist. Lang. III, 34*).

королевской семьи. Следует учесть восхваление родоначальника Каролингов в истории епископства Меца, а также обращение Карла к Павлу Диакону по поводу написания некоторых произведений светского и церковного содержания и посвящения, адресованные автором императору²⁹. Определенные идеологические связи и контакты должны были иметь место, они связывали духовно представителя лангобардской знати с господствующей верхушкой франкского общества. Еще М. Манициус отметил, что Павел Диакон приблизился к осмыслению политической значимости фигуры Карла Великого, находя объяснение этому в понимании культурно-исторической преемственности франкской и античной культур³⁰.

Не исключено, что окончательная обработка «Истории лангобардов» была сделана в Монте Кассино, об этом говорит и сам автор (Pauli Hist. Lang. I, 26; VI, 41). Итак, время написания этого сочинения охватывает длительный период, и пребывание во Франкской империи имело определенное значение в формировании политической тенденциозности автора. Если признать, что смерть, последовавшая в 799 г., помешала Павлу Диакону закончить задуманный труд³¹, то замысел оправдания франкского завоевания остался неосуществленным. Если же признать, что история лангобардов преднамеренно завершена правлением Лиутпранда, последнего короля, отмеченного величием и могуществом, то тенденциозное игнорирование событий последних десятилетий существования королевства может быть объяснено стремлением уйти от обсуждения спорных политически актуальных проблем современности, чтобы подвести к пониманию истории лангобардов, как части всеобщей истории.

«История лангобардов» Павла Диакона в сочетании с «Римской историей» раскрывает более ранний замысел историка — создать широкое полотно по типу всеобщей истории. Об этом свидетельствует обещание, данное в «Римской истории», продолжить ее до современных автору событий, а также углубленное изучение римской истории от основания Ри-

²⁹ По просьбе Карла Великого Павел Диакон составил *Homiliensammlung*, сделал извлечения из Феста, написал комментарий к Донату, который использовался в качестве школьной грамматики (*Manilius M. Op. cit.*, s. 264—272).

³⁰ *Manilius M. Op. cit.*, s. 264.

³¹ *Dahn F. Op. cit.*, s. 150; *Mommsen Th. Op. cit.*, s. 512; *Manilius M. Op. cit.*, s. 259, обещание продолжить «in loco proprio...» (Pauli Hist. Lang. VI, 58).

ма, особое внимание к римским древностям, большой круг западных и византийских источников, привлекаемых для описания событий V—VIII вв., интерес к политике Запада и Востока, однотипное начало обеих историй³². Последнюю 16-ю книгу «Римской истории» завершают слова: «...quia vero restant adhuc, quae de Justiniani Augusti felicitate dicantur, in sequenti... libello promenda sunt». Вместо этой «следующей книги» появились шесть книг лангобардской истории. Павел Диакон создавал свою историческую концепцию на основе признания последовательного исторического развития народов, их взаимосвязей и дальнейшего прогресса. Он глубоко осознал культурно-этническую общность германских народов, их роль в историческом развитии. Уважение к традициям римской культуры не противоречило пониманию этого исторического развития на новом этапе создания варварского государства. В этом плане можно рассматривать и обещание продолжить «Историю лангобардов», весьма вероятно, по типу продолжения «Римской истории». Э. Сестан считает, что только римская история воспринималась Павлом Диаконем как всеобщая, а в ее рамки включалась история отдельных народов. Во взаимодействии этих частей единой истории он, якобы, не делал большого различия между победителями и побежденными³³. Связь между «Римской историей» и «Историей лангобардов» представляется Э. Сестану не прямой восходящей линией исторического прогресса, а замкнутой внутри единого культурно-исторического круга. Главным доказательством высказанной гипотезы служат так называемые «антиварварские» настроения Павла Диакона в «Римской истории». Речь идет об оценке деятельности некоторых варварских вождей и поведении варварских групп в определенной политической ситуации. К этому можно добавить подобные характеристики в «Истории лангобардов» (поведение лангобардов в начале завоевания, в период герцогского произвола, герцогские мятежи и междоусобицы. Эти «антиварварские настроения» Павла Диакона навеяны не только позднеимской и византийской оценкой деятельности некоторых варварских вождей, но и глубоким убеждением историка в силе и действенности крепкого государственного начала и

³² Римскую историю Павел Диакон начинает с переселения Сатурна и Энея, а лангобардскую с переселения лангобардов под предводительством своих вождей.

³³ Sestan E. Op. cit., p. 74.

политического единства. Те политические деятели из среды варваров, которые рассматривались позднеримской и византийской историографией как разрушители государственного единства империи и пособники варварских бесчинств, отрицательно охарактеризованы и Павлом Диаконом³⁴. Такой подход к изучению исторической концепции Павла Диакона устраняет кажущееся противоречие между характеристикой варварских вторжений в Италию, в том числе и лангобардов (кн. 1), и выводом о счастливом правлении последних («...postea in Italia feliciter regnavit...»).

Павел Диакон был далек от прямолинейного прославления франкского завоевателя и рабски униженной лести побежденного. Он осмыслил политический переворот как политик и историк-философ, находя в лангобардской истории положительные аспекты, соответствующие его исторической концепции. Отсюда восхваление спокойствия, наступившего при Аутари, гордость победами над франками в пору могущества Лангобардского государства, примирение с Григорием Великим и осуждение его преемников, противодействовавших государственному единству и политической самостоятельности королевства. Для Павла Диакона эти славные страницы прошлого — не проявление «узкого национализма», как пишет Д. Фазоли³⁵, а обоснование концепции о реальной силе государственности. Политическая идея создания сильного государства, опирающегося на церковь, лежит в основе «Истории лангобардов». Если Э. Сестан говорит о трудности понимания романо-христианско-варварского духовного мира³⁶, то этот тезис вполне приложим и к позиции Павла Диакона, отразившего целый этап в формировании политической идеологии нового классового общества каролингской эпохи. Гипотеза, высказанная Д. Фазоли, о замысле написать историю лангобардов по побуждению ученых деятелей каролингской придворной Академии и даже самого Карла Великого³⁷

³⁴ Павел Диакон осуждает Стилихона «Wandalorum perfidiae et dolosae gentis genere editus» (Historia Romana XII, 16), Радагайса («omnium antiquorum praesentiumque hostium longe immanissimus Radagaisus rex Gothorum» — Hist. Romana XII, 11), Рецимера и его «barbarica perfidia» (XV, 3). Мир и спокойствие считал основой политического могущества и самоуверждения народа, эту мысль он выразил в письме-посвящении Адальперге в 763 г. (Manitius M. Op. cit., s. 257. Ann. I).

³⁵ Fasoli G. Op. cit., p. 22, 23.

³⁶ Sestan E. Op. cit., p. 75.

³⁷ Fasoli G. Op. cit., p. 20, 21.

имеет веские основания. «История лангобардов действительно освещает события на Востоке и Западе в рамках всеобщей истории, в плане политического и культурного взаимодействия народов. Однако узко-национальный аспект этой гипотезы, который развивает Д. Фазоли, навеян традиционным представлением о лангобардском патриотизме историка, мечтавшего, якобы, о возрождении лангобардского государства с помощью бенеventского герцога. К противоположному выводу приводит сопоставление «Истории готов» Иордана и «Истории лангобардов» Павла Диакона, интересно подчеркнуть общую политическую направленность этих трудов. Оба автора приступили к написанию истории после разгрома государств, славу которых намеревались увековечить. Со времен античной историографии утвердился риторический прием прославления противника с целью приумножения славы победителя. Прославив деяния своих предков, углубившись в изучение старины, собрав все, что сохранила народная память, легенды, песни, рассказы современников и литературные произведения, Иордан и Павел Диакон могли свободно, не вызывая упреков в пристрастности, выполнить и социально-политический заказ своих покровителей — в первом случае византийского императора, во втором — франкского. Историки выходили за узкие рамки «национальных историй», и в широких исторических повествованиях соединяли в единое целое римскую и варварскую историю. Освещая события, происходившие на Западе и Востоке, они следовали традиции римской историографии и подводили к мысли о политической преемственности народов, завоевавших территорию Римской империи³⁸. Однако творчество Иордана и Павла Диакона разделяют два столетия, а этот период полон значительных изменений в судьбах народов Европы. Стало очевидным политическое утверждение германских народов на большей территории Западной и Центральной Европы. Интенсивно шел процесс формирования территориальной, экономической, культурно-языковой общности, ассимиляции с остатками римского и древневарварского населения. Глубокие перемены

³⁸ М. Лайстнер начинает новый период историографии, сменивший упадок позднелатинской литературы появлением труда Иордана. Он отметил такие особенности исторических сочинений раннего средневековья, как хронологическая основа, критическое отношение к используемому материалу, недостаточную оригинальность, компилятивность, влияние риторики на стиль (*Laistner M. L. W. The Intellectual Heritage of the Early Middle Ages. New York, 1957, p. 6, 20*).

происходили в области религиозной идеологии. Римская церковь утвердилась во многих варварских государствах, оттесняя арианство, успешно в пользу римской церкви завершилась схизма на Западе³⁹, тщательно разрабатывались новые каноны и догматы католицизма, оказывавшие существенное воздействие на социально-политическую организацию варварского общества и укрепление раннефеодальной государственности. Неизмеримо возросло материальное и политическое могущество римской церкви, которая активно участвовала в международной политике. Церковь завоевывала ведущие позиции в политической и идеологической жизни общества. Этот фактор наряду с влиянием античной, поздне-римской и византийской культуры сыграл решающую роль в формировании мировоззрения Павла Диакона.

Изучение идейных истоков формирования личности Павла Диакона как историка логически связано с характером использования им источников для написания «Истории лангобардов», главного и последнего труда, подводившего итог всем размышлениям автора.

Получив классическое по своему времени образование, Павел Дьякон навсегда остался искренним почитателем античной учености⁴⁰. Начитанность его в античной литературе довольно широка. В «Истории лангобардов» он объясняет значение некоторых греческих слов⁴¹, сообщает отдельные факты из истории Египта и Рима⁴², дает этимологию географических названий, ссылаясь на древних историографов⁴³. В качестве источников называет труды римских историков, анналы Истрии, сочинения Аврелия Виктора, Плиния Старше-

³⁹ Эпитафии римским папам содержат прославление их усилий в борьбе со схизмой ради торжества «veram fidem» — эпитафия Пелагию I (555—561 гг.), Гонорию I (625—638 гг.) (Die Epitaphien der Päpste und andere stadtrömische Inschriften des Mittelalters. Ed. F. Schneider. Rom, 1933).

⁴⁰ Т. Моммзен отметил, что для своей эпохи римское образование Павла Диакона беспрецедентно, а в интересе и знании классической литературы он может сравниться только с гуманистами (Mommesen Th. Op. cit., s. 485—487).

⁴¹ Pauli Hist. Lang. II, 14, 19, 20. Т. Моммзен называл его словарь латинских понятий (извлечение из Феста) шедевром (Mommesen Th. Op. cit., s. 487). М. Манициус нашел в нем много дополнений и уточнений (Manitius M. Op. cit., s. 258). Павел Дьякон намеревался продолжить свою работу дальше.

⁴² Pauli Hist. Lang. I, 15; II, 18, 23.

⁴³ Pauli Hist. Lang. II, 14, 23, 24.

го⁴⁴, цитирует Вергилия (Pauli Hist. Lang. I, 6). Знает Павел Диакон римских авторов, писавших о Германии и отождествлявших старогерманского Вотана с Меркурием (Pauli Hist. Lang. I, 9). Естественнонаучные познания Павла Диакона соответствуют уровню античной науки⁴⁵. Знакомство с греческой мифологией обнаруживается в рассказе о кинокефалах, с помощью которых будто бы лангобарды победили своих врагов (Pauli Hist. Lang. I, 11), в саге о Ламиссио, в которую включен элемент мифа об амазонках (Pauli Hist. Lang. I, 15). Упомянув о сыне Арнульфа мажордоме Анхизе, отмечает, что тот был назван по имени троянца Анхиза⁴⁶ (Pauli Hist. Lang. VI, 23).

Позднеримская литература оказала влияние на отношение Павла Диакона к варварскому миру. Идею нравственной деградации, вызванной изнеженностью представителей римского общества, он положил в основу рассуждений о значении переселений в ранней истории лангобардов⁴⁶. Историк говорит, что лангобарды, изнеженные безмятежной жизнью на Эльбе («безмятежность — мать пороков и несет гибель»), где они пребывали в течение длительного периода, были разбиты булгарами (Pauli Hist. Lang. I, 16). В определении характера действий варваров по отношению к римлянам позиция Павла Диакона противоречива. С одной стороны, следуя проварварской традиции, он пытается объяснить жестокость варваров не менее жестокой политикой римлян, которые толпами обращали варварских пленников в рабов. С другой стороны, Павел Диакон находится под влиянием тех римских писателей, для которых оплакивание несчастной Италии, страдавшей от нашествий варваров, стихийных бедствий,

⁴⁴ Pauli Hist. Lang. I, 2; II, 14, 18. Среди латинских рукописей раннего средневековья часто встречаются «Естественная история» Плиния, оригиналы итальянского происхождения V—VI вв. (Codices Latini Antiquiores. Ed. Lowe E. A., part VI. Oxford, 1953). Т. Моммзен предполагал, что Павел Диакон имел некоторые источники римского происхождения в более полном виде, чем они сохранились до нашего времени (Festus de significatione verborum, De origine gentis Romanae, Origo gentis Langobardorum), — последнее либо принадлежало писателю позднеримской эпохи, либо было ему известно (Mommisen Th. Op. cit., s. 491).

⁴⁵ Географическое описание Европы, климатических условий, сведения о положении солнца в различных частях света, о приливах и отливах, течениях в Адриатике, о режиме плавания вдоль берегов Галлии и Британии (Pauli Hist. Lang. I, 1, 5, 6; II, 9).

⁴⁶ Историк рисует области с суровым северным климатом как более благоприятные для людей, так как жители солнечной страны чаще подвержены болезням (Pauli Hist. Lang. I, 16).

внутренних распрей и бесконечных войн, стало признаком патриотических чувств и как бы литературным приемом. Этим приемом пользуется историк в характеристике положения поздней Римской империи: варвары в течение длительного времени разрушали города Иллирии, Галлии и «несчастной Италии», которая более других испытала их жестокость (Pauli Hist. Lang. I, 1). Источником сведений, безусловно, была римская традиция и на нее указывает Павел Диакон, употребляя характерный оборот — «рассказывают».

Склонность Павла Диакона к драматическим описаниям и преувеличениям бедствий военного времени тоже навеяна знакомством с античной историографией. В описаниях военных действий против Рима преобладает ставшая стереотипной фраза «vastantibus omnia per circuitum Langobardis» (Hist. Lang. III, 11). Сражение с франками закончилось таким разгромом, какого давно не помнили: многие франки были убиты, другие взяты в плен, остальные в страхе бежали⁴⁷. Битва лангобардов с герулами закончилась, по его словам, уничтожением герулов⁴⁸. В столкновении лангобардов с готами Тотилы «они (лангобарды) истребили их до полного уничтожения...» (Pauli Hist. Lang. II, 1). Поэтической прозой можно назвать описания стихийных бедствий⁴⁹, полны трагизма слова, завершающие описания набегов варваров, военных походов—войско уничтожено, население истреблено, города и села разграблены, сожжены, разрушены; провинция опустошена⁵⁰.

Павел Диакон обнаруживает широкое знакомство с литературой позднеримского и раннесредневекового периода.

⁴⁷ Pauli Hist. Lang. III, 29. Григорий Турский, на которого в этом месте ссылается Павел Диакон, более скуп и сдержанно описывает событие. Секунд, современник войны, вообще не счел нужным упомянуть об этой победе лангобардов.

⁴⁸ Pauli Hist. Lang. I, 20. В описании битвы вводится поэтическое сравнение: на поле зеленого льна словно в волнах моря взмахивали руками обезглавленные враги, напоминавшие пловцов.

⁴⁹ Pauli Hist. Lang. III, 23, 24. Наводнение описано как грандиозное бедствие, равное Ноеву потопу. После эпидемии в конце VII в. «на форуме и улицах Тичино выросли деревья и кустарники, город обезлюдел» (Pauli Hist. Lang. VI, 5). Прошли «грозы, каких люди и не помнили, тысячи людей и животных погибли» (Pauli Hist. Lang. V, 15). Эпидемия в Лигурии представлена как страшная картина гибели, «мрачное безлюдье» контрастирует с полнотой жизни в природе: «нивы стояли в ожидании жнецов, блестящие гроздья винограда ждали прихода зимы среди давно уже опавших листьев» (Pauli Hist. Lang. II, 4).

⁵⁰ Pauli Hist. Lang. III, 3, 6, 7, 9, 13; IV, 23, 28; V, 10, 13.

Упоминает Кассиодора, зная, что тот славился в Риме своей ученостью и оставил много трудов (Hist. Lang. I, 25). называет римских церковных поэтов Марка Дионисия и Аратора, анонимного писателя из Равенны, составителя варварской географии, Исидора, Северина, епископа Норика (Hist. Lang. I, 18). Высоко ценил литературный талант Евгиппия, Григория I, Иордана, Прокопия, Григория Турского и Беды⁵¹. Особенно много извлечений из Григория Турского имеется в III книге «Истории лангобардов», причем автор признается, что описание победы Аутари над франками сделано «ipsis reape verbis (Hist. Lang. III, 29)⁵². В изложении легенды о Гунтрамне особо оговаривается, что оно взято не из «истории франков» (Pauli Hist. Lang. III, 34). Э. Сестан убедительно доказал, что сообщение Григория Турского о лангобардах Павел Диакон перенес в «Историю лангобардов»⁵³.

Прямые заимствования из литературы в то время не считались признаком недобросовестности авторов или легковесности их стиля. Наоборот, они служили проявлением высшей почтительности к авторитету ученых и свидетельством собственной учености.

Источники византийского происхождения занимают особое место в произведениях Павла Диакона. Как в «Римской истории», так и в «Истории лангобардов» отношения Запада и Востока, политика Византии в Италии находятся в центре внимания. Павел Диакон собрал огромный фактический материал, переосмыслил его с точки зрения политических интересов Лангобардского королевства настолько, чтобы в итоге сказать: «византийская политика—неслыханное бедствие, не оставляющее и надежды на жизнь» (Hist. Lang. V, 11).

Тем не менее официальная византийская историография сыграла определенную роль в распространении Павлом Диаконем версии о массовых убийствах и порабощении римлян во время лангобардского завоевания⁵⁴. Многие события византийской истории Павел Диакон освещал по источникам

⁵¹ О параллелях с Исидором и Бедой сказано у Т. Моммзена (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 513—515).

⁵² Вместе с тем стилистическая обработка этого места, по мнению Т. Маммзена, превосходит франкский источник — *Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum libri decem*, IX, 25. Ed. R. Buchner. Berlin, 1955 (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 486. Ann. I).

⁵³ *Greg. Tur.* IV, 35; *Pauli Hist. Lang.* II, 32; *Sestan E. Op. cit.*, p. 55.

⁵⁴ Еще Л. А. Муратори заметил, что византийские греки всегда злословили по поводу лангобардов (*Muratori L. A. Annali d'Italia*. Milano, 1753. T. V, p. 217).

византийского происхождения⁵⁵. Сведения о паннонском периоде истории лангобардов он черпал главным образом у византийских авторов. В соответствии с концепцией официальной византийской историографии, представленной Прокопием в «Истории войн с готами», лангобарды паннонского периода — федераты Восточной империи, ее союзники в войне с готами, их приход в Италию — следствие приглашения Нарзеса. Однако интерпретация этих фактов дана Павлом Диаконом с антивизантийских позиций. Приглашение Нарзеса сопровождалось дурным предзнаменованием⁵⁶, таким образом, Павел Диакон как бы перекладывает всю ответственность за последствия на византийцев. В «Римской истории» внимание автора сосредоточено на враждебных действиях византийской армии против Рима⁵⁷, отмечены происки константинопольской дипломатии против лангобардов в стремлении установить союз с франками⁵⁸.

Трактовка политических событий в «Истории лангобардов» приобретает антивизантийскую направленность. Она проявляется уже при освещении паннонского периода, где Павел Диакон расходится с Прокопием в изложении и оценке взаимоотношений лангобардов с гепидами. Если Прокопий акцентирует внимание на союзе лангобардов с византийским императором (малочисленность лангобардов заставила их обратиться за военной помощью к Юстиниану), то Павел Диакон показывает борьбу с гепидами как кровное дело самих лангобардов. Вражда была вызвана бегством к гепидам Ильдигиса, сына Тато и соперника Ваки (I, 21). Павел Диакон подчеркивает, что война подготовлялась теми и другими (I, 23). Нарушение перемирия с гепидами Прокопий объясняет верностью лангобардов в исполнении союзнических обязательств по отношению к Византии⁵⁹. Мотивировка Павла

⁵⁵ Т. Моммзен установил, что хронология правления Юстиниана дана по Прокопию (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 513). Т. Моммзен высказал предположение, что Павел Диакон пользовался недошедшими до нас анналами, составленными в византийской Италии (*Op. cit.*, s. 516). Л. Траубе отверг гипотезу о заимствованиях у равеннского географа Исидора и находил у Исидора места, интерполированные у Павла Диакона (*Traube L. Karolingische Dichtungen. Berlin, 1888, H. I, s. 115*).

⁵⁶ Pauli Historia Romana XVII, 10; Historia Langobardorum II, 5.

⁵⁷ Pauli Historia Romana XVII, 12.

⁵⁸ Ibid., XVII, 17.

⁵⁹ Прокопий вкладывает в уста лангобардских послов слова особого почтения к императору и готовности защищать его интересы. Длинная речь полна обвинений в адрес гепидов, неблагодарных изменников Византии. Прокопий при этом признаётся, что такие риторические обороты несвой-

Диакона целиком основана на народном предании⁶⁰. Прокопий делает акцент на длительности и прочности военно-политического союза лангобардов с Византией⁶¹ и пытается убедить, что франки были злейшими врагами лангобардов еще в то время⁶². Характеристика паннонского периода истории лангобардов у Прокопия соответствует официальной трактовке политических событий во время ожесточенной борьбы за Италию со стороны византийской дипломатии. Настаивая на глубоких корнях союза лангобардов с Византией⁶³, византийская историография расценивала захват ими Италии как узурпацию прав византийского императора и оправдывала свою активную политику в Италии. Павел Диакон сознательно опускает такие моменты в истории лангобардов, которые противоречат их западной ориентации. Он умолчал о союзе лангобардского короля Ваки с византийским императором⁶⁴, о предоставлении им земель в Паннонии для поселения лангобардов⁶⁵, о союзе лангобардов с византийцами в борьбе с гепидами⁶⁶. В противовес этому Павел Диакон подчеркивает

ственны варварскому языку (*Procopii Caesariensis. De bello Gothico. Opera omnia*, rec. Haury J. Lipsiae, 1962. V. I—II, I. VII, 34, 3—24).

⁶⁰ На пиру произошла ссора между гепидским королем и его сотрапезником Альбоином, король вспомнил о сыне, убитом в недавнем сражении: насмешки, адресованные лангобардам, вызвали не менее дерзкие ответы (1,24). Гепиды смеялись над белыми повязками на ногах лангобардов, которые напоминали конские, а лангобарды сказали, что в поле, где лежат кости убитых гепидов, можно увидеть, как бьют копытами эти кони.

⁶¹ *Procopii Caesariensis. De bello Gothico*, VII, 34, 3—24; VII, 34, 40—41; VII, 39, 20; VIII, 25, 10—15; VIII, 26, 12; VIII, 30, 18; VIII, 31, 50.

⁶² *Procopii Caesariensis. De bello Gothico*, VIII, 26, 19.

⁶³ Прокопий старается подчеркнуть духовное единство византийцев и лангобардов, говоря, что уже в Паннонии последние были христианами в противоположность гепидам-арианам (*Procopii. De bello Gothico*, VII, 34, 24). В сочинении Павла Диакона этот факт не нашел отражения.

⁶⁴ Прокопий характеризует короля как друга и союзника Византии. Тщетно остготы пытались заключить с ним союз против Велизария (*Procopii. De bello Gothico*, VI, 22, 11—12). Союз лангобардов с Византией в паннонский период не подвергает сомнению П. Вернер (*Werner J. Die Langobarden in Pannonien. München, 1962, s. 11*).

⁶⁵ *Procopii. De bello Gothico*, VII, 33, 10; VII, 34, 37. Прокопий определенно показывает, что область расселения лангобардов в Паннонии не совпала с римскими границами этой провинции, в этом отношении его сведения расходятся с данными лангобардской хроники и Павла Диакона о господстве лангобардов в южной Паннонии при Авдоине. Савия и Сирмиенская Паннония были не византийскими, а остготскими, и лангобарды могли вступить туда при Юстиниане, а Сирмий был занят гепидами.

⁶⁶ Что же касается существа взаимоотношений лангобардов с Византией, то обращает на себя внимание одна небольшая деталь в описании

факты установления дружественных контактов с франками, ориентацию Альбоина на венецо-лигурийское духовенство, враждебное Византии. Византийской версии о приглашении лангобардов в Италию Нарзесом противопоставляет родство Альбоина с родом Амалов⁶⁷, подводит к мысли о политическом значении убийств лангобардских королей Альбоина и Клефа вследствие интриг византийцев.

Идея франко-лангобардского союза против Византии выдвинута Павлом Диаконом как основное направление лангобардской политики, она не имеет достаточного обоснования фактами политической истории VI в., но хорошо показывает противоположность официально-историографических построений Запада и Востока. Не отвергая в основном достоверность событий, описываемых Прокопием и Павлом Диаконом, отметим нарочитость в подчеркивании их характера, политического значения, политическую тенденциозность обоих авторов и пристрастную обработку Павлом Диаконом своих византийских источников, причем характер обработки свидетельствует о проварварских, даже профранкских симпатиях Павла Диакона.

Эти симпатии приблизили Павла Диакона к восприятию некоторых идей готто-римской историографии⁶⁸. Полученные у Иордана сведения позволили Павлу Диакону исправить лангобардский источник⁶⁹. Родство готской и лангобардской легенды о происхождении народа из Скандинавии обнаруживает более глубокую идеологическую связь, чем простое заимствование. Лангобарды, вступив в Италию, стали политическими преемниками германских племен, господствовавших в стране, и прежде всего готов, уже выработавших свои определенные политические идеи. Свою историю лангобарды должны были переосмыслить в новых условиях, испытав воз-

Прокопия: враждующие стороны (лангобарды и гелиды), узнав о приближении византийского войска, тотчас прекратили распри (*Procopii. De bello Gothico*, VII, 34, 45). Этот штрих заставляет сомневаться в ориентации лангобардов на Византию.

⁶⁷ Византийская версия критически воспринимается итальянской историографией, начиная с Баронио, Муратори и Тирабоски (*Tiraboschi G. Storia della Letteratura italiana*, t. III. Modena, 1773, p. 67).

⁶⁸ Близость Павла Диакона к Иордану и Кассиодору отмечал Т. Моммзен (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 509).

⁶⁹ *Origo gentis Langobardorum* называл Одоакра вождем аланов, Павел Диакон использовал сведения Иордана о ругах и обстоятельствах победы Одоакра.

действие готской традиции и официальной готско-византийской историографии. Павел Диакон выполнил эту задачу, представив происхождение лангобардов от общегерманского скандинавского корня⁷⁰, а королевский род Альбоина связав родством с Амалами, правившими в Италии до лангобардов. Можно предположить, что Павел Диакон, следуя устной традиции в вопросе о происхождении лангобардов, намеренно углубляет древность своего народа и переносит на лангобардов все, что было известно о германских племенах. Вероятно, у Иордана и Павла Диакона был общий источник — германские саги, сведения о Скандинавии как прародине германцев имеются и у Прокопия⁷¹. Итальянская историография прошлого и настоящего времени связывает вопрос о скандинавском происхождении лангобардов с прямым заимствованием из готской традиции⁷². Но лангобарды были близки многим германским племенам, в устной традиции которых происхождение народа из Скандинавии стало начальным пунктом легенд и сказаний⁷³.

⁷⁰ Л. М. Гартман полагал, что источник версии о скандинавской родине лангобардов и списка 10 дуксов было народное предание. Он отвергал историческую подлинность правления ранних лангобардских рексов, сближая их роль с той, которую традиция Рима отводила Ромулу, а готская — Амалам (*Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter*, t. I, B. II. Gotha, 1900, s. 4). Достоверность традиции о скандинавском происхождении лангобардов отвергли немецкие историки XIX в. В XX в. большинство ученых относят лангобардов к северо-западной группе Elbgermanen, не отрицая факта миграции их с севера бассейна реки к югу (*Maurer F. Nordgermanen und Alemannen*. Bern, München, 1952). Э. Шварц (*Schwarz E. Germanische Stammeskunde*. Heidelberg, 1956) отстаивает концепцию скандинавской прародины лангобардов, привлекая археологический, лингвистический материал и письменные источники. Со скандинавскими названиями он отождествляет имя Winiler (winpal — спорщик, борец, воин), Vinill тоже считает старонордическим именем. Он предлагает искать скандинавскую прародину вблизи Gauten (Швеция).

⁷¹ *Procopii. De bello Gothico*, VI, 15, 16.

⁷² Ч. Бальбо считал, что Павел Диакон «нагромоздил много басен» в вопросе происхождения лангобардов (*Balbo C. Storia d'Italia sotto ai Barbari*. Firenze, 1856, p. 248). Р. Джачинто, указывая на языковые различия лангобардов и северных германцев (в том числе и готов), писал, что Павел Диакон исходил не из устной традиции, а руководствовался произвольным заимствованием у Иордана ввиду духовного родства готов и лангобардов, так как оба народа склонялись к арианству (*Giacinto R. Op. cit.*, p. 229). Д. Фазоли объясняет восприятие готской традиции политическими соображениями (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 25).

⁷³ Не случайно Иордан называл Скандинавию родиной всех германцев, «officina gentium», «vagina nationum» (*Iordanis Getica* 25).

Сложный процесс формирования этнического самосознания не укладывается в узкие рамки концепции инфильтрации традиций. Литературная обработка художественной фантазии с использованием готовых литературных образцов, тенденциозная интерпретация исторических фактов и мифологического материала с акцентом на древнее и славное прошлое происходили в период формирования этнической и территориальной общности, когда устная традиция народов, соприкасаясь, выкристаллизовывается в единую основу народного эпоса. У Павла Диакона не прослеживается прямая связь с Иорданом в характере осмысления древней истории народа⁷⁴. Тот и другой исходили из особенностей общественно-политической характеристики своего народа в период переселений. Возможно, идея скандинавского происхождения лангобардов появилась как поздняя часть устной традиции вследствие тесных политических и хозяйственных контактов не только с готами, но и с другими варварами, жившими в Италии или пришедшими туда с лангобардами⁷⁵. Возникшая этническая общность способствовала перенесению идеи тесного единства в отдаленное прошлое, она воплощалась в традицию об общем происхождении народов и находила подтверждение в литературе⁷⁶. Была ли заимствована идея скандинавского происхождения лангобардов у Иордана или в устной традиции — не столь важно. Бесспорно одно — она прошла через самосознание народа, и Павел Диакон дал ей законченную форму в соответствии с новыми задачами развития варварской государственности и возникновения политической идеологии.

Особого внимания заслуживает стремление Павла Диакона следовать приемам римской и византийской историографии в ведении исторического повествования. Заниматель-

⁷⁴ Примером может служить различная трактовка термина *familia*. У Иордана это — обоз с имуществом, женами, детьми, стариками, сопровождавший войско (Скржинская Е. Ч. Комментарий к переводу Иордана. — В кн.: *Иордан. О происхождении и деяниях гот.* М., 1960, с. 195), а у Павла Диакона — синоним обозначения *aga*.

⁷⁵ Характерно, что порядок выселения племен из Скандинавии по жребию соответствует практике распределения земель среди варваров, селившихся на завоеванной римской земле (Pauli Hist. Lang. I, 2).

⁷⁶ Не только Иордан, но и Прокопий обнаруживает влияние этой идеи германской общности в рассказе о несостоявшейся битве лангобардов с гепидами. Воины разбежались, не начав сражения, «...бежали не будучи преследуемыми...», «... богом не было допущено, чтобы оба народа погубили друга, и он разметал их боевой порядок...» (Procopii. De bello Gothico, VIII, 18, 5—10).

ность рассказа, хронологическое изложение событий, подробное освещение известных историком фактов, использование документальных источников⁷⁷, достоверность⁷⁸, историчность в широком значении этого понятия⁷⁹ приближают «Историю лангобардов» к произведениям античной историографии.

Павел Диакон располагал тремя лангобардскими источниками: «Историей деяний лангобардов» аббата Секунда, «Хроникой лангобардов», предпосланной Эдикту Ротари, и устной традицией, последняя занимает большое место в повествовании. Ученый представил плоды долговременного изучения и собирания легенд, песен, рассказов, относящихся как к начальной, так и к последующей истории лангобардов. Обращение к устному народному слову было характерной чертой античной историографии, воспринятой раннесредневековыми авторами. Многие представители римской и византийской культуры специально занимались розыском почти исчезнувших преданий. Устная традиция зафиксирована у Павла Диакона особыми оборотами «fama est» (III, 32), «fertur» (I, I, 8, 12, 15; V, 19), «sicut a majoribus traditur» (I, 14), «narratur» (I, 27; II, 8), введением прямой и косвенной речи (V, 2, 3), ссылками на героические песни лангобардов, саксов, баваров (I, 27). Древность этой традиции подтверждают римские авторы I—II вв., отметившие малочисленность лангобардов и их отважный, воинственный нрав, свойственный, впрочем, и другим германским племенам⁸⁰.

Павел Диакон широко пользуется народными сказаниями о переселениях племени лангобардов (сага о Гамбаре, о первых герцогах Айо и Иборе, о короле Ламиссио), о войнах с вандалами, булгарами, гуннами, об этнической консолидации (саги о возникновении названия племени и о походе Альбои-

⁷⁷ Павел Диакон ссылается на письма, грамоты, законодательные установления (Pauli Hist. Lang. I, 25; II, 12; IV, 9, 19, 21, 29, 42; V, 33).

⁷⁸ Историк подтверждает достоверность ссылки на подобные факты (I, 15). Интерпретацию легенды дополняет другими на его взгляд более вескими обоснованиями (II, 29), своим мнением заверяет правдивость рассказчика, на которого ссылается (II, 8).

⁷⁹ Павел Диакон постоянно делает экскурсы в римскую историю (II, 14), византийскую (I, 25; III, 11, 12, 15; IV, 26; VI, 10—13, 31, 32, 34, 36, 41, 49), франкскую (II, 10; III, 5—7, 10, 21; IV, 11; V, 32; VI, 23, 37, 42, 46), историю арабов (VI, 46, 47); историю франко-византийских отношений (III, 17, 22). Предъявляя к историком требование всеобщего охвата исторических событий, он пренебрежительно называет сочинение Секунда «историей» (Pauli Hist. Lang. IV, 40).

⁸⁰ Gaius Velleius Paterculus Historia Romana, I, 106. Tacitus Germania XL.

на в Италию). Древняя традиция дает интересный материал для изучения самосознания народа, его общественной организации и быта в эпоху военной демократии. Не менее важной для изучения является ее политическая интерпретация в период записи, которая сопровождается тенденциозной обработкой. Тщательно подбирает Павел Диакон легенды, относящиеся к возвышению королевского авторитета: сага о Ламиссио, легенда о сватовстве Аутари и свидании с Теоделиндой (III, 30), о топоре короля Аутари, о королевской горе и бизоньей шкуре (II, 8), о королевском оружии и чаше Альбойна (II, 28). Эти легенды в изложении историка служили подтверждением силы и мощи главы королевства, королевского достоинства, осмысленного с позиций человека, вышедшего за рамки первобытно-общинных представлений.

Следы тенденциозной обработки народной традиции можно видеть в рассказе о столкновении лангобардов с герулами. Прокопий, тоже пользовавшийся народными преданиями, определенно сказал, что герулы «...подчинили себе лангобардов и заставили их платить дань...»⁸¹ Павел Диакон умолчал об этом факте, хотя традиция знала о нем, и Прокопий включил в свое повествование легенду о предзнаменовании, определившем победу в битве. Молчание Павла Диакона может быть истолковано как свидетельство преднамеренного отбора фольклорного источника.

В передаче устной традиции Павлом Диаконом еще прослеживаются ее языческие корни. В родовом предании о возвращении прадеда из аварского плена волк выступает в роли проводника, так как в германской мифологии сильные лесные звери (волк, медведь) всегда приносили успех или победу⁸², их сила и устрашающая мощь символизировали покровительство и защиту. В этой саге отразился и другой элемент народных верований—культ лесных деревьев. Внутри заброшенного дома, в который вернулся изгнанник, вырос ясень, символ кре-

⁸¹ *Procopii. De bello Gothico*; VI, 14, 9, 18, 19. Во время рукопашного боя часть неба над лангобардами покрылась черной тучей, над герулами небо оставалось чистым. Предзнаменование считалось очень распространенным языческо-германским суеверием: «...считается, что не может быть для варваров, идущих в бой, предзнаменования более неблагоприятного...»

⁸² В более поздней интерпретации германского эпоса волк Фенрис — олицетворение злого начала, он несет возмездие за презрение к узам кровного родства (*Dahn F. Gesammelte Schriften*. B. I. Berlin, 1879, s. 82; *Dahn F. Gesammelte Werke. Germanische Götter und Heldensage*. Berlin, 1883, B. 8, s. 241).

пости рода, продолжительности его мужского начала⁸³. В саге о чаше Альбоина, сделанной из головы гепидского короля Гунимунда, тоже отразились черты древнего языческого культа⁸⁴. Народный характер носят саги о Теоделинде, Ромильде, Гримоальде и другие, в которых прославлено целомудрие женщины и воинская отвага.

Источником устной традиции, представленной в «Истории лангобардов», часто была личная информация Павла Диакона. При описании Скандинавии историк ссылается не только на Плиния, но и на рассказы тех, кто видел ее берега (I, 2). Некоторые предания сообщает со слов тех, кто видел «своими глазами» (IV, 47), другие поведал старик, в правдивости слов которого нельзя сомневаться (II, 8). Передавая рассказы и легенды о борьбе фриульцев с аварами, Павел Диакон ссылается на старейших мужей, которые участвовали в войнах (IV, 37; V, 19). В ряде случаев Павел Диакон апеллирует к собственной осведомленности (II, 26, 28; V, 17), обнаруживая интерес и знание истории своего народа.

В формировании историко-философской концепции Павла Диакона большое значение имела христианская духовная культура. Посвященный в клирики Павел по своему общественному положению и по образованию не мог не впитать в себя идеи католицизма, пустившие глубокие корни в культуру раннего средневековья. Итальянские монастыри имели большое количество рукописей христианских писателей и распространяли их на обширной территории, вовлекаемой в сферу влияния римской церкви⁸⁵.

⁸³ Почитание деревьев сказалось и в саге о сватовстве Аутари. Когда он отправился с посольством к баварам, то топориком сделал отметку на дереве, затем ее узнали как знак королевской руки (III, 30). Такой же смысл имеет сага о дереве, вырванном из королевской ограды порывом ветра и ударом молнии (III, 30). Впоследствии в германской мифологии миф о сотворении мира впитает эти древние религиозные представления: боги создадут первую пару людей из деревьев, мужчину из ясеня, женщину из ольхи.

⁸⁴ Готы, по словам Иордана, приносили человеческие жертвы своему богу войны и почитали его как родителя (*Jordanus Getica*, 41).

⁸⁵ В кодексе латинских рукописей V—IX вв. из фондов мастерских письма во Франции часто упоминаются докарولينгские рукописи из Италии, Баварии, Бургундии с фрагментами трудов Августина («*Epistolae*», «*De Trinitate*», «*Opuscula*», «*De civitate Dei*», «*Sermones*»), Амброзия («*Opera*», «*Hexameron*»), Григория I («*Moralia*», «*Epistolae*»). Имеются рукописи: «*Pompoius*», «*Commentum in Donatum*», «*Libri Regum*», «*Ecclesiasticus Cantica Cantorum*», «*Liber Sapientiae*», «*Epistulae*» Pauli, Selestat, «*Lectionarium*», «*Epistolarium*», *Chronica Sancti Gironimi*, *Hieronymus in Isaiam*, *Hieronymus Epistulae*, *Lactantius de Officio Dei*. — *Codices Latini Antiquiores* ed. E. A. Lowe, part VI. Oxford, 1953.

Начитанность Павла Диакона в богословской литературе велика: в «Истории лангобардов» он называет труды Григория I, написанные для «пользы римской церкви» (IV, 5), его диалоги (I, 26), жития святых, приводит тексты некоторых писем папы; упоминает собрание псалмов Кассиодора (I, 25), пасхальное сочинение Дионисия из Рима, поэтическое описание деяний апостолов Аратора (I, 25), поэзию Марка (I, 26), сочинение о божьем суде архиепископа Теодора (V, 30), труды Бенедикта, основателя Монте-Кассинского монастыря (IV, 17). Знает историк труды христианских риторов и писателей: ему известен ритор Приск из Константинополя (I, 25), Кассиодор, Венанций Фортунат, Григорий Турский, Северин из Норика, Исидор, Орозий, Евсевий и многие другие. В глазах Павла Диакона их авторитет особенно высок. Неоднократно он возвращается к деяниям папы Григория I, не упуская случая сказать о их величии (III, 24, 25; V, 31). Деяния и жизнь св. Бенедикта, основателя монастыря в Монте Кассино, считает достойными апостольских доблестей (I, 26). Заслуживает, по его мнению, глубокого почитания миланский архиепископ Бенедикт, «выдающийся благочестием» (VI, 29), епископ Норика Северин, который «способствовал христианизации ругов» (I, 19). В кратких сведениях о Кассиодоре, видном ученом и политическом деятеле, подчеркнул последний период жизни — в монашестве. Христианская литература оказала влияние на трактовку основных моментов лангобардской истории, в частности на описание обстоятельств завоевания Италии, на стиль историка⁸⁶. Христианскую обработку получили некоторые германские предания: лангобардские и франкские. Сага о вступлении Альбоина в Павию повествует о том, что конь лангобардского короля упал в самых воротах города и его не могли поднять, пока Альбоин не согласился пощадить жителей, при этом один из лангобардов сказал: «а ведь народ этот — христианский» (II, 27). Сагу об убийстве Альбоина Павел Диакон заканчивает христианской сентенцией по поводу трагической смерти заговорщиков: «судом всемогущего бога подлые убийцы погибли в один миг» (II, 29). Франкская

⁸⁶ Эпитеты нравственной оценки личности соответствуют образным выражениям жития святых. Некоторые метафоры и сравнения навеяны богословскими сюжетами. Например, наводнение в Италии сравнивается с новым потопом, а описание заимствовано у папы Григория (III, 23). Павел Диакон тоже писал на церковно-религиозные сюжеты: он сочинил элегию в честь св. Бенедикта, жизнеописание папы Григория I, метенских епископов и другие сочинения (I, 26; III, 24; VI, 16).

легенда о короле Гунтрамне в изложении Павла Диакона утверждала идею благочестивых даров церкви (III, 34)⁸⁷. В сагу о переселении лангобардов в Германию вплетена раннехристианская легенда о семи христианах, погруженных в сон, которые будут просыпаться по мере обращения германцев в христианство⁸⁸. Языческой саге о Годане, давшем победу над вандалами виннилам, историк придает значение шуточной басни, заключая, что победа не во власти и воле людей, но даруется богом. Языческие представления о том, что победы можно добиться человеческой ловкостью и обращением к покровительству языческих богов, в понимании Павла Диакона достойны смеха (I, 8). Элемент критики саги имеет место не с исторических позиций, а в соответствии с христианско-богословским мировоззрением историка.

Историко-философская концепция Павла Диакона представляется своеобразным преломлением идеи предопределения в свете еще языческих представлений о вмешательстве богов и духов в дела людей, в исторические судьбы народа. Причины поражения герулов Павел Диакон объясняет суждением, соединявшим нравственную категорию родовых обычаев с христианским догматом: «не угодна богу победа, одержанная над гостем» (I, 24). Божественный промысел, «внушение всемогущего бога» он видит в том, что Ариперт случайно сохранил жизнь малолетнему Лиутпранду, уничтожив весь его род (VI, 22), что прадеду во сне явился человек, указавший путь на родину, в Италию, (IV, 37), что Перктарита какой-то голос известил о кончине Гримоальда («то была божья весть» (V, 23, 33). Христианская идея возмездия за греховность человечества звучит в рассказах о стихийных бедствиях: в Константинополе много грозовых стрел упало в гущу народа, что было знаком уничтожения нечистой ереси (VI, 4); в Павии во время эпидемии по городу ходили добрый и злой ангелы, поражавшие из лука дом, жители которого на другой день погибали. Мор прекратился только тогда, когда в город привезли святые мощи (VI, 5).

Определяющее значение божественного промысла в объяснении исторических событий сочетается у Павла Диакона с

⁸⁷ Заснув в лесу во время охоты, Гунтрамн увидел во сне зверька, показавшего ему клад. Обнаружив на том месте золото, король сделал из него огромный солид и украсил драгоценными камнями, затем пожертвовал святому месту.

⁸⁸ Легенды нет в хронике лангобардов, но она приведена Павлом Диаконем (I, 4).

языческим пониманием соответствия земных и небесных явлений⁸⁹, с верой в приметы народно-языческого происхождения⁹⁰. Переплетение христианских идей с языческим восприятием политических событий раскрывается в легенде о заговоре Кунинкперта против своих политических врагов. Когда король размышлял, как бы ему расправиться с Гильдоном и Граузонам, в окно влетела муха, король пытался убить ее, но только оторвал лапку. Вскоре стало известно, что какой-то хромой предупредил Гильдона и Граузона, и они нашли убежище в церкви. Король понял, что муха была злым духом, раскрывшим его замысел (VI, 6). Для Павла Диакона намерение Кунинкперта, дружественно относившегося к христианской церкви, — добрый замысел, и его не смущает, что он объявил бегство под защиту этой церкви делом злого духа.

В основе философско-исторического мышления Павла Диакона лежит христианская концепция божественного предначертания исторических событий. Бог мыслится им как защитник всех христиан, в том числе и лангобардов после их обращения к христианско-католической вере, он дарует им победу (IV, 21; V, 41), но за грехи лангобардских королей, боровшихся с римской церковью, он карает народ. В этом отношении характерна легенда, предвещавшая судьбу лангобардского господства в Италии. В христианско-римской версии, данной в «Римской истории», священник сказал византийскому императору Констанцию: племя лангобардов нельзя сокрушить.

⁸⁹ Комета была видна перед заключением перемирия Агилульфа с византийцами (IV, 32). Появление дракона предвещало эпидемию в Риме (III, 24). Комета, пришедшая с востока, предшествовала эпидемии, распространившейся тоже с востока (V, 31). Комета сопутствовала смене аквилейского патриарха (IV, 33). Упала звезда — произошло землетрясение (VI, 9). Огненные знаки на небе предвещали приход лангобардов в Италию (Pauli Hist. Lang. II, 5; Pauli Hist. Romana, XVII, 10). Кровавые знаки на небе совпали с междоусобицами у франков (IV, 15). О сохранении языческих обычаев у франков и аллеманнов в VI—VII вв. после принятия христианства писал на основании археологических данных С. А. Кауфман (в кн.: Средние века, в. XXII. М., 1962, с. 220).

⁹⁰ Копье считалось символом королевской власти у лангобардов со времен военной демократии. Опираясь на примету, Павел Диакон пытается прогнозировать значение правления того или иного короля: если на копье села кукушка, значит правление не будет иметь успеха (VI, 55). Удар молнии и порыв ветра во время грозы вырвали дерево из королевской ограды и сбросили его в реку, что предвещало гибель Аутари (III, 30). Данное предзнаменование языческого толка объяснили Аутари язычники-прорицатели. Как говорит Павел Диакон, «те, которые дьявольским искусством предвещают будущее», но сам он подтвердил правильность этого предсказания (III, 30).

так как королева воздвигла церковь св. Иоанна, заступника лангобардов, но придет время, когда она будет осквернена, и тогда народ погибнет⁹¹. В «Истории лангобардов» Павел Диакон придает политическую окрашенность тезису о почитании церкви св. Иоанна: «почитание должно быть бескорыстным, но не за грехи порочной жизни» (V, 6). Может быть автор намекал на порочность мирской жизни вообще, может быть имел в виду забвение принципов христианской морали в государственной политике, направленной против римской церкви. Таким образом, в развитии идея Павла Диакона, сложившаяся под влиянием римско-христианской доктрины, объясняет падение Лангобардского королевства политикой его правителей, которые в стремлении к возвышению царства столкнулись с интересами римской церкви. Логический вывод богословской концепции противоречил прагматическому замыслу культурно-исторического повествования: показать величие лангобардского народа и увековечить его славу. Разлад между богословско-философской трактовкой истории и социально-патриотическим чувством не позволил историку завершить свой труд.

По сравнению с другими христианскими историками раннего средневековья у Павла Диакона нет особого акцента на христианский пессимизм: он не сетует на земную суетность, на ужасы войны, а в оценке войн исходит из политических результатов. Тем не менее римско-католическая идеология оказала решающее воздействие на трактовку основных вопросов истории лангобардов в Италии⁹². Пристальное внимание к делам римской церкви, к успехам христианизации варварских народов (IV, 36; V, 30; VI, 58), к церковной политике лангобардских королей отражает в идеологии процесс становления раннефеодальной государственности, опиравшейся на поддержку церковной организации.

Мировоззрение Павла Диакона складывалось в эпоху Каролингского возрождения. Политические идеалы этой эпохи были связаны с пониманием исторической роли таких институтов феодальной государственности, как монархия и церковь. Характер их сущности и влияния на общественно-политическую жизнь, на взаимоотношения государства и церкви,

⁹¹ Pauli Historia Romana, XVII, 28.

⁹² Павел Диакон воспринял церковную традицию в освещении обстоятельств лангобардского завоевания. Ф. Дан считал его позицию строго-церковной и остроантivarварской (*Dahn F. Op. cit., s. 128*).

значение папского авторитета становятся существенными вопросами философско-исторической мысли⁹³. Будучи близок ко двору Карла Великого Павел Диакон имел непосредственное отношение к выработке и восприятию основных идей того времени, складывавшихся под влиянием римско-христианской доктрины Августина. «История лангобардов», возможно, была задумана для обоснования и возвышения авторитета королевской власти, вершиной которой считалась слава победителя. В представлении историка племя лангобардов — древнее и прославленное, но реальная военная сила и преимущества франкского императора сделали его преемником власти лангобардских королей. Такой подтекст патриотической истории Павла Диакона позволяет выдвинуть гипотезу о профранкской политической тенденции автора. Безусловно, эту главную политическую линию нельзя отождествлять с антилангобардской направленностью труда: поиски исторических основ сближения лангобардов с франками в паннонский период перерастают в идею христианского единства германских племен, которое возникает и развивается в рамках сначала лангобардской, а затем и франкской государственности⁹⁴.

Исходя из античных политических идей, Павел Диакон считает критерием законности королевской власти правление сообразно с общественной пользой. Таким принципом, по его мнению, руководствовались советники Теоделинды, разрешившие ей выбрать мужем «...talem scilicet qui regnum regere utiliter possit...» (III, 35). Государственное правление с привлечением мудрейших мужей («consilium cum prudentibus habens» — III, 35) кажется Павлу Диакону идеальным и вполне реальным в силу специфических черт раннефеодального государства, опиравшегося на общественное мнение возвышающейся знати. С точки зрения законности и целесообразности существующей власти Павел Диакон осуждал междоусобицы,

⁹³ М. Л. Лайстнер, поставивший проблему изучения политической теории Каролингской эпохи, видел непреодолимое противоречие между позднеримской христианской концепцией, воплотившей романский политический принцип, и политической теорией IX в., опиравшейся на германский принцип единовластия (Laištner M. L. W. *Thought and Letters in Western Europe*. London, 1957, p. 316—319).

⁹⁴ Павел Диакон неоднократно указывал на объединение различных племен в рамках военно-политического союза лангобардов. В вопросе заключения политических браков он стоит на позиции христианского политического единства. Павел Диакон не порицает Хильдеберта, который предпочел видеть мужем своей сестры готского короля, но не Аутари, признав моральное и политическое превосходство католика над арианином (III, 28).

раздоры, соперничество военачальников⁹⁵. Идеальный правитель в изображении писателя — добродетельный католик (V, 33), государственный муж (VI, 26), человек, осуществляющий правосудие во имя общего блага⁹⁶ («vir benignus et populum suaviter regens» — V, 23).

Политическая концепция Павла Диакона основана на двух идеях: на идее политического единства германских народов, воплощенной в образовании сначала лангобардского, а затем франкского государства, и на идее союза королевской власти с католической церковью. Нарушение союза, забвение интересов церкви неизбежно ведет к возмездию⁹⁷, в соответствии с этой концепцией историк мог воспринимать франкское завоевание, оставив ненаписанной последнюю страницу лангобардской истории. В построении и обосновании этой политической концепции Павел Диакон черпал материал из римской истории и произведений философско-политической мысли древности.

Некоторые нравственные идеалы и критерии в оценке поведения и деятельности человека были воспитаны античными философско-этическими принципами. Павел Диакон убежден, что только своими природными качествами возвышается человек к славе общественной (VI, 26), что источником благородства является личное мужество, преданность своему долгу⁹⁸.

⁹⁵ Фриульское предание о ссоре герцога со скульдахием он интерпретирует как величайшее бедствие в истории, так как из-за вражды были побеждены храбрые мужи, а в согласии они могли бы погубить тысячи врагов» (VI, 24). Одним из средств борьбы с мятежниками он даже признает союз с внешним врагом (V, 19). Мятеж Алахиса в борьбе за трон — нарушение гражданского мира, ведущее к «великому избитию народов» (V, 36). Репрессии с государственной точки зрения абсолютно оправданы (IV, 3, 13). Кознями злодеев объясняет он многие междоусобицы VII в. (IV, 51. V, 2).

⁹⁶ В легенде об Ариперте, который ночью ходит по городу и проверяет судей, Павел Диакон называет короля «благочестивым защитником правосудия, щедро раздающим милостыню своим подданным» (VI, 35).

⁹⁷ Убийство императора Константа Павел Диакон рассматривает, как акт возмездия за ограбление святых мест — «пришло и наказание за такие бедствия» (V, II). Расправа с мятежниками Лупо и Алахисом кажется исторнику справедливым воздаянием за козни и враждебность к церкви и католическому духовенству (V, 17; 18, 38, 39).

⁹⁸ Знатные фриульские девушки заслужили его одобрение своим патриотизмом и ненавистью к врагам, а жену герцога он порицает за предательство (IV, 37). Вызывает восхищение историка доблесть раба, вступившегося за честь королевы (IV, 47). С гордостью он рассказывает о храбрости простого фриульца, который со связанными руками сумел поразить врага копьем и бежать (VI, 24).

Талантливый и трудолюбивый историк, собравший богатый лангобардский фольклор, был внимательным бытописателем, которого интересовал духовный мир народа, его нравы и обычаи. Историк раскрывает содержание нравственных оценок, которыми руководствовалось лангобардское общество: верность данной клятве⁹⁹, обычай гостеприимства, уважение к памяти погибших воинов (V, 34). В мужчине ценили отвагу¹⁰⁰, в женщине — доброту, скромность, целомудрие¹⁰¹. Тщательность в подборе этнографического материала сближает сочинение Павла Диакона с лучшими этнографическими описаниями античных авторов.

Многие вопросы мировоззрения Павла Диакона еще ждут своего исследования, тем не менее складывается убеждение в том, что политические взгляды писателя имеют непосредственную связь с античной политической мыслью и возникновением политической идеологии IX в. Обоснование монархических начал в организации варварского королевства, пристальное внимание к проблеме взаимоотношений церкви и королевской власти, постановка вопроса о соотношении авторитета короля и правосудия — эти элементы политической теории раннего средневековья можно найти в «Истории лангобардов». Павел Диакон как историк и политик стоит на рубеже античной, византийской и раннесредневековой научной мысли.

Изучая творчество Павла Диакона, приходим к выводу о глубокой связи историка с римско-христианской духовной культурой. Эта связь проявляется не только в знакомстве со многими ее представителями, но и в творческом восприятии идейного наследия поздней античной историографии. В исто-

⁹⁹ Заслуживает восхищения смерть в доказательство верности покровителю (V, 3, & 10), пренебрежение почетом и богатствами ради сохранения клятвы в преданности (V, 4).

¹⁰⁰ Победа, по словам Павла Диакона, несет славу, поражение — личное бесчестье для короля (V, 10). Павел Диакон собрал много легенд и героических песен о подвигах фриульцев. Лангобарды ценили сильных, энергичных людей, называя их *strenui* (VI, 26). Самым тяжким оскорблением было слово трус — *arga*. Павел Диакон рассказывает предание о герцоге Фердульфе и скульдахии Аргайте, их ссоре из-за насмешки над именем последнего (VI, 2).

¹⁰¹ Сага о Ромульде клеймит «блудницу», которая открыла ворота Фриуля врагу и готова была стать женой аварского короля. Историк считает заслуженной жестокою расправу над ней (12 аваров после надругательства посадили ее на кол). Для контраста с образом Ромульды Павел Диакон рассказывает о хитрости девушек, избежавших позора врагов, заключая, что их поступок всегда служил примером (IV, 37).

рических сочинениях римских авторов и в христианской аполлогетической литературе он находил обоснование идеи превосходства государственных начал над племенной раздробленностью варварского мира, черпал убеждение в высоком авторитете церковной организации и необходимости союза государства с церковью. Идеи правосудия и общественной пользы легли в основу его трактовки законности королевской власти. Павел Диакон воспринимал эти идеи в соответствии с реальной исторической действительностью своего времени. Идея римского единства у него перерастает в идею единства римского и варварского политического наследия на Западе в противовес Византии.

Павел Диакон продолжил лучшие традиции античной историографии. Ее влияние сказалось на методе исторического творчества писателя. В «Истории лангобардов» задумана и отчасти осуществлена схема построения во всеобще-историческом плане, дано хронологически последовательное историческое повествование о событиях в Западном и Восточном мире. По примеру своих римских предшественников он широко пользуется разнообразными типами источников: письменными, документальными, устной легендой, применяя метод критической оценки и отбора. Историография императорской эпохи оказала влияние на способ систематизации материала по внутренней истории лангобардов. Она излагается в основном как история правления отдельных королей с традиционным делением на события придворной жизни и внешней политики.

Занимательность рассказа, тщательная стилистическая обработка, драматизация многих событий делают «Историю лангобардов» близкой к произведениям античной историографии. Павел Диакон как историк принадлежит к тем лучшим представителям раннесредневековой историографии, которые своими трудами способствовали развитию европейской культуры на базе античного наследия.

Н. М. ЕЛИЗАРОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА В РИМЕ

I В. ДО Н. Э. (по данным Цицерона)

Уже в античности проявлялся интерес к проблемам рабства, который не ослабевает до наших дней. Даже реакционная буржуазная историография признает необходимым приложить

усилия ученых всех стран к изучению данной проблемы. Лауффер говорил на XI Международном конгрессе историков: «Международной целью должно стать собиране, всех непосредственных и прямых данных античных источников, относящихся к рабству»¹. Правда, Лауффер тут же высказывает сомнение, «достаточно ли вообще доступных материалов источников, чтобы составить удовлетворительную картину»². Скептицизм, неверие в познаваемость исторического процесса — характерная черта буржуазной реакционной историографии. Для того чтобы доказать ошибочность этого антинаучного тезиса, необходимо собрать, по возможности, все данные по истории рабства, сохранившиеся в источниках, что даст возможность воссоздать правильную и объективную картину социально-экономических отношений античного мира.

Богатейший материал, имеющий отношение к рабовладению, содержится в произведениях Цицерона. Сведения эти отрывочны, по ним нельзя восстановить полностью все черты рабовладения I в. до н. э., но они представляют несомненную ценность и помогают пролить свет на ряд существенных проблем, встающих перед исследователями. Следует учесть, что при изучении истории рабства исследователям часто приходится обращаться к разновременным источникам. Тем важнее собрать воедино многочисленные свидетельства Цицерона для воссоздания картины античного рабства I в. до н. э., так как свидетельства современника всегда вызывают большой интерес и представляют наибольшую ценность. Б. Болз по этому поводу замечает: «Случайные высказывания Цицерона об источниках рабства не дают нам столько, сколько надписи и юридические документы. Тем не менее они могут дополнить и подтвердить данные документов, главное же то, что это данные свидетеля, который, сталкиваясь с этими вопросами в собственной «фамилии» и своей профессиональной практике адвоката и политика»³.

В данной статье рассматриваются источники рабства, насколько можно их раскрыть по материалам Цицерона. Вопрос об источниках рабства неоднократно был предметом исследования, однако, до сих пор во взглядах историков есть известные

¹ *Lauffer S.* Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt. XI Congress International des Sciences Historiques. Rapports II. Göteborg-Stockholm-Uppsala, 1960, S. 73.

² *Ibid.*, S. 73.

³ *Bolz B.* Niewolnicy w pismach Cicerona. Poznan', 1963, S. 55.

расхождения. Источники рабства давно определены, но спорным остается вопрос об удельном весе каждого из них. Какой источник рабства — война или внутреннее рабство — является главным в I в. до н. э., до настоящего времени остается дискуссионным.

Еще Аристотель определил, что все захваченное на войне является собственностью победителя⁴, а войны с целью захвата рабов считал справедливыми. «Военное искусство может рассматриваться как естественное средство приобретения собственности, ведь и охотничий промысел составляет одну из частей военного искусства. Охотиться же следует как на диких животных, так и на тех людей, которые от природы предназначены к подчинению, но не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива»⁵.

Римляне усвоили эту истину и пленных, захваченных во время войны, продавали в рабство. Цицерон только один раз выступал в роли полководца, во время своего наместничества в Киликии. Разгромив непокоренные племена Амана, он на практике применил закон войны. Аттику он пишет, что солдатам «отдал всю добычу, кроме лошадей. Рабы были проданы на третий день Сатурналий. Когда я пишу это, выручка на торгах доходит до 12 млн. сестерциев»⁶.

Какое количество пленных было продано, установить трудно⁷.

Исходя из примерной стоимости рабов в Риме, можно подсчитать количество рабов, проданных Цицероном. Е. М. Штаерман и Т. Франк полагают среднюю стоимость рабов в 500 денариев⁸. Исходя из этой цифры, продано было около 6000. Однако в Киликии вряд ли рабы стоили столько же, сколько

⁴ Arist. Pol., I, 1255 a, 6—7.

⁵ Arist. Pol., I, 1256 b, 24—26.

⁶ Cic., Ad Att., V, 20, 5.

⁷ А. Валлон писал: «Пленников еще считали во время первых войн Италии... Но впоследствии Рим знал одни лишь победы... он значительно меньше стал интересоваться этим подсчетом... Даже Цицерон, возвратившись после осады Пинденисса и из своего похода на Исс, не считает своих пленников. Он ограничивается тем, что сообщает Аттику, что их продавали в тот момент, когда он писал, в третий день сатурналий. Итак, об них не говорят даже в общих терминах, за исключением некоторых замечательных случаев» (Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941, с. 298).

⁸ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 27; Frank T. Rome and Italy of republic. An Economic Survey of Ancient Rome, v. I. Baltimore, 1933, p. 102.

в Риме, да и в Риме цены колебались от 100 до 500 денариев; а в провинциях были еще ниже. Цицерон в речи за Квинкция говорит об отправке рабов для продажи из галльского поместья в Рим, где они стоили дороже, иначе не имело смысла везти их в столицу⁹. Во время Митридатовой войны Лукулл в Вифинии продавал рабов по 4 драхмы¹⁰ (примерно 4 денария).

В. И. Кузищин считает, что Цицерон не мог запрашивать высокую цену за киликийцев, так как продавались дикie горцы, не обученные каким-либо ремеслам, и продавалась сразу огромная масса людей, что обычно приводило к снижению их цены¹¹. Таким образом, в свете этих данных, следует принять более низкие цены на рабов, проданных Цицероном в Киликии, и это значит, что было продано в рабство значительно более 6000¹².

Поход Цицерона был рядовым предприятием, не требовавшим специального перечисления военной добычи, но, как всякий победоносный поход, он увеличивал число рабов в Риме.

Брат Цицерона Квинт сражался в армии Цезаря в Галлии и обещал Марку прислать рабов из Галлии. Цицерон отвечает на письмо брата: «Ты обещал мне рабов; очень благодарен тебе за это... Но, пожалуйста, думай о моей выгоде только в том случае, если это вполне соответствует и твоей выгоде, а особенно твоим возможностям»¹³. Речь, видимо, идет о военной добыче, а не о покупке, так как при торговых сделках в письмах Цицерона обычно затрагивается финансовая сторона дела. Если учесть, что Цезарь раздавал во время походов солдатам рабов¹⁴, можно предположить, что и легаты Цезаря имели возможность приобрести рабов за счет военной добычи, обеспечивая рабами себя и своих родственников.

⁹ Cic., Pra Quintio, VI, 24.

¹⁰ App., Mithrid., 77; Plut., Luc., XIV.

¹¹ Кузищин В. И. Рец. на кн.: Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. — ВДИ, 1965, № 3, с. 164.

¹² Е. М. Штаерман считает, что в III—I вв. до н. э. Рим за счет порабощения военнопленных получал всего около 6000 рабов в год. (Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, с. 3).

¹³ Cic., Ad Q. fr., III, 7, 4.

¹⁴ Caes., Bel. Gall., VI, 3; VII, 89. После победы над Верцингеторигом, по подсчетам Фолькмана, было роздано около 40 тыс. человек (Volkman H. Die Massenversklavungen der Einwohner erobelter Städte in hellenistisch-römischer Zeit. Mainz, 1961, S. 166).

Во время похода Цезаря в Британию Цицерон пишет Аттiku о бедности острова: «никакой надежды на добычу; разве только на рабов», и то неквалифицированных, не обученных наукам и музыке¹⁵.

Были случаи обращения пленных в рабство во время Союзнической войны, о чем сообщает Цицерон в речи за Клуенция¹⁶. Правда, после войны союзники получали права гражданства и должны были быть освобождены из рабства, но владельцы их не торопились с освобождением¹⁷.

Не только военнопленные, но и жители завоеванных городов обращались в рабство. Это право победителя Ксенофонт считает извечным законом. «Во всем мире извечно существует закон: когда захватывается вражеский город, то все в этом городе становится достоянием завоевателей — и люди, и имущество»¹⁸. Тит Ливий также считает правом завоевателя поработать жителей побежденной страны. «Есть ряд законов войны, которые являются справедливыми как для тех, кто их применяет, так и для тех, кто претерпевает их действие: они состоят в том, что посевы сжигаются, здания разрушаются, а люди и скот уводятся в качестве добычи»¹⁹.

После покорения Сардинии жители были проданы в рабство²⁰. После разрушения Коринфа продаются коринфяне²¹. Во время гражданской войны Атик сообщает Цицерону о продаже в рабство реатинцев²².

Военнопленные могли быть выкуплены, что еще раз подтверждает, что они рабы победителя и имеют определенную стоимость. Цицерон — идеолог полисной системы и выкуп из плена гражданина полиса считает добродетелью граждан, которую он высоко ценит. «Доброта, состоящая в выкупе пленников из рабства и в помощи неимущим, полезна и государству... Это обыкновение проявлять доброту я считаю гораздо выше щедрости при устройстве зрелищ»²³.

Хотя сведения Цицерона о войне как источнике рабства и единичны, но они вполне достаточны для того, чтобы сделать

¹⁵ Cic., Ad Att., IV, 16, 7.

¹⁶ Cic., Pro Cluent., 21.

¹⁷ Cic., Pro Cluent., 21—22.

¹⁸ Xenoph., Cyrop., VII, V, 73.

¹⁹ Liv., XXXI, 30.

²⁰ Cic., Ad fam., VII, 24, 2; De orat., 265.

²¹ Cic., Tusc. disp., III, XXII, 53.

²² Cic., Ad Att., IX, 8, 1.

²³ Cic., De off., II, XVIII, 63.

вывод о большой роли войны в пополнении армии римских рабов.

Другие авторы, в том числе и современник Цицерона Цезарь²⁴ и более поздние историки, писавшие о I в. до н. э.²⁵, подтверждают данные Цицерона. Не только большие военные кампании (Рим в I в. до н. э. почти непрерывно ведет войны), но и незначительные военные эпизоды, подобные походу Цицерона, увеличивали приток рабов в Римской республике.

Другим источником рабства было пиратство. В речах о Манилиевом законе и против Верреса Цицерон очень ярко рисует бедствия, причиненные пиратами. Отправляющиеся в морское плавание «рисковали жизнью или свободой, так как приходилось плыть... по морю, кишашему пиратами»²⁶. Не только на море, но и на берегу можно было оказаться жертвой пиратов²⁷, «велико было число союзных городов, покинутых их населением из страха или захваченных морскими разбойниками»²⁸.

Внутренним источником рабства было естественное воспроизводство рабов. Даже если отец был свободным, а мать — рабыней, дети рождались рабами²⁹. Браки рабов не считались законными. Плавт восклицает: «Видел ли кто когда-нибудь браки рабов! раб, берущий супругу! Это противно обычаю всех народов»³⁰.

У Цицерона в доме не было ни одного доморожденного раба, а у его друга Аттика, по словам Корнелия Непота, в прекрасно организованной и обученной фамилии не было ни одного раба, который не был бы рожден и воспитан в доме³¹. Атик покупал рабов. Цицерон упоминает купленный Атиком отряд гладиаторов³², но домашних рабов он, видимо, предпочитал — выросших в доме. Об одном из них пишет Цицерон: «Алексиду, добрейшему мальчику — если только он случайно, пока я отсутствовал, не превратился в молодого человека (ведь он, казалось, это делал), — пожалуйста, пожелай здоровья»³³.

²⁴ Caes., *Bel. Gall.*, II, 33; III, 16.

²⁵ App., *Celt.*, 2; Plut., *Caes.*, XV; *Pomp.*, LXVII.

²⁶ Cic., *De imp. Pomp.*, 34; *De off.*, II, XVI, 55.

²⁷ Cic., *De imp. Pomp.*, 32, 33, 53.

²⁸ Cic., *De imp. Pomp.*, 32.

²⁹ Gail, *Inst.*, I, 82.

³⁰ Plaut., *Casina*. Prologus, 69—70.

³¹ Corn. Nep., *Pomp. Att.*, 13, 3—4.

³² Cic., *Ad Att.*, IV, 4, 20.

³³ Cic., *Ad Att.*, VII, 7, 7.

И еще только один раз упоминается в письме Целия Цицерону раб Беллиен, выросший в доме некоего Деметрия³⁴.

Несомненно, естественное воспроизводство рабов имело место в Риме. В собственном доме некоторые рабовладельцы даже предпочитали доморожденных рабов, считая их более послушными и преданными. Однако насколько мог быть этот источник массовым в I в. до н. э.? Если учесть только основные войны, которые вел Рим при жизни Цицерона (Митридадовы войны и завоевание Галлии), можно сказать, что Рим в течение ряда лет получал рабов за счет войны. В этих условиях вряд ли было выгодно выращивать рабов не только для домашних услуг, но и для широкого использования их в хозяйстве.

В. И. Кузищин отмечает, что воспитание рабов в доме должно было обходиться дороже, чем их покупка, даже если принять несколько завышенную среднюю стоимость рабов в 500 денариев. Исходя из алиментарного фонда I в. н. э., когда мальчик-сирота получал 16 сестерциев в месяц, содержание вскормленника (до 20 лет) должно было составлять 960 денариев. Воспитание квалифицированного раба обходилось еще дороже³⁵.

Т. Франк определяет, по данным Катона, содержание раба в 78 денариев в год³⁶. Следовательно, двадцатилетний раб будет стоить 1560 денариев, то есть его стоимость равна стоимости 3-х рабов, купленных по высокой цене в 500 денариев. На малолетнего раба могли тратить меньше, чем на взрослого работающего раба, и работать раб, безусловно, будет раньше 20-летнего возраста. К тому же не все рабовладельцы придерживались катоновской нормы (были и Дамофилы). Но если ребенка с малолетства кормить впроголодь, из него не вырастет физически сильного работника. На рынке же можно было купить здорового, сильного раба даже за 4 денария, как во время походов Лукулла.

Е. М. Штаерман пришла к выводу, что «прирожденный раб был гораздо более типичной фигурой, чем проданный в рабство пленный»³⁷.

³⁴ Cic., Ad fam., VIII, 15, 2.

³⁵ Кузищин В. И. Рец. на кн.: Штаерман Е. М. Рассвет рабовладельческих отношений в римской республике. — ВДИ, 1965, № 3, с. 165.

³⁶ Frank T. Rome and Italy of republic. An Economic Survey of Ancient Rome, v. I, p. 188.

³⁷ Штаерман Е. М. Рассвет рабовладельческих отношений в римской республике, с. 55; Утченко С. Л., Штаерман Е. М. О некоторых вопросах истории рабства. — ВДИ, 1960, № 4.

Этот вывод оспаривается многими исследователями. М. М. Слонимский пишет: «В период расцвета рабовладельческой формации роль внешних источников рабства была преобладающей»³⁸. Его точку зрения разделяет Б. И. Коваль³⁹, А. И. Павловская, по данным Полибия («современника и участника событий») ⁴⁰, для III—II вв. до н. э. отмечает, что «война становится важнейшим (но, конечно, не единственным источником рабства)»⁴¹. Данные Цицерона дают возможность распространить этот вывод и на I в. до н. э. Все исследователи подчеркивают, что война приводила к порабощению не только военнопленных, но и различных категорий свободного населения и давала широкие возможности победителям после завоевания новой территории порабощать ее жителей.

Цицерон в речи за Цецину перечисляет возможные случаи порабощения свободных: полководец может быть выдан противнику и если «будет принят, делается собственностью тех, кому он выдан», отец может продать в рабство сына, народ может продать уклонившегося от военной службы. «Тот же народ продает уклонившегося от ценза... как настоящий раб путем ценза получает свободу, так и тот, кто, будучи свободным, не пожелал участвовать в цензе, этим самым добровольно исключил себя из числа свободных»⁴².

Ни Цицерон, ни другие источники не подтверждают применения этих старинных законов на практике поздней республики.

Дважды упоминает Цицерон о незаконной продаже в рабство свободных. В первом случае речь идет о самнитской женщине, то есть уже римской гражданке после Союзнической войны, и она была отпущена на свободу⁴³. Во втором случае в рабство попал свободный фригиец, и родственникам не удалось его освободить⁴⁴.

Порабощение свободных неграждан тоже было незаконным, но, видимо, не всегда им удавалось отстаивать свои права перед римскими судьями.

³⁸ Слонимский М. М. К проблеме античного рабства. — ВДИ, 1961, № 4, с. 123.

³⁹ Коваль Б. И. О некоторых спорных вопросах статьи С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман. — ВДИ, 1961, № 3, с. 88—89.

⁴⁰ Павловская А. И. Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э. Война как источник рабства. — ВДИ, 1963, № 3, с. 97.

⁴¹ Там же, с. 106.

⁴² Cic., Pro Caecina, 98—99; De orat., I, 40, 181.

⁴³ Cic., Pro Cluent., 59.

⁴⁴ Cic., Pro Flacco, 17.

В письме к брату в провинцию Азию Цицерон говорит о каком-то Лицине, который охотился за людьми. Квинт Цицерон пригрозил по суду сжечь Лицина живым, если он будет пойман⁴⁵. Следовательно, римские законы карали за порабощение свободных и похищение чужих рабов. Но случаи нарушения законов были частыми, особенно в провинциях.

По закону Петелия 326 г. до н. э. запрещалось рабство-должничество для римских граждан. Цицерон только один раз упоминает о праве собственности по долговому обязательству, но речь идет не о рабе, а о приятеле Цицерона и Аттика банкире Мании Курии, который шутливо говорит о своей зависимости от Цицерона и Аттика⁴⁶. Законным путем продавать в рабство римских граждан за долги было невозможно. Только определив грань между свободными и рабами, граждане античного государства могли сохранить единство и сплоченность. «Отмена долгового рабства пролагала непроходимую грань между свободным бедняком и рабом... где насчитывалось большое число рабов, гражданский коллектив благодаря этому мог сохранить единство и сплоченность. В противном случае он был бы беззащитным перед лицом рабов»⁴⁷.

У Цицерона много сведений о торговле рабами, захвате чужих рабов в мирное и военное время, но поскольку это простое перемещение рабов из одних рук в другие, а не источник рабства, материалы Цицерона по данным вопросам в статье не рассматриваются.

Сравнивая данные Цицерона с другими источниками, можно прийти к выводу, что внешние источники рабства были основными для Рима I в. до н. э.

А. Л. КОРЖИНСКИЙ

ВОЙНА В ПОЭМАХ ГОМЕРА

Война — неотъемлемая часть мира гомеровских поэм. Не только «Илиада», сюжет которой нераздельно связан с Троянской войной, но и «Одиссея», посвященная «странствиям и

⁴⁵ Cic., Ad Q. fr., I, 2, 6.

⁴⁶ Cic., Ad fam., VII, 29; VII, 30.

⁴⁷ Шишова И. А. Долговое рабство. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 47.

возвращению мужа»; показывают нам мир непрерывного насилия. Оружие обнажается не только на поле битвы или при штурмах городов. Герои поэм хватаются за мечи во время народного собрания, на пирах, сплошь да рядом убивают родственников и скрываются от возмездия.

Несмотря на пестроту этого «мира насилия», свидетельства поэм в основном составляют две большие группы. Во-первых, описания оружия и доспехов, во-вторых, — сами «военные операции»: сражения, поединки, словом, все случаи, когда это оружие применяется. Обе эти группы свидетельств не равноценны для исследователя. Скрупулезный анализ гомеровских описаний оружия и доспехов преследует возможно более вероятную идентификацию их с археологическими находками. Начиная от Райхеля¹ и до Лоример² — автора фундаментального труда «Гомер и памятники» — многочисленные исследователи пытались решить эту сложнейшую проблему³.

Археологи выделяют для литературных свидетельств довольно скромную роль. По мнению известного английского археолога Снодграсса, литературный материал может «подтверждать выводы археологии, может дополнять их и, наконец, противоречить им»⁴. В последнем случае Снодграсс предлагает пересмотреть литературное свидетельство. Можно согласиться с тем, что «труднее описать детали (какого-либо предмета. — А. К.), чем изобразить его»⁵. Этим и объясняется некоторый скептицизм по отношению к литературным свидетельствам и в особенности к идентификации их с археологическими свидетельствами. Свидетельства поэм, легко сопоставимые с археологическими находками, редки, как редки и вообще подробные описания оружия и доспехов. Общеизвестно также, что доспехи у Гомера могут представлять собой комбинацию свойств предметов, принадлежащих к различным историческим эпохам: Основные элементы вооружения гомеровских героев служат предметом острой дискуссии⁶.

¹ Veber Homerische Waffen, Archäologische Untersuchungen. Von Wolfgang Reichel, Wien, 1894.

² Lorimer H. L. Homer and the Monuments, L., 1950.

³ Следует упомянуть работы: Nilsson M. P. Homer and Mycenae, L., 1933; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. L., 1964.

⁴ Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the end of the Bronze Age to 600 b. c., E., 1964, p. 169.

⁵ Snodgrass A. Op. cit., p. 169.

⁶ Попытки выделить у Гомера какой-либо преобладающий тип снаряжения — будь то вооружение микенского воина или гоплита — неизменно вступают в противоречие с самим текстом поэм. Как следствие этого про-

С другой стороны, анализ гомеровских батальных описаний сводится в основном к вопросу о реальности так называемой «стратегии поединков». Известны попытки найти у Гомера гоплитскую тактику и снаряжение⁷.

Значительно меньше внимания уделено исследователями самому характеру войн, изображенных Гомером. В первую очередь следует отметить небольшую, но весьма содержательную статью Кёрка «Война и воин в гомеровских поэмах»⁸. Кёрк выделяет три основных типа войн в гомеровском обществе. Это, по его мнению, небольшие местные войны и рейды; гражданская война и, наконец, осада города, значительная по масштабу, но непродолжительная по времени⁹. Несмотря на то, что Кёрк считает, что Гомер не представляет ни развитой бюрократии Микенского периода, ни истинных размеров богатства и власти владык дворцов-цитаделей, он приходит к выводу, что выделенные им три типа войны ближе к Бронзовому веку и его традиции, чем к так называемому Темному периоду (XI—IX вв. до н. э.) или к Геометрическому периоду (900—700 гг. до н. э.). Противоположная точка зрения представлена Гринхалгом в его монографии «Раннегреческая война»¹⁰. Автор принимает классификацию гомеровских войн, предложенную Кёрком, но утверждает связь гомеровских представлений о войне с Геометрическим периодом¹¹. Его аргументации нельзя отказать в убедительности, несмотря на известную методологическую слабость¹². Гринхалг, по существу, не имеет оригинальной точки зрения на гомеровское

творчества строфы, не укладывающиеся в ту или иную схему, объявляются интерполированными. Так поступает Лоример в отношении стрóf, связанных металлическими нагрудниками (Homer and the Monuments, p. 203—211).

⁷ Webster T. B. L. From Mycenae to Homer, p. 214—220. Резюме дискуссии о так называемых «гоплитских отрывках» дается в монографии Снодграсса (Snodgrass A. Op. cit., p. 176—179).

⁸ Kirk G. S. War and the warrior in the Homeric poems. — In: *Problemes de la guerre en Grece ancienne*. Ed. E. P. Vernant. P., 1968, p. 112.

⁹ Кёрк. Указ. соч., с. 113.

¹⁰ Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.

¹¹ Гринхалг. Указ. соч., с. 166.

¹² Так, считая, что гомеровские представления о применении боевых колесниц не отражают практики Бронзового века, а связаны с так наз. Темными веками, Гринхалг заключает: «Если это справедливо для боевого применения колесниц, это должно быть также справедливо для других аспектов фона гомеровской картины». Под «фоном картины», в отличие от сюжетной линии, имеются в виду «общество, его институты, материальная культура и идеология» (Гринхалг. Указ. соч., с. 156).

общество. По его мнению, власть в поэмах «все еще наследственная монархия», его представления о том, как действует механизм этой власти, об общественных институтах гомеровского общества туманны и непоследовательны¹³.

При исследовании гомеровских представлений о войне историку-марксисту, безусловно, следует иметь в виду характеристику гомеровского общества, данную Ф. Энгельсом в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Они (гомеровские греки. — А. К.) жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения увеличивалась вместе с ростом стад, распространением земледелия и зачатков ремесла, вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и *аристократический элемент* внутри древней, первобытной демократии»¹⁴ (курсив мой. — А. К.).

В свете современных научных представлений гомеровский полис охарактеризован в монографии Ю. В. Андреева «Ранне-Греческий Полис» как «позднеродовое варварское общество в его специфическом городском варианте»¹⁵. Анализ гомеровских представлений о войне и посвящена данная статья.

Троянскую войну поэт стремится представить недавним прошлым, но поэмы рассказывают и о войнах «седой» древности. Обычно о деяниях века героев повествуют «старцы». Чаше всего Нестор, видевший три поколения. Почти его ровесником представляется поэту и Феникс, воспитатель Ахиллеса, в уста которого вложен древний миф о Мелеагре. Сюжет этого мифа весьма близок к сюжету «Илиады». Божественный гнев грозит гибелью родному городу Мелеагра. Он же, как Ахиллес) бездействует. Ни мольбы «старцев», ни просьбы отца, сестер и друзей-сверстников не смягчили гнева героя. Старейшины прислали жрецов (Илиада, IX, 575 слл.), предлагая великую награду за отречение от гнева: участок плодородной земли площадью в 50 урхл. Мелеагр, как и Ахиллес, не принял даров. Лишь молодой жене удастся убедить его вступить в сражение¹⁶. В этой повести о войне между городами видны

¹³ Гринхалг. Указ. соч., с. 171. Мнение об универсальности «королевской власти у Гомера, об отсутствии признаков ее «конституционной ограниченности», высказана еще Чадвиком в труде «Геронический век» (The Heroic Age, by H. M. Chadwick: Cambridge, 1912).

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 104—105.

¹⁵ Ранне-греческий полис (Гомеровский период). Л., 1976, с. 114.

¹⁶ Сюжет очень древний. Поэт лишь глухо упоминает о том, что мать Мелеагра губит сына, мстя за своего убитого брата. В то же время «расказ — увещание» Феникса — интересная иллюстрация того, как перераба-

следы древней практики. Старейшины могли вознаградить военные подвиги почетным даром: участком плодородной земли.

Наиболее законченная повесть о вражде двух городов вложена в уста Нестора (Илиада, II, 669 сл.). Нестор обращается к достославным временам своей юности. С небольшим отрядом своих сверстников он захватывает стада, принадлежащие врагам. Отец Нестора отделил свою часть добычи, остальное делится старейшинами между Пилосским «народом»¹⁷. Через три дня вражеское войско подступает к Пилосу. На защиту города собирается войско—*λαός* (Илиада, II, 716). Нестор выступает в поход вместе со всеми, несмотря на запрещение отца, и совершает великие подвиги. Очевидно, набег на врага совершается им на свой страх и риск. Нападение небольшого отряда юношей служит предлогом для войны. В поход вступает уже значительное войско, и собирается ополчение для защиты Пилоса. Как и в повести о Мелеагре, власть, очевидно, принадлежит отцу героя и старейшинам. Именно они наблюдают за дележом добычи или потом предлагают награду за подвиги. Под «войском» подразумевается все способное носить оружие население города.

Для военных предприятий¹⁸ более крупного масштаба войско собирают по городам. Перед походом против Фив Тидей и Полиник, «рать собирая», приходят в Микены. Микеняне согласились было дать им союзников, но были уstraшены грозными знаменами (Илиада, IV, 376 сл.). Атриды и Нес-

тывается традиционный материал в целях сюжета о гневе Ахиллеса. Композиционно речь Феникса состоит из 2-х частей. В первой Феникс рассказывает о временах своей юности, доказывает пагубность гнева. Гнев едва не привел его к ужасному преступлению — отцеубийству. Лишь затем вводится миф о Мелеагре. Целевой акцент рассказа в конце — выступив добровольно, Ахиллес получит богатые дары; в том случае, если он будет сражаться, подчиняясь необходимости, ему не удастся снискать подобной «чести» (Илиада, IX, 603 сл.). Мелеагр столь же индивидуалистичен, как и Ахиллес.

Противоположная оценка дается Гринхалгом (*Гринхалг. Указ. соч.*, с. 169). Он считает, что поведение Мелеагра обуславливается его «патриотизмом» к родному городу. Едва ли это справедливо. Не бедствия сограждан, не просьбы родственников и друзей, а мольба жены заставляет Мелеагра действовать. Мотив столь же личный, как и скорбь Ахиллеса о погибшем друге.

¹⁷ В рассказе Нестора отчетливо видны черты идиллии. Никто не обделен его отцом при дележе добычи. За храбрость и справедливость сограждане славославят юного сына царя.

тор, возобновляя и заключая союзы дружбы и гостеприимства, привлекают к экспедиции под Троию новых участников¹⁸.

Далеко не все участвуют в войне добровольно. За уклонение от похода грозит «возмездие» от Ахейцев (Илиада, XIII, 669). Не могут отказаться даже вожди, избранные предводителями (Одиссея, XIV, 239). Житель Сикиона, Эхепол, откупаясь от участия в походе, дарит главе ополчения кобылицу. Едва ли можно видеть в этих свидетельствах указания на личную, феодального типа зависимость¹⁹. Посланцы, вернее инициаторы похода, очевидно, обращаются к совету «старцев». После того как народное собрание соглашается принять участие в войне, решение становится обязательным для всех членов общины.

Поэмы показывают и военные походы, совершаемые не в интересах общины, а иногда и враждебные ей (Одиссея, XVI, 424). Значительный интерес в этом отношении представляют так называемые «критские» истории Одиссея. Наиболее полную и законченную легенду Одиссей преподносит Эвмею (Одиссея, XIV, 199 слл.). Он представляется критянином, побочным сыном богатого гражданина. Обделенный братьями при дележе наследства, герой прославился отважными предприятиями. Девять раз с товарищами он выходил в море «на поиски счастья». Пиратские рейды принесли ему богатство и известность (Одиссея, XIV, 230 слл.). Избранный критянами вместе с Идомеем в военачальники, герой отправляется под Троию. Поэт лишь вскользь упоминает о событиях Троянской войны, заведомо известных слушателю. По возвращении из похода воинственный герой лишь месяц провел с женой и детьми. Жажда богатства и приключений вновь заставила его выйти в море. Организация этой «египетской» экспедиции описана довольно подробно и, очевидно, типична для такого рода предприятий. Глава экспедиции собирает отряд, оснащает девять судов. Перед выходом в море он устраивает шестидневный пир для «товарищей», очевидно, на свои средства. Поход заканчивается полнейшей неудачей: герой лишается и спутников и кораб-

¹⁸ Глава ополчения Агамемнон потратил целый месяц на возвращение с Итаки, с трудом уговорив Одиссея принять участие в походе (Одиссея, XXIV, 115). Керк справедливо отмечает, что представление о совместном походе воинов из различных городов не связывается исключительно с Троянской войной (Керк. Указ. соч., с. 106).

¹⁹ Подобную точку зрения высказывает Нильссон (Нильссон. Указ. соч., с. 239).

лей²⁰. Перед нами яркое описание событий большой и бурно прожитой жизни. Нигде нет и намек на то, что герой был связан с «товарищами» по походам кровными узами. Их объединяла лишь надежда на богатую добычу. Несмотря на резкие взлеты и падения, перемены судьбы, «критская» легенда, очевидно, восходит к довольно обычному жизнеописанию авантюриста.

Как уже отмечалось, и таким «вольным добытчикам» было невозможно уклониться от участия в Троянском походе. Но военные предприятия такого масштаба затевались нечасто. В «мирное» же время «богатый и знатный человек мог в любой момент собрать «товарищей», спустить на воду корабли и вести их в любом направлении»²¹. Он обеспечивает их продовольствием на первое время, в дальнейшем их кормит разбой. Чем более известно мужество и удача предводителя, тем больше «вольных товарищей» соберется на его суда²². Следует отметить эпизодичность и случайность таких объединений. Содержать постоянно значительный военный отряд было не под силу не только таким «флибустьерам», как критский герой, но и людям значительно более богатым и знатым²³.

Далеко не всегда поход завершался сражением. Город мог спастись от угрозы штурма и разграбления, поделившись с осаждающими частью своих богатств. Заключая договор с троянцами, Агамемнон требует не только выдачи Елены и похищенных сокровищ. Жители Трои должны заплатить «возмещение, какое подобает» (Илиада, III, 286). Свидетельства

²⁰ Одиссей выводит своего героя из этого бедственного положения (Одиссея, XIV, 285 сл.). Авантюристость сюжета и близость его к судьбе самого Одиссея очевидны. Так, описание разгрома отряда Одиссея (Одиссея, IX, 40 сл.) близко к «Египетской» катастрофе мнимого критянина.

²¹ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Дис. на соиск. учен. степеней канд. ист. наук. Л., 1965.

²² Илиада, II, 675.

²³ Анализ гомеровских свидетельств о дружинах (*εταῖροι*) не входит в задачу данной статьи. Проблема рассматривается в монографии Ю. В. Андреева «Ранне-Греческий полис» (Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 88). Следует отметить, что гомеровская терминология, связанная с воинскими контингентами, сложна и запутанна. Помимо общего термина *отрас* — «войско», «армия», часто употребляется *λαος* и *εταῖροι*; *λαος* иногда связывается со значительным войском, в частности, ополчением города (Илиада, II, 716), *εταῖροι* в большинстве случаев означает «дружина». Едва ли в представлении Гомера эти понятия далеки друг от друга. Об этом свидетельствуют и выражения *λαον ἀνεῖρεν* (Илиада, — 2, 664; — 11, 716), *εταῖρους ἀνεῖρεν* (Илиада, 3—, 47; — 13—, 778) и последовательное употребление терминов по отношению к одному и тому же отряду воинов (Одиссея, XIV, 247, 248).

поэм позволяют предположить, что имеется в виду под этим «возмещением». Гектор, размышляя об условиях возможного примирения с ахейцами, предполагает разделить с ними все богатства Трои (Илиада, XXII, 114 сл.). Близко к этим пассажирам описание «Города войны», изображенного на щите Ахиллеса (Илиада, XVIII, 509 сл.). Враги, окружившие город, угрожают разрушением его, если граждане не разделят с ними свои богатства. Требование выкупа под угрозой штурма и разрушения города — обычный прием пиратства вплоть до сравнительно недавней исторической эпохи²⁴.

Поэмы лишь глухо упоминают о других военных предприятиях ахейцев, не связанных непосредственно с осадой Трои. Концентрируя традиционный материал в кратковременном действии, поэт не уделяет этим эпизодам много внимания. Двенадцать городов разрушили ахейцы рейдами с моря, одиннадцать — с суши (Илиада, IX, 328). В немногих словах Гомер описывает судьбу одного из этих городов (Илиада, I, 366 сл.). Ахейцы пришли к городу, разгромили его, а все захваченное представили в лагерь под Троей для дележа. Подобный «подвиг» совершает и Одиссей, возвращаясь домой после разрушения Трои (Одиссея, IX, 39 сл.). Разрушив Измар, ахейцы истребили мужчин и разделили захваченное. Дележ производится так, «чтобы никто не ушел без своей доли» (ὄς μὴ τίς μοι ἀτερφεμένος κίσι ἴσῃς). Едва ли эта традиционная формула (Одиссея, IX, 549; Илиада, XI, 705) отражает подлинную практику раздела добычи. Спутники Одиссея горько сетуют на то, что в то время как их вождь везет домой захваченные богатства, они возвращаются с пустыми руками²⁵ (Одиссея, X, 37 сл.). Ненависть, смертельная вражда вспыхивает из-за захваченных ценностей. Ахиллес угрожает смертью тому, кто посягнет на его трофеи (Илиада, I, 300 сл.), критский авантюрист в подобной ситуации совершает убийство (Одиссея, XIII, 266). Все это заставляет усомниться в идиллической картине «справедливого» распределения добычи и

²⁴ Эти пассажи показывают, насколько справедлива характеристика война у Гомера, данная Ф. Энгельсом. Ясно видны черты «совершающегося уже вырождения древней войны между племенами и систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108).

²⁵ Герой «критской» истории объясняет свое быстрое обогащение тем, что лучшую часть добычи он брал себе до дележа, многое доставалось затем по жребию (Одиссея, XIV, 232 сл.).

вполне согласуется с «восхвалением и почитанием богатства как высшего блага и злоупотреблением древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств»²⁶.

Анализ гомеровских представлений о войне был бы не полным, если не обратиться к свидетельствам поэм о союзниках (эпигоуры). Их храбростью и многочисленностью объясняет Агамемнон невозможность взять Трои (Илиада, II, 130 слл.)²⁷. Союзники прибывают в Трои одновременно. Обычное указание, что они воюют, «угождая» Приаму или Гектору, оставляет неясными отношения вождей союзных отрядов с троянцами. Ведь «союзники» не могут рассчитывать на богатую добычу. Лишь отдельные намеки, рассеянные в тексте поэмы, позволяют сделать предположения о причинах участия союзников в войне.

Глава троянского ополчения Гектор дважды упоминает, каким тяжелым бременем ложится на город содержание союзников. Многие сокровища Трои проданы с тех пор, как началась война (Илиада, XVIII, 280). Воюют союзники небрежно, неохотно, предоставляя все тяготы войны троянцам (Илиада, X, 420). Что же побудило союзников собраться «из далеких градов» на защиту Трои? Очевидно, они связаны с троянцами отношениями дружбы и гостеприимства. Один из пассажей в «Илиаде» иллюстрирует, насколько сильны были эти отношения. Двое противников, встретившись в битве, примиряются и обмениваются подарками потому только, что их деды были гостеприимцами (Илиада, VI, 215 слл.). Было бы, таким образом, ошибочно считать союзников в «Илиаде» простыми наемниками, привлеченными дарами и содержанием. Гектор однажды называет союзников «живущими в окрестностях» (Илиада, XVII, 220). Эпитет остался бы непонятным, если бы не одно из замечательных сравнений в «Илиаде», рисующее войну несравненно меньшего масштаба, чем троянская. Жите-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108. В гомеровских описаниях раздела военной добычи можно различить следы древней практики: неоднократно говорится, что «награды» вождям и героям дают «ахейцы» (Илиада, I, 161, 176). Но это не более чем военно-демократическая фразеология, отзыв далекой традиции. Уже не жрецы от имени общины обещают награду за военные подвиги, а вождь выделяет часть добычи или отнимает ее по собственному усмотрению (Илиада, IX, 332).

²⁷ Гомер не связывает «союзничество» исключительно с троянским походом. Некогда отец Дномедта Тидей искал союзников в Микенах (Илиада, IV, 376 слл.). Приам в юности был союзником фригийцев в войне с амазонками (Илиада, III, 184).

ли острова, окруженного врагами, весь день сражаются, а ночью зажигают огни, «чтобы живущие в окрестностях увидели и на кораблях скорее прибыли защитники» (περικτιοφεςοσι ιδεσθαι, αι κεν πως ουν υηροσι αρω αλκηρες ικωνται (Илиада, XVIII, 212).

Очевидно, и союзничество у Гомера имеет в основе обычную соседскую взаимопомощь. При внезапном нападении врагов, соседей, если с ними были дружеские отношения, можно было вызвать сигналом тревоги, не заключая предварительных договоров. Едва ли можно допустить то, что таких «союзников» можно было удержать на долгий срок. И не только потому, что «длительная осада не соответствует «духу Героического века», как считает Керк²⁸. Содержание значительного числа союзников было непосильно для сравнительно небольших полисов Геометрического периода²⁹.

Любопытные черты гомеровских представлений об отношениях вождя и его отряда видны в описании странствий Одиссея. Воинство «хитроумного царя» Итаки не слишком подчиняется своему вождю (Одиссея, IX, 40 слл.). Беспечно пируя у стен разрушенного города, спутники Одиссея навлекают на себя жестокие бедствия. Перед важными предприятиями Одиссей собирает свой отряд «на совет» (Одиссея, IX, 170; X, 188). «Друзья и соратники», как и в описаниях собранной ахейской коалиции, не более чем пассивная толпа. Но и среди них находится «непокорный». Эврилох, ближайший родственник Одиссея и командир половины его отряда (Одиссея, X, 441; IX, 203 слл.), обвиняет вождя в смерти товарищей и призывает остальных к неповиновению (Одиссея, X, 437). Оскорбленный Одиссей готов убить «наглеца». Отряд, однако, следует за вождем и «дерзкий» Эврилох плетется сзади, приведенный в трепет угрозами (Одиссея, X, 443 слл.). Не все конфликты разрешаются столь же благополучно. Неугомонный Эврилох снова восстает против вождя³⁰. На этот раз все «товарищи» с ним согласны и Одиссей вынужден уступить³¹.

²⁸ Керк. Указ. соч., с. 109.

²⁹ Похвальба Гектора «защитить город без народа, без союзников» с одними зятями и братьями (Илиада, V, 472 слл.) согласуется с нападением небольшого отряда на островок с малым населением, но совершенно противоречит масштабам батальных описаний троянской осады.

³⁰ Близость Эврилоха к Терситу очевидна.

³¹ Одиссей подчеркивает свое бессилие одного против всех (Одиссея, XII, 297) (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 105).

(Одиссея, XII, 294 слл.). Отношения между «добрым и справедливым» вождем и его «товарищами» далеко не идиллические. Небольшой отряд раздрается теми же противоречиями, что и ахейская коалиция под Троей.

Вопрос о реальности ахейской коалиции, по-видимому, едва ли разрешим на современном уровне наших знаний. Общеизвестно, что нет никаких археологических свидетельств о разрушении Трои именно ахейцами, а не любой другой волной завоевателей, например, «народами моря»³².

Важно отметить, что масштаб батальных описаний Троянской войны, огромные армии, длительность самой осады противоречат нашим знаниям о Гомеровском периоде³³.

Возникает вопрос о реальности гомеровских военных представлений. Следует помнить, что речь может идти о реализме «эпическом». Концентрируя внимание на «подвигах» вождей, поэт оставляет в тени значительно более важные, с нашей точки зрения, черты военной организации³⁴. Поэтому для нас имеет большое значение тот «фон» поэм, на котором разворачивается сюжетная линия.

Неоднократно упоминавшиеся «критские» истории, пиратские рейды вряд ли можно счесть поэтической фикцией. Война между пилосцами и эпейцами в целом представляется реалистическим описанием войны и вражды двух городов. Но эпизодические военно-грабительские предприятия — это не война в позднейшем значении слова³⁵. Гомер не представляет значительных постоянных воинских объединений³⁶. При войне и мятеже человек может опереться на братьев и родственников (Одиссея, XV, 272, XXIV, 434 слл.). Одиссей опирается в трудную минуту даже не на «товарищей» — слуг, а на рабов (Одиссея, XXI, 194 слл., XXIV, 496). С очень небольшим отрядом возвращается в Микены Агамемнон. Огромные армии,

³² Эта возможность рассматривается Керком (*Керк*. Указ. соч., с. 105).

³³ Гринхалг отмечает, что масштабы осады могут объясняться просто поэтическим преувеличением (*Гринхалг*. Указ. соч., с. 166). Более убедительной представляется точка зрения Керка о связи Троянской осады с традицией Бронзового века.

³⁴ Мы лишь один раз встречаемся с филами и фратриями (*Илиада*. II, 362) — родовыми единицами военной организации.

³⁵ Гомер не знает земельных захватов. Город берется «копьем» и после грабежа оставляется победителями.

³⁶ Убедительным свидетельством этой точки зрения служит непоследовательность и беспомощность в изображении огромной ахейской армии под Троей. С одной стороны, ахейская армия — подобие дружины Агамемнона, с другой — «своеобразный полис, возникший на вражеской территории» (*Андреев Ю. В.* Указ. соч., с. 52—53).

толпы и множества исчезают. Остается представление о разбойничьих набегах небольших отрядов, войнах между мелкими городами³⁷. Наиболее ясно Гомер представляет ополчение города. Угроза уничтожения заставляла собраться всех способных носить оружие. Число этих «защитников города», очевидно, было невелико. Воинов не хватало для одновременной защиты стен и сражения в поле. Оставленный защитниками город охраняют женщины, дети и старики (Илиада, VIII, 517 сл., XVIII, 514 сл.).

Таким образом, нет никаких оснований связывать гомеровские описания осад с традицией Бронзового века. Такие центры Геометрического периода, как Старая Смирна, очевидно, неоднократно подвергались осадам и вполне могли служить источником гомеровских описаний³⁸.

Едва ли в представлении Гомера между «миром» и «войной» лежала пропасть. «Город мира», так ярко описанный в 18 песне «Илиады» (Илиада, XVIII, 490 сл.), и близкая к нему картина мирного благоденствия Феакийского народа (Одиссея, IX, 5 сл.) скорее всего лишь далекая от реальности фантазия поэта. Пиратские рейды, грабежи скота, раздоры между «согражданами», кровная месть — жизнь в изображении Гомера, беспокойна и без войны, если понимать под войной угрозу штурма и уничтожения города³⁹.

Грабительские набеги могли быть причиной вражды между городами и, наоборот, «старые счеты» подталкивали к новым «отважным» предприятиям⁴⁰.

³⁷ Керк считает «полноправной» частью гомеровских представлений о войне «гражданскую» войну на Итаке. Едва ли можно считать столкновение Одиссея с итакийцами гражданской войной. По-видимому, это не более чем заурядное столкновение между аристократическими родами.

³⁸ *Гринхалл*. Указ. соч., с. 166. Против связи гомеровских описаний осад с традицией Микенской эпохи свидетельствует и то, что Гомер ничего не знает о мощных цитаделях этого периода.

³⁹ Известный исследователь Чадвик в работе «Героический век» утверждает, что «в целом, нормальное состояние отношений между королевствами — это состояние мира» (The Heroic Age, by H. M. Chadwick, Camb., 1912, p. 386). Справедливым, однако, кажется считать нормальными отношениями в гомеровском обществе «войну всех против всех».

⁴⁰ Мысль о том, что войны «прошлого» отличаются от войн «настоящего», глубоко чужда Гомеру. Некогда были отважные мужи, сражавшиеся с дикими обитателями гор (Илиада, I, 263 сл.). Последующие поколения уступают во всем этим легендарным героям. Сражаются они уже с обычными людьми. «Подвиг» Геракла, который с небольшим отрядом «сделал пустынными улицы Трои» (Илиада, V, 640 сл.) едва ли отличается в представлении поэта от «славного деяния» Одиссея — разграбления города Измара.

Сложность гомеровской «картины войны» обусловлена исторической сложностью Гомеровского периода. Ополчение, включавшее всех, способных носить оружие, не соответствовало частым грабительским походам. Эпизодически возникавшие «товарищества» воинов не могли оформиться в дружину, постоянно связанную со своим вождем, из-за ограниченности материальных возможностей гомеровских аристократов⁴¹. Этот «кризисный» период в развитии военной организации и отражают гомеровские представления о войне.

Е. В. МАВЛЕЕВ

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ В ЭТРУРИИ (о понимании этрусками греческих изображений)

«Этруская проблема» уже давно находится в центре внимания отечественного антиковедения. Не только происхождение народа, его социально-экономическая и политическая жизнь, но и своеобразие духовной культуры привлекает к себе все большее число специалистов¹. Однако все эти вопросы пока еще не получили достаточно полного освещения, что во многом связано с невозможностью опереться в полной мере на данные этрусского языка, до сих пор окончательно не дешифрованного. Особенно решительно мы вынуждены вступить в область гипотез при попытках восстановить картину духовной культуры этрусков, поскольку она воссоздается главным образом благодаря толкованиям изображений на памятниках искусства. В связи с этим особую значимость получает вопрос о бытовании в Этрурии греческих мифов, картины которых часто возникают на произведениях местных мастеров. Неред-

⁴¹ Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 89.

¹ Отметим лишь некоторые работы, подробно останавливающиеся на особенностях духовной культуры этрусков, выделяющих ее среди других культур: Залесский Н. Н. К социальной истории этрусков. — «Учен. зап. ЛГУ», 1950, № 127; Ельницкий Л. А. Этрусски и греки (эллинизация Италии). — ВДИ, 1948, 1; Он же. Элементы религии и духовной культуры древних этрусков. — В кн.: Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; Немировский А. И. — Харбёкин А. И. Этрусски. Воронеж, 1969; Серия докладов на I этрускологической конференции в Ленинграде (Ельницкий Л. А. Происхождение древнеэтрусской космогонии и дивинации (из словаря Суды); Мавлеев Е. В. «Книга жизни» у этрусков; Тимофеева Н. К. Этрусский Ферсу и лидийский Кандаулес); История и культура этрусков. Л., 1972.

ко также местные изображения сопровождаются именами иноземных богов и мифологических героев. Казалось бы, всё это предоставляет исследователям редкую возможность, анализируя этрусские картины с греческими мифами, определить уровень знакомства италийцев с эллинской культурой, как бы обойдя языковую проблему. Такое соблазнительно легкое решение задачи оказалось, однако, чревато опасными моментами, способными привести к неправильным ответам.

В 1964 г. появилась совместная работа Э. Симон и Р. Хампе «Греческие сказания в раннем этруском искусстве», где утверждалось, что жители Этрурии хорошо знали эллинские сказания, знакомые им благодаря широкому распространению на севере Италии греческого языка и литературы. Существенные отклонения этрусских изображений от греческих оригиналов (очень частых в архаический и эллинистический периоды) объяснялись сознательным стремлением местных мастеров следовать не широко распространенной версии сказания (дошедшей до нас), а малоизвестной (до нас не дошедшей), но якобы более отвечающей мироощущению древних тосканцев².

Данная точка зрения подверглась резкой критике со стороны большинства этрускологов³. Дж. Кампореале и Л. Банти в качестве противовеса формулируют собственную систему толкования этрусских изображений — так называемую теорию «банализации», согласно которой греческие мифы в местной среде низводились до уровня жанровой сцены. По мнению этих авторов, в конце VII в. — VI в. до н. э. главным источником познаний об иноземных сказаниях для этрусков оставались импортируемые в большом количестве из Греции ремесленные изделия, часто украшенные мифологическими сценами. Не понимая значения последних, не зная ни греческого языка, ни тем более литературы эллинов, этруски воспринимали эти сцены как жанровые сценки и копировали их именно в таком плане. При этом допускались значительные отклонения от изложенного греками в сказаниях религиозно-мифологического содержания⁴.

² Hampe R., Simon E. Griechische Sagen in der frühen etruskische Kunst. Mainz, 1964.

³ Ср. ответы Р. Хампе и Э. Симон на эту критику (Hampe R., Simon E. Gefälschte etruskische Vasenbildern, Jahrbuch des Röm. Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1967).

⁴ Ср.: Camporeale G. Banalizzazioni etruschi di miti greci. St. Etr., 36, 1968.

Годы, прошедшие со времени выхода в свет книги Р. Хампе и Э. Симон, характеризуются рождением ряда новых точек зрения, «вращающихся», однако, вокруг уже отмеченных мнений. Например, Т. Дорн, в целом высказываясь в духе теории «банализации», вводит в нее некоторые уточнения, отчасти близкие положениям Э. Симон и Р. Хампе. Так, процесс знакомства этрусков с греческой культурой расчленяется исследователем на три периода: 1) до V в. до н. э., когда основным источником служат малопонятные греческие изображения; 2) V в. до н. э., прошедший под знаком быстрого усвоения греческих сказаний благодаря контактам с ремесленниками из городов Великой Греции; 3) IV и следующие века до н. э., когда происходит сознательное углубление этрусками знаний о мифологии эллинов⁵. Точка зрения такого специалиста, как К. Шауенбург, во многом совпадает с концепцией Э. Симон — Р. Хампе, причем первый как бы обосновывает фактологически идею последних о том, что этруски — в силу своеобразия собственного мироощущения — отбирают только некоторые, близкие им по духу греческие сказания, порою усиливая в них отдельные моменты и таким образом значительно их изменяя⁶.

Новейшее исследование о греческих мифах в Этрурии, выполненное ученицей Э. Симон — И. Краускопф, подводит в некотором роде итог многолетним спорам сторонников двух указанных теорий⁷. В самом деле в настоящее время близится к завершению громадный труд по проверке старых атрибуций этрусских изображений, определению новых, их датировке и классификации по группам. Эта работа позволяет делать выводы о популярности в Этрурии того или иного греческого мифа или отдельного героя в различные исторические периоды. Перед нами открывается следующая картина. Совершенно несомненно, что этруски отбирают греческие сюжеты осознанно. Более того, можно говорить о специфичном «вкусе» местных ремесленников к иноземным темам. Так, их явно привлекает, например, «Фиванский цикл». Доказанная таким образом спе-

⁵ Dohrn T. Die Etrusker und die griechische Sage. — RM, 72/73, 1966/67.

⁶ Schauenburg K. Zu «Irrtümer» in der griechischen und etruskischen Vasenmalerei. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok, XVII, 7/8, 1968; idem. Zu griechischen Mythen in der etruskischen Kunst. Jahrbuch, 85, 1970.

⁷ Krauskopf J. Der thebanische Sagenkreis und andere Griechische Sagen in der etruskischen Kunst. Mainz am Rhein, 1974.

цифичная избирательность этрусков по отношению к греческим мифам, по мнению И. Краускопф, опровергает теорию «банализации», ибо определенная классификация этрусками греческих сюжетов свидетельствует об интересе местных мастеров не только к внешней, эстетически-художественной форме копируемых произведений, но и к их тематически-идейному содержанию. И. Краускопф, солидаризируясь таким образом с Р. Хампе и Э. Симон, приходит к выводу, что уже в VII—VI вв. до н. э. этрусков интересует не греческое изображение мифа, но главным образом сам греческий миф. Источниками же информации об иноземных сказаниях могли служить и греческие эпические поэмы, и устные предания, приносимые в Италию торговцами и переселяющимися сюда ремесленниками. Иначе говоря, школой Э. Симон выдвигается тезис о стремлении этрусков понять греческий миф с точки зрения грека, что прямо противоположно сущности теории «банализации» с ее утверждением пассивного и неосознанного втягивания этрусской культурой отдельных элементов греческой.

Между тем «стержни» двух теорий представляют собой явно априорные посылки, которые невозможно проверить с помощью метода, используемого представителями обеих концепций, в чем, в частности, убеждает десятилетнее существование двух фактически взаимоисключающих друг друга теорий. Суть этого метода сводится к следующему. Давно установлено, что этрусские ремесленники, как правило, используют композиционные схемы и иконографические типы, разработанные греческими мастерами. Считая, что в аналогичных (или подобных друг другу) греческих и этрусских картинах выражен один и тот же сюжет, можно (в целом ряде случаев успешно) атрибутировать и классифицировать этрусские изображения. Но необходимо иметь в виду, что эта операция производится с точки зрения мифов. Поэтому обращаясь к такому «методу аналогий», нельзя глубоко раскрыть вопрос о понимании и восприятии этрусками мифологии эллинов.

Поскольку обе теории покоятся на анализе одних и тех же источников, целесообразно остановиться на этих данных еще раз, чтобы в двух предлагаемых интерпретациях установить грань между надежно обоснованными и гипотетическими положениями. Условно наши источники (исключая пока этрусские мифологические изображения) можно разделить на две группы: данные об этрусско-греческих контактах, сведения об особенностях этрусского общества и его культуры.

Этрусско-греческие отношения развивались неравномерно. С середины VI в. до середины V в. до н. э. греки в большом числе посещают этрусские города, порою даже оседают в них, основывая ремесленные мастерские⁸. Контакты между представителями двух народностей в этот период настолько интенсивны, что в этрусский язык входит целый ряд греческих терминов — обозначений бытовых предметов (греческих сосудов необычной для этрусков формы)⁹. Вторая половина V в. — IV в. до н. э. характеризуется ухудшением этрусско-греческих отношений. Враждебные действия между этрусками и городами Великой Греции на суше и на море приводят к изгнанию эллинов из Этрурии¹⁰. Несомненно, и в этот период имели мес-

⁸ Укажем лишь на некоторые работы: *Weege F.* Etruskische Malerei. Halle, 1921, S. 138; *Pallottino M.* La peinture étrusque Geneve, 1952, p. 14; *Bartocchini R., De Agostino A.* Museo di villa Giulia. Milano, 1961, p. 37; *Mühlstein H.* Die Etrusker im Spiegel ihrer Kunst. Berlin, 1969, S. 15; *Radke G.* Etrurien — ein Produkt politischer, sozialer und kultureller Spannung. Klio, 56, 1, 1974, S. 28—53. Ср.: *Beazley J. D.* Etruscan Vase-Painting Oxford, 1947, p. 1 f; *Altheim F.* Der Ursprung der Etrusker. Baden-Baden, 1950, S. 29; *Richter G.* Greeks in Etruria. Annuario della scuola archeologica di Atene e delle missioni italiani in Oriente, XXIV—XXVI. Roma, 1950.

⁹ *Pfiffig A. J.* Die etruskische Sprache. Graz, 1969, S. 37, 54; *Georgiev V. J.* Etruskische Sprachwissenschaft I. Sofia, 1970, S. 9, 35, 37 и др.

¹⁰ В частности, об этом можно судить по той информации, которую получают греки об этрусках. Ученый грек V—III вв. до н. э. в состоянии дать схематичное описание Этрурии: он знает о наиболее крупных торговых центрах на побережье, больших реках (ср. *Geffcken J.* Timaios, Geographie des Westens, Berlin, 1892). За линией же побережья, в глубь страны, начинается для грека неведомая земля. Сошлемся на дошедшие до нашего времени описания. Эсхил, представляя шествие Геракла по Италии, способен сообщить только явно фантастическую подробность о почве Лигурии (*Mette H. J.* Die Fragmente der Tragödien des Aischylos. — Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft, XV. Berlin, 1959, S. 120; *Борухович В. Г.* в кн.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972, с. 151 сл.). Ни одной картины Этрурии (даже подобного рода!) он не воссоздает, а сразу переходит к южной Италии и Сицилии. Все это, несмотря на то, что трагедию с указанными эпизодами. — «Освобожденный Прометей» — он сочиняет, ориентируясь на сицилийские условия (ср. *Lloyd — Jones H.* The Justice of Zeus. University of California Press, 1971, p. 100 f.). Второй пример, не менее показательный — легенда о неприступном городе, построенном на высочайшей горе в несколько десятков стадиев (*Aly W.* Strabon von Amaseia. Bonn, 1957, S. 245). Населяли эту страну в представлении грека удивительные люди: кровожадные разбойники, погрязшие в суевериях. Пожалуй, единственной положительной характеристикой этруска в устах грека можно считать похвалу тирренским изделиям из бронзы (*Müller K. O.* Die Etrusker. Stuttgart, 1877, I, S. 373 f., II, S. 1 f., 258). Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Греческие

то спорадические контакты. В частности, можно указать на непродолжительную деятельность греческих мастеров в Тарквиниях, расписавших ряд гробниц¹¹. Однако из бытовой лексики совершенно исчезают в этот период греческие термины. Новый этап отношений начинается на рубеже IV—III вв. до н. э., когда постепенно подчиняемая Римом Италия (в том числе и Этрурия) открывает перед греческими ремесленниками обширную область для приложения своих сил.

Этруская культура как самобытное образование складывается уже в VIII в. до н. э. В этот период на территории собственно Этрурии интенсивно протекает процесс слияния соседских общин и создания на их базе городских поселений. Особенно бурно это происходит в тех местах, где проходят важные торговые пути¹². Богатые запасы меди и железа привлекают в Этрурию купцов из более развитых Средиземноморских государств, вместе с тем, ускоряя формирование местных поселений на побережье, активизируя внутренний рынок¹³.

К началу VII в. до н. э. уже можно говорить о становлении таких этрусских государств, как например Цере, Вейи, Тарквинии, Вульчи, Клузий. В политическом отношении эти государства представляли собой режимы, которые условно можно назвать «деспотиями»¹⁴. Владыка такого государства сосредоточивал в своих руках всю полноту светской и религиозной власти, представляясь подданным земной ипостасью почитавшегося общиной божества. Группа зажиточных родов составляла его ближайшее окружение, по-видимому, образуя из

географы рубежа старой и новой эры, имевшие уже возможность путешествовать по Этрурии, давая описание внутренних районов страны, не упоминают даже об Эфоре и Тимее (*Aly W. Op. cit., S. 237—247*). С другой стороны, Ликофрон, основывающийся на Тимее, дает тот схематичный и во многом фантастичный образ Этрурии, о котором уже говорилось (*Geffcken J. Op. cit., S. 41 f.*). По-видимому, можно сделать только такой вывод: знания греков об Этрурии в IV—III вв. до н. э. были крайне обрывочны и вдобавок еще схематичны; источником служили старинные воспоминания, пополняемые позднее случайно приобретенными новыми данными.

¹¹ *Pallotino M. La peinture étrusque, p. 89; De Azevedo M. C. Saggio su alcuni pittori etruschi. — St. Etr., XXVII, p. 95; 106.*

¹² *Colonnag. L'Etruria meridionale interna dal villanoviano alle tombe rupestri. St. Etr., XXXV, 1967.*

¹³ *Mühlestein H. Op. cit., S. 12 f.; cp. Bastianelli S. Il territorio Tolfe-tano nell'antichità. St. Etr., XVI.*

¹⁴ *Залесский Н. Н. К социальной истории этрусков, с. 164 сл.; Мавлеев Е. В. Политическая структура этрусского общества. XXXIII студенческая научная конференция. Тбилиси, 1971, с. 20 сл.*

своих представителей совещательный орган при владыке. Основная же масса населения находилась фактически в положении рабов. К V в. до н. э. политическая структура практически всех этрусских государств переживает существенную перестройку: на смену деспотии приходит своеобразная форма олигархии (генократия). Во главе государства стоят теперь, как правило, несколько родов, которые образуют из своих членов особый совет, назначают магистратов. Контроль совета подчинена любая деятельность населения, не входящего в состав правящего сословия. Зависимое население не принимает участия в управлении государством.

В целом следует отметить, что устоявшаяся к V в. до н. э. политическая структура, являющаяся своеобразным продолжением деспотических традиций, по-видимому, не претерпевает сколько-нибудь значительных изменений вплоть до I в. до н. э. Эпитафии этрусков позволяют сделать вывод о разделении общества на множество соподчиненных категорий, сформировавшихся как в жреческо-аристократической среде, так и в рамках зависимого городского населения¹⁵. Насколько можно судить по данным эпитафики, соотношенным с археологическим материалом, а также по письменным источникам (греческим и латинским), сохранившим отрывки этрусской легендарной и исторической традиции, переход из одной категории в другую был возможен только внутри двух отмеченных правовых групп.

Резкие отличия между двумя группами искусственно поддерживались представителями высших слоев. Это проявлялось, с одной стороны, в отстранении основной массы населения от образовательной системы, а с другой стороны, в распространении «официальной доктрины», в религиозной форме, обосновывающей существующее в обществе положение дел. Зависимые категории населения, по-видимому, даже лишались возможности учиться писать и читать, не говоря уже об отстранении их от тех «тайных учений», носителем которых выступало жреческо-аристократическое сословие и с помощью которых осуществлялась связь с мирозданием, а также регу-

¹⁵ О сельском населении данных нет. См.: *Cortsen S. P.* Die etruskischen Standes- und Beamten-titel. Kopenhagen 1925/26; *Mazzarino S.* Sociologia del mondo etrusco e problemi della tarda Etruscità. *Historia* 6, 1957, p. 98 f.; *Heurgon J.* L'Etat étrusque. *Historia* 6, 1957, p. 63 f.; *idem.* Les penestes étrusques chez Denys d'Halicarnasse (IX. 5, 4). *Latomus* XVIII, 4, 1959.

лирование извечного порядка¹⁶. Письменность, не получая достаточного распространения, оставалась во многом неразвитой и употреблялась главным образом для фиксации государственных, религиозных и деловых документов¹⁷.

Особенности социальной и политической жизни Этрурии позволяют описать — согласно отмеченным теориям — процесс распространения греческих мифов среди этрусков только в виде следующих схем. По теории Хампе-Симон, в Этрурии вдруг пробуждается интерес к греческой культуре, наступает период всеобщего увлечения ею и интенсивного изучения, в результате чего эллинские мифы становятся «национальным» достоянием этрусков¹⁸. Такая схема развития событий возможна лишь в том случае, если допустить, что жреческо-аристократическое сословие, сначала само полностью эллинизированное, начинает затем усилённо насаждать в стране знания об иноземной культуре, заставляя местное население стать (каким-то непонятным способом) по сути дела другим народом. Согласно теории «банализации», в Этрурии рождается мода на греческие вещи, приводящая к копированию последних местными мастерами. Копирование греческих мифологических картин способствует постепенному сложению у этрусских ремесленников их оригинальной классификации. Подобная концепция в приложении к этрусским условиям также влечет за собой тезис о доминирующей роли высших слоев общества, содействующих рождению моды на греческие вещи и ее длительному сохранению в местной среде.

Этот тезис прекрасно подтверждается анализом археологического материала. Так, в могилах с богатым инвентарем (например, в Пренесте «Гробница Барберини», в Цере «Гробница Реголини-Галасси», в Тарквиниях «Гробница война»)

¹⁶ Thulin C. O. Die etruskische Disciplin. I—III. Göteborg: Högskolas Arsskrift, Göteborg, Bd. 11, 12, 13, 1905—06, 1909; *Мавреев Е. В.* «Книга жизни» у этрусков. История и культура этрусков. Л., 1972, с. 12 сл.

¹⁷ Логично предполагать, что одним из основных путей распространения в Этрурии греческих мифов могла служить не только устная традиция, но и «национальная» литература. Однако до сих пор не обнаружено даже слабых отзвуков «изящной словесности» в Этрурии. Столь же проблематична вероятность использования греческих сказаний для этрусских сценических постановок (например, во время религиозных праздников в святилище Вольтумны) (см.: *Nogara B.* Les étrusques et leur civilisation. Paris, 1936, p. 227; *Heurgon J.* Zycie codzienne etrusków. Warszawa, 1966, p. 194 f.).

¹⁸ На причинах возникновения этого интереса авторы не останавливаются.

появляются либо греческие и ближневосточные вещи, либо местные, им подражающие»¹⁹. Следовательно, бесспорными в двух разобранных гипотезах можно считать следующие положения: 1) интерес к греческим мифологическим изображениям рождается в высших слоях этрусского общества; 2) среди этрусских ремесленников этот интерес выражается в форме возможно более точного, хотя во многом чисто внешнего, подражания греческим образцам, цель которого — обеспечение сбыта собственной продукции под видом «модных» предметов; 3) в греческих мифологических картинах внимание этруска концентрируется только на отдельных (определенных?) моментах. Остальные тезисы двух гипотез, связанные уже с интерпретацией этрусского мифологического изображения (с «греческим» сюжетом), представляются нам недоказанными. К их числу прежде всего относится мысль о том, что одинаковые иконографические типы и композиционные схемы выражают одинаковое содержание. Это положение является базой для указанных теорий и вместе с тем границей, отделяющей доказуемое от гипотетичного. Поэтому несомненна, как нам кажется, важность проверки именно данного звена в рассматриваемых теоретических построениях. Желая обойти указанную «границу», мы устранили из них все гипотетичное (этрусски знали греческие мифы, этруски не знали греческие мифы), оставив только отмеченные выше хорошо доказуемые положения. Таким образом, этрусская картина греческого мифа предстала перед нами в виде набора определенных формально-изобразительных приемов. Посмотрим теперь, что выражают собой с точки зрения этруска эти приемы. Иначе говоря, попытаемся определить, насколько гармонируют внешне одинаковые художественные способы изображения на этрусских и греческих памятниках с мироощущением и мировосприятием двух народов.

Фактически в каждом исследовании по искусству или религии этрусков в той или иной степени затрагивается проблема сопоставления этнических мироощущений. Различия в социально-экономическом развитии двух этносов, несомненно, должны были обусловить своеобразные в каждом случае законы духовного освоения окружающей действительности. Разумеется, это были отличия не качественного порядка. Можно

¹⁹ Например, Brown W. L. *The etruscan lion*. Oxford, 1960, p. 28 f.; Hencken H. *Tarquinia and Etruscan origins*. New York, 1968, p. 68.

говорить лишь о несколько специфичном «озвучивании» двумя народами одних и тех же законов.

Благодаря работе Р. Энкинг достаточно достоверно установлено, чем, собственно, отличался этрусский вариант духовного освоения действительности от греческого²⁰. Уже давно исследователи обратили внимание на своеобразную черту этрусского художественного видения, которую в противовес греческому «рационализму» называли «интуитивностью». Остановимся несколько подробнее на этих двух доминирующих понятиях, определяющих, как полагают, лицо грека и этруска.

Очеловечение природы есть свойство нашего сознания. Уравнивание всего живого, одухотворение всего существующего вокруг равным образом характерно для грека, тасманийца, египтянина и т. д. Но именно у греков возникает качественно новое отношение к человеку как к самодовлеющей единице мироздания²¹. Постепенно складывавшаяся система политических институтов способствовала дальнейшему развитию самосознания в этом направлении, а путем специфического воспитания оно прочно закреплялось в умах молодых граждан²². Лишь ценою достаточно длительной и мучительной эволюции традиционное «очеловечение природы» превращалось в условиях греческого общества в антропоморфизм²³. В четких формах такое сугубо «национальное» миропонимание отливается только в эпоху Высокой классики²⁴. До этого периода восприятие мира этрусском и греком эволюционирует в близких друг другу формах. Однако очень рано (видимо, и в VIII в. до н. э.) сказались указанные уже черты характера двух этносов и различия явились началом того непонимания этрусками греческих изображений, которые в конечном итоге и привели к созданию «этрусской интерпретации» эллинских мифов.

Пышный расцвет геометрики и проявление ее в сугубо спе-

²⁰ *Enking R. Etruskische Geistigkeit. Berlin, 1947.* До тех пор, пока Р. Энкинг не показала, что повышенная чувственность этрусков проявляется во всех сферах их духовной жизни, эту черту этрусского характера ограничивали областью искусства и объявляли ее особенностью творческого процесса. Заслуга Р. Энкинг и состоит как раз в доказательстве превалирования в механизмах познавательной деятельности этрусков чувственно-эмоциональных моментов над рационально-логическими.

²¹ *Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963, с. 39 сл.*

²² *Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972, с. 25.*

²³ *Лосев А. Ф. Указ. соч., § 5.*

²⁴ *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 34 сл.*

цифичных (можно сказать, специфично этнических) формах именно у греков на первом этапе их художественно-изобразительного освоения мира глубоко симптоматичны, закономерны и как бы предугадывают дальнейшую эволюцию познавательного процесса. Видимые формы упрощаются, их границы резко очерчиваются, сами они превращаются в настоящие формулы, которые композиционно сцепляются в жесткую систему²⁵. Духом упрощения, последующего упорядочивания и систематизации были пропитаны не только изобразительные искусства, но и литература, и, надо полагать, все греческое мироощущение уже в эпоху геометрического стиля²⁶. Так, например, эпические поэмы можно рассматривать как своеобразный результат определенного процесса познания видимого мира. Он состоит из анализа, ведущего к упрощению во имя выяснения четко очерченных границ между формами и явлениями, и последующего синтеза, который приводит к систематизации, передающей все естественно схематизированно. Повышенное значение роли контура в живописи, а в пластике — телесной оболочки, рационалистические тенденции на всех уровнях познания, иначе говоря, стремление уловить границу между явлениями — вот что начинает проглядывать в греческом мироощущении эпохи геометрики, вот что стало катализатором в динамичной системе пластического сознания народа²⁷. На следующем этапе, в эпоху архаики, греческое общество обратилось к усвоению культурных ценностей Востока, что было опосредованно обусловлено социально-экономическими и политическими факторами. В это время окрепшее пластическое сознание стало тем «стерильным инструментом», который из заимствуемого извлек лишь то, что соответствовало «национальному» мироощущению и оформил так, что придал последующему развитию поступательное движение²⁸.

²⁵ Полевой В. М. Искусство Греции. I Древний Мир. М., 1970, с. 78 сл.

²⁶ Hampe R. Die Gleichnisse Homers und Bildkunst seiner Zeit, Die Gestalt, Heft 22. Tübingen, 1952, S. 22 f. Необходимо отметить, что и в эту эпоху развитие разных видов греческого искусства было далеко не равномерным, при явном приоритете литературы. Однако, едва ли можно сомневаться, что во всех видах искусства, хотя и в разной степени, присутствуют черты, характеризующие греческое мироощущение.

²⁷ Виллер Б. Р. Искусство древней Греции. М., 1972, с. 67, 73, 121.

²⁸ Видимо, не случайно, что складывание ориентализирующегося стиля начинается не в мастерских восточноионийских центров, испытывавших на себе сильнейшее культурное влияние восточных государств, а в Коринфе и Аттике. Иными словами, требовалась известная дистанция для того, чтобы восточные мотивы сплелись в греческий стиль, а не остались греческой копией восточных образцов (см.: Копейкина Л. В. Ориентализирующий

Эта черта греческого характера (так называемый рационализм) в области изобразительного искусства приводит к оформлению классического канона, или, по определению М. М. Бахтина, канона классического тела. Этап в духовном развитии греческого общества, который предшествует становлению классических принципов, характеризуется представлениями о «неготовности Вселенной». Эти представления, присущие, в частности, и этрускам, заявляют о себе «...необычной, причудливой и вольной игрой растительными, животными и человеческими формами, которые переходят друг в друга, как бы порождают друг друга. Нет тех резких и инертных границ, которые разделяют эти «царства природы» в обычной картине мира: здесь... они смело нарушаются. Нет здесь и привычной статичности в изображении действительности: движение перестает быть движением готовых форм — растительных и животных — в готовом же и устойчивом мире, а превращается во внутреннее движение самого бытия, выражается в переходе одних форм в другие, в вечной неготовности бытия»²⁹. В эпоху Высокой классики окружающая действительность в представлении грека как бы замирает в статичном напряжении, поскольку созерцающий ее субъект мыслит себя по отношению к ней центром схода. Рукотворный мир человека, будь то реально существующие храмы и скульптура или воссоздаваемые средствами живописи иллюзии, все более осознанно материализует тенденцию к усовершенствованию — требованию, равнозначному у греков «исправлению» недостатков объектов, ежедневно возникающих в чувственно-осязаемом опыте³⁰. «Недостатки» реально данных объектов (архитектура, скульптура) устраняются введением поправок на зрительные иллюзии, совершенный же мир живописи возникает как условная система объемно-пространственных соотношений (перспектива, цвета), действие в которой замирает в точке наивысшего развития³¹. Иначе говоря, перед греческими мастерами возникла необходимость

стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточноионийской Греции. (К вопросу о влиянии Востока на искусство ранисархондской Греции). — ВДИ. 1975, I, с. 106).

²⁹ Бахтин М. М. Указ. соч., с. 38.

³⁰ Protzmann H. Objektive und subjektive Form im fünften Jahrhundert. — Wiss. Ztschr. der Univ. Rostok. 17 Jahrg. 1968, Heft 7/8, S. 723.

³¹ Richter A. Perspective in Greek and Roman Art. London — N. Y., s. a., p. 1; Флоренский П. А. Обратная перспектива. — В кн.: Труды по знаковым системам, т. III. Тарту, 1967, с. 390 сл.

снять в своих произведениях с бытия «субъективный» антропоцентристский слепок. Этот слепок сковал жизнь холодными выверенными разумом телесными оболочками. На формирование этрусского мироощущения мощное давление оказали те силы, отсутствие или почти полная нейтрализация которых в греческих условиях, как полагают, привела к рождению способности «отделять фактическое и поддающееся проверке от эмоциональных и традиционных утверждений»³² и в конечном итоге привела к закреплению рационалистической черты в характере грека.

Экономическая модель препятствовала в Этруррии интенсивному развитию производительных сил общества. Социальная и политическая структура инициативу индивидов сводила к минимуму. Вся в целом система социально-экономических и социально-политических отношений в лучшем случае была способна к медленному самоусовершенствованию, а не к коренной ломке, которая фактически была равносильна смертному приговору. Производительные возможности тогдашнего общества не могли эффективно реализовать потенциал сил, заключенный в огромной государственной территории и в огромной по тем временам массе людей³³. Эта реализация потребовала максимального напряжения всех сил, приведшего к фактическому обезличиванию основной массы населения. Политические институты закрепили такое положение и способствовали его консервации как необходимого условия самосохранения. Образовательная система также направлена на это, поскольку не допускает широкого распространения крупиц положительного знания, удерживая их в жреческо-аристократической среде³⁴. В таком обществе, как этрусское, где все нацелено на консервацию условий, способствующих прогрессивному развитию производительных сил лишь на начальном этапе эволюции, эмоциональные и традиционные утверждения, как правило, полностью заглушают способность к отделению фактического и поддающегося проверке³⁵. Не случай-

³² Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956, с. 96.

³³ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935, с. 142.

³⁴ Thulin С. Op. cit., III, S. 143; Дьяков В. Н. История римского народа в античную эпоху. I — «Учен. зап. МГПИ», 1947, т. 46, вып. 2, с. 60.

³⁵ Ср. Поршнев В. Ф. Контрсуггестия и история (элементарное социально-психическое явление и его трансформация в развитии человечества). — В кн: История и психология. М., 1971.

но, поэтому, что этруски оказались фактически не восприимчивы к идеям греческой классики, а оставались в рамках представлений о «неготовности Вселенной».

Неоднократно в литературе обращалось внимание на эмоциональность, чувственность, впечатлительность и т. п. как на типичные черты этрусского характера. Господство эмоционально-чувственных моментов над абстрактно-логическими в осознании мира (в виде тенденции определенной направленности, как у греков пресловутый «рационализм») сказывается абсолютно во всех сферах этрусской духовной культуры. Еще древние, надо полагать, сначала греки, а затем эллинизированные римляне отметили повышенную чувствительность этрусков к разного рода знамениям. Причем обоснование связей, устанавливаемых посредством них между людьми и силами мироздания, поражало своей поверхностью. Так, по классификации Теофраста, поступают люди суеверные, готовые под влиянием эмоций породнить то, что даже рядом никогда не поставят здравомыслящие³⁶. Как известно, эмоции и аффекты существенно воздействуют на логические операции и могут не только соответственно окрасить, но даже исказить умозаключение³⁷. Приведем только один пример, проясняющий соотношение между логикой и эмоциями в сознании этруска. Сенека с удивлением отмечает, что этруски считают, будто молния появляется не из-за столкновения туч, но сама она с необходимостью требует последнего³⁸. Хорошо засвидетельствовано, какое большое значение этруски придавали молниям³⁹. Сотрясение, возникающее в небесных сферах, не могло, видимо, по их мнению, не стать доминантой всего происходящего в эти мгновения в природе. Этрусские условия были идеальной школой воспитания у людей склонности к легкой внушаемости. Поэтому хотя бы раз заявленное авторитетом имело реальную возможность быстро распространиться, закрепиться в сознании и никогда более не подвергаться сомнению. Множество подобных высказываний, в которых тонуло положительное знание, как шоры, закры-

³⁶ Theophr. Char. 16.

³⁷ Ерунов Б. А. Мнение и умонастроение в историческом аспекте. — В кн.: История и психология. М., 1971, с. 370 сл.; Раппопорт С. X. Искусство и эмоции. Вопросы эстетики. М., 1972, с. 76 сл.; Сафронов В. В., Дорогова Л. Н. Мир человека. Методологические вопросы формирования духовного мира личности. М., 1975, с. 71 сл.

³⁸ Seneca. quaest. nat. II 32, 2.

³⁹ Thulin C. Op. cit., I.

вало этрускам глаза на реальный мир: они смотрели на него и не видели⁴⁰.

Такое намеренное угадывание в явлениях связей не на реалистической основе здравого смысла, а путем их образного объединения посредством впечатления, эмоции и т. п. необычайно усиливается в области художественного творчества и становится для этрусских мастеров одним из обязательных требований. Определенная эмоциональная окрашенность, впечатление превращаются в программу, задающую в каждом отдельном случае особые параметры будущему образу. Эта черта, правда, всегда характерна для любого вида художественного творчества⁴¹. Однако у этрусков она получает необычайную заостренность, во-первых, влияя на передачу мастером в своем произведении «опыта отношения». Во-вторых, эмоциональный фактор (нужной идейной направленностью, эмоционально-чувственным отношением к модели), начиная активно действовать уже с момента зарождения образа, участвует и в формовке зримого воплощения последнего. Канон греческой классики ограничивал развитие внутреннего образа содержания совершенной телесной оболочкой⁴², у этрусков всецело подчиненной действию эмоциональной доминанты. Это и определяет качественное отличие в образном освоении мира двух народов: греческому эйдетическому принципу противостоит этрусский, название которому еще не дано, но который описать можно как лепку формы конкретного образа содержанием последнего.

Как многократно отмечалось, для этрусской скульптуры характерен особый принцип формовки материала. Показательно, что на его название линейно-кубистическим повлияло рождение специфичного стиля в новом искусстве: «кубизме», провозгласившего отказ от традиционного предметного отображения во имя «пластического осознания нашего инстинкта». «Инстинкт», предопределяя материализацию образа, потому что ее основной принцип требовал «регулировать нашей собственной активностью динамизм форм», как правило, искажал привычный облик предметов. Г. Мюлестейн, как нам кажется, вполне справедливо замечает, что в двухмерных видах этрусского искусства, в отличие от греческого⁴³,

⁴⁰ Эту же мысль высказывает и Сенека, указ. место.

⁴¹ Раппопорт С. X. Указ. соч., с. 124 сл.

⁴² Полевой В. М. Указ. соч., с. 90; ср.: Кессиди Ф. X. Указ. соч., с. 31.

⁴³ Ср.: Carpenter Rh. The esthetic basis of greek art of of the fifth and fourth centuries. В. С. Bloomington, 1962, p. 43.

чрезвычайно рано (уже в VII в. до н. э.) живописность заглушает линейность⁴⁴. В дальнейшем в вазописи и настенной живописи ведущую роль играет не контур, как у греков, но живописное пятно.

В глиптике на начальном этапе этруски старательно подражают грекам, в частности пытаясь воспринять их эйдети́ческий принцип красоты⁴⁵. Однако ослабление греческого влияния способствует складыванию стиля а *globolo*, выразительными средствами которому служат резко контрастирующие плоские и выпуклые поверхности⁴⁶. Как единодушно утверждается, этруски удивительно тонко имитировали греческие памятники⁴⁷. Эта способность, как известно, предполагает глубокое развитие чувственно-эмоциональной сферы, наличие «глаза», опережение интуитивным чувствованием рассудочного критерия. Все это вместе взятое указывает на то, что эмоционально-чувственные моменты не только определяют характер этрусской народности, но в образном освоении мира местными мастерами выступают как специфичные формообразующие. Вместо насильственной схематизации, имевшей место в греческом художественном осознании мира, эти моменты ведут к своеобразному пассивному описанию окружающей действительности.

Взгляд, брошенный этрусском на расстилающийся перед ним мир, фиксировал иные, нежели у грека, моменты, концентрируясь в первую очередь на жизненно важных узлах и только потом создавая на их основе образ в целом. Не «тектоническое и органическое единство» (Г. Кашнитц фон Вайнберг) «лепили» единичное тело, или композицию, но отдельные (характеризующие объект) элементы единичного тела, или композиции определяли «материализацию» последних. Для грека классической поры совершенно немислимо развитие видимой формы произведения вплоть до искажения правильных пропорций⁴⁸. Напротив, для этруска такое саморазвитие естественно. В этом отношении показательна судьба портрета в греческом и этрусском искусстве. Тогда как для грека тело есть своеобразный портрет определенного

⁴⁴ *Mühlestein H.* Op. cit., S. 119.

⁴⁵ *Zazoff P.* Etruskische Skarabäen. Mainz am Rhein, 1968, S. 6.

⁴⁶ *Zazoff P.* Op. cit., S. 118; *Martini W.* Die etruskische Ringsteinglyptik. — RM, 18 Ergänzungsheft, Heidelberg, 1971, S. 123 ff.

⁴⁷ Например, *Zazoff P.* Op. cit., S. 6.

⁴⁸ Ср. высказывание Аристотеля (Pol. III 8 1284 в). Ср. *Шестаков В. П.* Гармония как эстетическая категория. М., 1973, с. 36 сл.

человеческого типа, для этруска в этом смысле важна только голова и лицо как ее основная отличительная характеристика⁴⁹. Такое грубое нарушение естественных пропорций достигает чудовищной глубины в этруском искусстве IV—I вв. до н. э. (вспомним фигуры на волтеррских урнах с огромной головой и телом карлика).

Столь существенные (качественного порядка) различия в художественном осознании мира у двух народов содействовали выбору этрускими мастерами специфического пути в освоении греческого памятника. В литературе достаточно часто проскальзывают замечания о том, что этруски чаще греков прибегали к помощи ассоциаций, когда в своих мифологических картинах «привязывали» одного эллинского героя к другому. В сущности, теория банализации основывает свои объяснения на ассоциативных связях. Противники этой теории строят свои собственные взгляды опять же на аналогичных посылках⁵⁰. Правда, в контексте обеих теорий и их производных ассоциации наделяются функциями, лишь на первый взгляд кажущимися различными. У Л. Банти⁵¹, отчасти у Дж. Кампореале и Дж. Мансуэлли они объясняют «перескок» от одного мифа к другому, когда, например, родственные по семантике, но не связанные у греков герои оказываются вместе в этруской картине⁵². Дж. Кампореале акцентирует внимание на произвольном развитии этрусками какого-либо отдельного элемента в характеристике персонажа, приводящего к искажению традиционного (греческого) значения мифа. Например, часто встречающаяся на греческих памятниках разномасштабность при изображении Горгон ведет к умозаключению, что это не сестры, но мать и дети. К. Шауенбург полагает, что принципы объединения этрусками греческих героев в композиции не произвольны, но подчинены особому закону, который можно, видимо, назвать законом аллегорий⁵³. Еще яснее эта точка зрения проявляется у Й. Пенни Смолл. Рассматривая группу эллинистических рельефов, она пришла к заключению, что этруские мастера могли использовать одну композиционную схему и персонажей с почти одинаковыми иконографическими характеристиками для передачи различ-

⁴⁹ *Herbig R.* Die italische Wurzel der römische Bildniskunst. Das neue Bild der Antike II. 1942, S. 94 ff.

⁵⁰ *Hampe R., Simon E.* Op. cit.

⁵¹ *Camporeale G.* Banalizzazioni etruschi di miti greci, p. 21.

⁵² *Camporeale G.* Op. cit.

⁵³ *Schauenburg K.* Zu «Irtümer»; *idem.* Zu griechischen Mythen.

ных сюжетов⁵⁴. То же самое показано нами на примере группы зеркал⁵⁵.

Ассоциативное мышление, характерное для начальных этапов духовного развития человечества, сильнее всего проявляется (сохраняясь и на следующих ступенях эволюции сознания) в художественном творчестве. Но у каждого народа (или индивида) оно сказывается с различной интенсивностью и в разные исторические промежутки избирает особые пути объединения объектов. Как уже отмечалось, преобладающие чувственно-эмоциональных моментов над рациональными в умозаключениях при способности к легкой внушаемости делало этруска «предрасположенным» к ассоциативному мышлению, которое в силу специфичного мироощущения направлялось к угадыванию в окружающем мире «животнорастительного» начала бытия («переливающихся» друг в друга форм «живой» своей неготовостью Вселенной). В художественных произведениях это мышление угадывается благодаря особому способу оформления материала: вместо картин, прочно увязанных между собой логической сеткой, возникает описание явлений, явно близкородственных по наполняющим их идеям, но как бы свободно обращающихся вокруг единого центра. Этот центр составляет, как правило, элементарные идеи и явления (например, жизнь, смерть и т. п.), легко объяснимые научным мышлением⁵⁶. Но, поскольку такой путь закрыт, открывается другой: вынужденное описание посредством картин, обычных для того или иного явления в том или ином обществе. Невозможность родового обобщения, следовательно, разрешается его описанием в единичных проявлениях.

Хорошо известно, что видимый объект, переведенный в словесную характеристику, на ее основе может быть вновь воспроизведен, но уже в достаточно общих чертах. Часто такой процесс перевоспроизведения искажает указанный объект, потому что специфика восприятия заставляет адресата иначе осознавать передаваемую информацию. Поэтому изображаемое на греческих памятниках могло быть понято эт-

⁵⁴ Penny Small J. Aeneas and Turms on late etruscan funerary urns. AJA 73, 1. 1974.

⁵⁵ Мавлеев Е. В. О влиянии индивидуальных особенностей мастера на трактовку мифологического образа (на примере этрусских зеркал III в. до н. э.). Краткие тезисы докладов конференции молодых научных сотрудников Государственного Эрмитажа. Л., 1975.

⁵⁶ Ср.: Живкович Л. Теория социального отражения. М., 1969, с. 55 сл.

русками, но только в общих чертах, в виде «житейской ситуации», и с очень значительными отклонениями от передаваемого содержания. Это положение (наверное, во всяком случае вначале) не могло не привести к примитивной «метаморфизации», к бессознательной выработке метода аллегорий. Фактически ни один этрусский памятник VII—V вв. до н. э., подвергнутый скрупулезному анализу, не окажется вне действия данного метода. Этот «метод» приводит к первым сопряжениям этрусских представлений с греческим мифологическим миром. Направление этим сопряжениям задавали определенные виды памятников с проявляющейся в них спецификой общественных потребностей и интересов⁵⁷. Так, зеркала, вазы, оссуарии «требовали» совершенно различных сюжетов.

Этруски на раннем этапе своего знакомства с греческими памятниками заимствуют далеко не все греческие иконографии. Ограниченность возникала вследствие специфического осознания этрусском особо важных моментов в событиях, совершающихся в мире. Выделение именно их определялось особенностями этрусского мировоззрения, рожденного напряжением борьбы с природой, являющейся в «неготовости» форм, направляемых прогрессивным социально-экономическим развитием к иерархии упорядоченности. Лишенные деталей, то есть в данном случае — легендарной истории, греческо-художественные олицетворения природных сил входят в этрусские космогонические картины как контуры, замыкающие собой чувственно-эмоциональный опыт, заключаемый в местных верованиях, а также похожие на него впечатления от чужеземных горгон, минотавров, пегасов и т. п. Поэтому заимствуемые олицетворения волею этрусских мастеров оказываются в самых неожиданных для греческого зрителя ситуациях. Все эти кентавры, пегасы, химеры, «повелители зверей», медузы, минотавры и т. п. были для местных художников лишь удобным «строительным» материалом, из которого они возводили здание по собственному усмотрению.

В архаическую эпоху отношение этрусков к мифу на греческих памятниках начинает медленно изменяться, чему спо-

⁵⁷ Все виды этрусских памятников (рельефы на оссуариях, фрески в гробницах, вазы и т. д.), использующие греческие сюжеты, составляют своеобразную «шкалу притягивания и отталкивания» эллинских мифов. Каждый вид памятников в отношении к греческим сюжетам имеет свое собственное оригинальное «лицо». Таким образом, в чисто утилитарных целях и возникает «этруская интерпретация» греческой мифологии.

собствовали отмеченные выше перемены в греко-этрусских отношениях: установка на имитацию греческих вещей действовала теперь в благодатной атмосфере личных контактов. В этот период оформляется критерий, со временем приводящий к уже отмеченной классификации греческих мифов. Устойчивое внимание к перечисленным выше персонажам распространяется теперь совершенно отчетливо и на ряд героев: Геракла, Ахилла, Одиссея, Амфиарая и т. д.

Э. Симон, Р. Хампе, И. Краускопф отмечают, что этрусские интересы концентрируются на фиванском цикле⁵⁸. Они объясняют это целенаправленной пропагандой, которую якобы ведут выходцы из Беотии, осевшие где-то в районе Пирги⁵⁹. В самом деле, начиная с VI в. до н. э. на местных памятниках постоянно изображаются герои фиванского цикла. Устойчивый интерес к ним умирает только вместе с этрусской цивилизацией. Показательно еще и то, что этрусская иконография ряда таких персонажей не находит подкрепления на современных греческих памятниках. Значит, как считают исследователи школы Э. Симон, этруски действовали в обход этой иконографической традиции, создавая самостоятельную на основе греческих литературных источников? Значит, поскольку налицо устойчивый интерес к фиванскому циклу и условия, помогающие знакомству с его героями (например, самостоятельно созданные иконографии), необходима сила, поддерживающая постоянное внимание, создающая предпосылки для обучения местных жителей иноземным премудростям. Но встает вопрос, насколько верна априорная посылка: правомерно ли ограничивать возможные причины интереса к определенным героям и мифам единственно таким объяснением, какое предлагает школа Э. Симон?

Как буквально бросается в глаза, в фиванском цикле внимание этрусков сосредоточивается на сценах битв и терзаний с различными «экзотическими» подробностями (например, Адраст с головой врага). Симптоматично, что мотивы, не получающие отражения в современном греческом искусстве, у этрусков вызывают интерес, ведут к созданию на их основе иконографий ряда персонажей, к числу которых относится Капаней, поражаемый молнией. Образ героя возникает на базе традиционной иконографии атлета. Этрусков в данном случае явно интересует сам факт, а не греческие мифологические

⁵⁸ Krauskopf J. Op. cit.

⁵⁹ Krauskopf J. Op. cit., S. 43 ff.

подробности. По замечанию самой И. Краускопф, у этрусков с их пристрастием к молниям история Капанея не могла остаться без внимания⁶⁰.

На протяжении всего архаического периода картина греческого мифа берется как изображенное определенной ситуации, в которой одни моменты усиливаются, другие ослабляются. Аналогичен подход и к иконографии отдельных персонажей, например Афины, в чьем образе всячески обыгрывается связь богини со змеями и различными растительными моментами (вспомним изображение эгиды)⁶¹. Особое внимание именно к этим моментам можно объяснить, рассматривая в культурно-исторической перспективе развитие представлений о Минерве, более богини плодородия, чем воительницы⁶².

Геракл входит в этрусский образный мир не как «Геракл», но как герой, сражающийся с монстрами⁶³. То же самое можно сказать и обо всех других греческих богах и героях. Их характер проявляется для этрусков через видимый стереотип ситуации, общей для собственных и иноземных сказаний, через стереотип иконографических характеристик. «Этруская интерпретация» в обоих случаях начинается тогда, когда местное мироощущение «нащупывает» на иноземных памятниках или в иноземных сказаниях нечто родственное. Она начинается в первую очередь с переработки этих «совпадений», по которым затем иноземный миф или герой вступает в сферу местных представлений. Вследствие этого «метода» один греческий герой раздваивается (например, Парис — Александр)⁶⁴ или, наоборот, два выступают в одном лице (Дио-

⁶⁰ Krauskopf J. Op. cit., S. 41.

⁶¹ Zazoff P. Op. cit., каталог.

⁶² Pfiffelg A. J. Ein Opfergelübde an die etruskische Minerva. Studien und Materialien zum Interpretation des Bleistreifens von S. Marinella. Ost. Akad. der Wiss. Philolog. — Hist. Kl. 99. Wien, 1968; Ельницкий Л. А. Минерва Ланхумита. «Норция». Воронеж, 1971.

⁶³ См.: Krauskopf J. Op. cit., S. 18 f.; ср. Bayet J. Hercle. Etude critique des principaux monuments relatif à l'Hercule étrusque. Paris, 1926, p. 250 f.; Zazoff P. Op. cit., каталог.

⁶⁴ На серии этрусских зеркал (в частности, образцы этой серии хранятся в Эрмитаже) появляется изображение «суда Париса». Выступающий в этой сцене персонаж («Александр») никак не связан с воином «Парисом», которого этруски изображают на погребальных урнах и резных камнях. Между тем, несомненно, что в обоих случаях перед нами появляется один и тот же греческий герой.

меды)⁶⁵. Поэтому же греческий мифологический персонаж с весьма ограниченной греческой мифологической «биографией» выступит на этрусских памятниках как замкнутый образ. Он воспринимается как носитель и выражение определенной идеи, скорее эмоционально оформленной, нежели логически обоснованной. В мире этрусского памятника греческий образ, следовательно, становится своего рода стаффажем, к услугам которого обращаются, когда требуется «эмоциональная идея» определенного звучания.

Такая «эмоциональная идея» не утрачивает, однако, окончательно связи с греческим образом. Она амбивалентна, ибо может стать основой для создания образа, например, местного божества, и в то же время, когда действует установка на «греческий» миф, может отливаться в исходные видимые формы. В случае обращения к «греческому» персонажу даются традиционные атрибуты, часто указывается имя. Однако в этом контексте персонаж замкнут в себе, что проявляется в его искусственной соотносимости с другими. Чувствуется, что этруск с боязнью ошибиться связывает образы друг с другом. Они для него «понятны» каждый в отдельности (например, Адраст, манипулирующий головой врага, Диомед с изображением Афины, Пелей в борьбе с Фетидой и т. д.). Он знает, что между определенными персонажами на греческих памятниках устанавливаются специфические связи («брачующиеся» Менелай и Елена, «сражающиеся вместе» Ахилл, Аякс, Одиссей и пр.). Эти связи выявляются в особых действиях одних персонажей над другими. Определенные герои связаны с ограниченным кругом других, в этом сообществе устанавливаются особые отношения — соподчинение одних другим, любовные, враждебные и т. д. У каждого персонажа — специфичная функция, раскрываемая с помощью атрибутов и действий. Но определенное «лицо» каждого образа воспринимается вне времени и пространства: этруск не знает,

⁶⁵ В Эрмитаже хранится бронзовая статуэтка этрусской работы (см.: Вальдгауер О. Ф. Бронзовая статуэтка Диомеда. — «Ежегодник Российского института истории искусств». Пг., 1921, т. I, с. 129—134; Gerkan A. von. *Messerschmidt F. Das Grab der Volumnier bei Perugia*, RM, Bd. 57, 1942, s. 193; Культура и искусство Этрурии, № 69; Античная художественная бронза. Л., 1973, № 156), изображающая персонажа, совмещающего в себе черты греческих Диомедов и местного божества («человека-лебеда»). Это один из ярких примеров того, как этрусский художник подходил к греческим «мифологическим гонkostям»: иконографии двух иноземных персонажей служили этруску лишь удобной формой для выражения собственных верований.

что чему предшествовало, что из чего происходит. В этом убеждают попытки проследить по этрусским памятникам «истории» греческих героев и богов.

Резюмируя все вышесказанное, можно следующим образом выразить отношение к поставленной проблеме, рассматривая ее с точки зрения особенностей мироощущения греков и этрусов. Сюжет греческого мифа в рамках нашей проблематики современной западно-европейской этрускологией берется в узком значении, в виде изобразительной схемы, подразумевающей строго логическое развитие действия. Если сюжет понимать таким образом, то следует уже говорить об осознаваемом этрусками совпадении собственной интерпретации мифа с греческим воспроизведением и стоящими за ними религиозно-мифологическими представлениями. Такого совпадения, видимо, никогда не было. Имело место некоторое приближение к греческому пониманию. При этом следует иметь в виду, что тенденция максимально сблизить собственное и греческое понимание мифа реализовалась в творчестве выдающихся этрусских мастеров. В соотношении с общей массой художников реализация такой тенденции в творчестве выдающихся представителей этой массы представляет собой скорее исключение, нежели правило. Правило же гласило: греческие мифы — это прежде всего картины и необходимо отыскать способы использования таких картин (образного понимания бытия) в собственных целях. Столь широкое обращение этрусских ремесленников к греческим образцам поэтому преследовало скорее утилитарные, нежели абстрактно познавательные цели.

В. Н. ПАРФЕНОВ

НАЧАЛО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ ОКТАВИАНА

В исторической литературе давно отмечена необходимость углубленного исследования периода римской истории, начавшегося после мартовских ид 44 г. до н. э.: «Изучение событий, следовавших за смертью Цезаря, одинаково важно и для понимания отживающего республиканского Рима, и для нарождающегося Рима императорского»¹. Гибель Цезаря лишь по-

¹ *Машкин Н. А. Принципат Августа. М.—Л., 1949, с. 113.*

влекла за собой новые ожесточенные схватки за власть, из которых победителем вышел Октавиан. Как политический деятель, он был порожден исторической потребностью момента². Его карьера стала возможной, благодаря политической конъюнктуре того времени, и это не мистическая загадка истории, как было модно считать одно время в западной историографии самого реакционного толка³. Роли Октавиана в социально-политической борьбе после смерти Цезаря посвящена обширная литература⁴. Немало внимания в новейшей историографии уделено и рассмотрению роли армии в то время, поскольку «армия имела решающее значение в течение этого периода, и чем больше мы сможем узнать о ней, тем лучше будет понята история этого века»⁵.

Однако до настоящего времени взаимоотношениям армии и Октавиана, влиянию военных кругов на политику наследника Цезаря не уделялось достаточного внимания⁶. В существующей литературе рассматриваются либо общие проблемы политической борьбы того времени, либо различные аспекты биографии Октавиана (исключения не составляет и соответствующий раздел уже упоминавшейся монографии Н. А. Машкина). Вопрос же о первых шагах Октавиана как

² Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу от 25 января 1894 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175—176.

³ См.: Berve H. Kaiser Augustus (1934). — In: Berve H. Gestaltende Kräfte der Antike. Aufsätze und Vorträge zur griechischen und römischen Geschichte. München, 1966, S. 403.

⁴ Укажем на некоторые фундаментальные работы: Машкин Н. А. Приципат Августа. М.—Л., 1949; Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969; Rice Holmes T. The Architect of the Roman Empire, v. I. Oxf., 1928; Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939; Hönn K. Augustus und seine Zeit. Wien, 1953; Perowne S. Death of the Roman Republic. From 146 B. C. to the Birth of the Roman Empire. N. Y., 1968; Jones A. H. M. Augustus. L., 1970; Carter J. M. The Battle of Actium. The Rise and Triumph of Augustus Caesar. L., 1970.

⁵ Smith R. E. Service in the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958, p. V.

⁶ Участие солдат в политике в 44—43 гг. до н. э. рассматривает Х. Ботерман (Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats. München, 1968). Целью ее работы является максимально подробная и достоверная реконструкция событий с точки зрения участия в них армии. Эта монография является прежде всего незаменимой сводкой фактического материала. К сожалению, недоступная для нас оказалась новая статья А. Альфельди: Alföldi A. Octavians Aufstieg zur Macht. «Antike und Abendland», Bd. 21, 1975, H. 1, S. 1—11.

«солдатского вождя» в историографии, по крайней мере отечественной, специально не рассматривался.

Какое место занимал Октавиан в династических планах Цезаря? Античные авторы сообщают, что Цезарь, у которого не было своего сына, относился к внучатному племяннику с подчеркнутым вниманием (Nic. Dam. 7 sq.; Vell. II, 59, 3). Едва надев мужскую тогу, Октавий стал понтификом (Cic. Phil. V, 17, 46, Nic. Dam. 4; Vell. II, 59, 3), получил военные награды за войну в Африке, хотя и не участвовал в ней (Nic. Dam. 8 sq.; Suet. Aug. 8). Большое внимание уделялось его образованию, в том числе в области государственного управления (Dio Cass, XLV, 2, 8). По составленному 13 сентября 45 г. до н. э. завещанию Цезарь назначал Октавия своим главным наследником и усыновлял его (Suet. Jul. 83). По Диону Кассию, Октавий должен был стать наследником не только имени и имущества Цезаря, но и его положения в государстве — τῆς τε μοναρχίας (Dio Cass. XLV, 1, 2). Имеются сведения о том, что Цезарь намеревался сделать Октавия своим *magister equitum* (App. B. c. III, 9; Dio Cass. XLIII, 51, 7). Вопрос об этом назначении является немаловажным — его решение позволило бы оценить политическое значение посмертного усыновления Октавия Цезарем⁷. М. И. Ростовцев считал назначение Октавия начальником конницы на 44 г. бесспорным доказательством подготовки Цезарем своего преемника⁸. Напротив, А. Хойсс и В. Эренберг полагали, что Цезарь не имел по отношению к Октавию столь далеко идущих планов, причем Эренберг выразил удивление позицией «такого крупного и реалистичного историка, как Ростовцев»⁹. Наконец, этот вопрос был детально исследован Х. Геше, которая пришла к выводу, что Октавий действительно должен был принять пост начальника конницы после сложения Лепидом своих полномочий, но этого не произошло из-за смерти Цезаря. Молчание об этом некоторых античных авторов она

⁷ Gesche H. Hat Caesar den Octavian zum Magister equitum designiert? — «Historia», Bd. 22, 1973, H. 3, S. 469.

⁸ Ростовцев М. Август (Новый энциклопедический словарь, т. I. Спб., б. г., стб. 153).

⁹ Heuss A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960, S. 216; Ehrenberg V. Caesar's Final Aims. — «Harvard Studies in Classical Philology», v. 68, 1964, p. 157.

¹⁰ Gesche. Op. cit., S. 477.

тает, что усыновление Октавия по завещанию Цезаря было прежде всего политическим, а не частноправовым актом¹¹.

Хотя наши источники в силу их тенденциозности или лаконичности не позволяют прийти в этой связи к безусловному выводу, несомненно, что солдаты и ветераны Цезаря смотрели на Октавиана как на политического наследника убитого диктатора (Nic. Dam. Vita Caes. 29, 117). Именно это обстоятельство сделало возможным возвышение приемного сына Цезаря. Доводом в пользу того, что Октавий, по мысли Цезаря, должен был стать его преемником, служит и внимание, которое уделялось военной подготовке юноши. Кстати, поэтому его хорошо знали солдаты и офицеры, по крайней мере части находившихся на Балканах легионов¹². Впоследствии это обстоятельство сыграло свою роль.

После гибели Цезаря эти офицеры предлагали его наследнику располагать ими и их солдатами для мести убийцам, причем Сальвидиен Руф и Агриппа рекомендовали принять это предложение (Nic. Dam. 16, 41; Vell. II, 59, 5; App. B. c. III, 10). Однако тот, хотя и не без колебаний, отказался (Suet. Aug., 8). Г. Айгнер правильно заметил: это произошло не потому, что Октавиан считал недопустимым использование вооруженной силы, а потому, что из-за недостаточного знания им обстановки в Риме и Италии он в тот момент просто не смог на это решиться¹³. События нарастали с огромной быстротой, каждый день мог радикально изменить ситуацию.

В Италии ветераны Цезаря устроили Октавиану торжественную встречу (App. B. c. III, 12). Это, видимо, было главным, что побудило его немедленно объявить о принятии наследства Цезаря и активно включиться в политическую борьбу, хотя он вновь предпочел не связывать себе сразу рук принятием предложения военных¹⁴. Как показали события, расчет был правильным.

¹¹ Ibid., S. 478.

¹² App. B. c. III, 9; *Gardthausen V. Augustus und seine Zeit*. Tl. I. Bd. 1, Lpz., 1891, S. 68 f.; *Fitzler K. — Seeck O. Iulius (Augustus)*. RE. Hbd. 19. Stuttgart, 1917, Sp. 279; *Marsh F. B. A history of the Roman World from 146 to 30 B. C. L.*, 1935, p. 268; *Botermann. Die Soldaten...*, S. 53.

¹³ *Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik*. Innsbruck, 1974, S. 77; cp. *Schiller H. Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Bd. 1, Tl. 1. Gotha, 1883, S. 22.

¹⁴ App. B. c. III, 12. Несомненно, потому что, как и раньше, не надеялся на успех борьбы в одиночку против сената и заговорщиков (Hönn K. *Augustus und seine Zeit*, S. 13).

Положение в Риме было довольно благоприятным для дебюта Октавиана в сфере политической интриги: «освободители» оказались в изоляции¹⁵, Антоний уже успел скомпрометировать себя в глазах цезарианцев и вызвать подозрение сената (App. В. с. III, 4, 5). Можно согласиться с мнением Н. А. Машкина, что план действий Октавиана был определен заранее при участии его доверенных лиц (на что указывает Аппиан. В. с. III, 14)¹⁶. Однако Машкин, по нашему мнению, неправоммерно отказывает в инициативе самому Октавиану¹⁷. Ведь наследник Цезаря уже с этого времени отличался столь редкой для его возраста политической зрелостью, дальновидностью и трезвостью ума. «Перед ним все время стоит лишь одна цель — достижение первенствующего положения в Риме, и на выполнение этой жизненной задачи он устремляет все физические и духовные силы»¹⁸. Не следует, конечно, отрицать известную роль окружения Октавиана, главным образом цезарианских офицеров, в выработке программы его действий, но, несомненно, решающее слово принадлежало ему самому.

Первоначальная тактика Октавиана в Риме заключалась в стремлении обеспечить себе массовую опору без конфликта с какой-либо влиятельной группировкой: «Тогда он никому не угрожал и не обнаруживал того, что сокрушается о случившемся и хочет отмщения» (Dio Cass. XLV, 5, 2). Поведение его казалось предельно простодушным: он якобы не понимал всей сложности ситуации и наивно выставлял напоказ свою глубочайшую преданность памяти приемного отца¹⁹. Но, прикрываясь внешней наивностью поведения, Октавиан выполнял глубоко продуманную задачу — завоевание расположения армии. Не пренебрегал он и римским плебсом, который, несмотря на разгром его движения весной 44 г., продолжал оказывать известное (хотя и не решающее) воздействие на ход событий²⁰. Заметным успехом такой политики

¹⁵ Cic. Ad Att. XIV, 10, 1; 11, 1; 12, 1; 14, 2—5; 21, 3; 22, 2; 18, 4; XV, 4, 2; Ad Fam. XI, 2; XII, 1.

¹⁶ Машкин. Указ. соч., с. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Утченко. Древний Рим..., с. 195.

¹⁹ Suet. Aug. 10; App. В. с. III, 13, 28; Dio Cass. XLV, 7, 2; см.: Gesche H. Die Vergottung Caesars. Kallmünz, 1968, S. 79.

²⁰ См.: Цветаева Г. А. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март—апрель 44 г. до н. э.). — ВДИ, 1947, № 1, с. 226 слл.

было устроенное ветеранами примирение соперников — Антония и Октавиана²¹. Непрочность этого примирения была очевидна, и уже в это время Октавиан располагал вооруженной охраной (Nic. Dam. 30, 121). Он начинает зондировать почву в колониях, выведенных Цезарем, и вести пропаганду среди солдат Антония (App. B. c. III, 31). Но, как вполне обоснованно заметил Шиллер, настроение ветеранов, видимо, не обнадежило наследника Цезаря²². Дело в том, что раскол в рядах цезарянцев весьма не импонировал солдатам и офицерам по причинам как морального, так и материального порядка, поскольку они не желали терять уже приобретенное, ввязываясь в новые авантюры²³. Аппиан сообщает, что руководители личной охраны Антония устроили новое примирение его с Октавианом²⁴. Но, даже если это примирение и имело место, оно скоро перешло в открытую вражду. Соперники стремились дискредитировать один другого, добиться поддержки общественного мнения, и прежде всего военных кругов, на которые оба возлагали главную надежду в деле достижения единоличной власти²⁵. Положение обострилось настолько, что Октавиан, отправившись из Рима в Кампанию (уже в сопровождении личной охраны — Nic. Dam. 30, 132, 133), призвал на службу ветеранов VII и VIII легионов Цезаря²⁶. К нему шли охотно по причине, которую тогда же отметил Цицерон: Октавиан сразу выдавал каждому своему солдату 500 денариев²⁷. Однако число вновь призванных солдат VII и VIII легионов не могло быть большим (Цицерон говорит о трех тысячах), поскольку ветераны этих легионов были

²¹ Nic. Dam. 29; App. B. c. III, 29, 30; Dio Cass. XLV, 8; Plut. Ant. 16.

²² Schiller. Op. cit., S. 29.

²³ Syme R. The Roman Revolution, p. 118.

²⁴ App. B. c. III, 39. Н. А. Машкин (Указ. соч., с. 144, прим. 36) полагал, что сообщение Аппиана о втором примирении является ошибочным. Напротив, Г. Айгнер считает, что это событие действительно произошло (Aigner. Op. cit., S. 79 f.).

²⁵ Scott K. The Political Propaganda of 44—30 B. C. — «Memoirs of the American Academy in Rome», v. XI, 1933, p. 10; Bellincioni M. Cicerone politico nell' ultimo anno di vita. Brescia, 1974, p. 227.

²⁶ Nic. Dam. 30, 132; Cic. Ad Att. XVI, 8, 1—2; App. B. c. III, 40. Как предполагал еще Гардтхаузен (Op. cit., S. 69), к числу откликнувшихся на этот призыв принадлежал Гай Канулей, evocatus VII легиона (см. ILS, I, 2225).

²⁷ App. B. c. III, 40. Cic. Ad Att. XVI, 8, 1: «veteranos... perduxit ad suam sententiam. Nec mirum: quingenos denarios dat». Скудиться не приходилось — солдаты предпочитали того, кто больше платит (Plut. Brut. 23). Поэтому Октавиан «veteranos... quanta potuit largitione, contraxit» (Suet. Aug. 10).

расселены также в Этрурии²⁸. Поэтому Октавиан набрал ветеранов других легионов и, вероятно, практиковал вербовку новобранцев (Nis. Dam. 31, 138). В Капуе было произведено оформление его частной армии (Cic. Ad Att. XVI, 9; Vell. II, 61, 2). Однако долго оставаться в Кампании было опасно: Антоний с одним легионом двинулся к Риму²⁹. Тогда Октавиан по рекомендации Цицерона (Cic. Ad Att. XVI, 8, 2) тоже направился во главе войска в Рим. Как и предсказал в этом письме Цицерон, плебс был на стороне молодого авантюриста, так как расправа Антония и Долабеллы с движением Лже-Марня, оттолкнув народ от них, привлекла его симпатии к Октавиану³⁰. Последний выступил в Риме на сходке, созванной трибуном Каннуцием, с речью, выдержанной в духе лозунга *pietas Caesaris* (Cic. Ad Att. XVI, 15, 3; App. В. с. III, 41). Вместе с тем, эта речь была фактическим объявлением войны Антонию. Поэтому армия Октавиана стала быстро таять — ветераны не хотели сражаться против полководца Цезаря (App. В. с. III, 42)³¹. Не последнюю роль при этом играло и то обстоятельство, что Антоний был консулом, а Октавиан — частным лицом³². Ему угрожала опасность остаться совершенно беззащитным перед Антонием, на стороне которого были и сила, и право, или, точнее сказать, право силы. Поэтому Октавиан пытается добиться легализации своего положения сенатом, опираясь на поддержку Цицерона. Но тот, колеблясь и не доверяя намерениям своего протеже, так и не прибыл в Рим (Cic. Ad Att. XVI, 8, 2; 9; 10, 2; 13с, 1; 15, 3). Заседание сената не состоялось — республикански настроенная часть его пока игнорировала Октавиана³³. Тогда он нашел иной выход из создавшегося положения — двинулся с остатком своей

²⁸ *Brunt P. A. Italian Manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxf., 1971* p. 322 sq. Находившиеся в Нарбонской Галлии колонии ветеранов VII и VIII легионов возникли позже, между 36 и 27 гг. до н. э. (*Kromayer J. Die Militärkolonien Octavians und Caesars in Gallia Narbonensis. — «Hermes», Bd. 31. 1896. S. 18*).

²⁹ Cic. Ad Att. XVI, 8, 2. Это был *legio V Alaudae*. О его происхождении см. нашу статью «Профессионализация римской армии и галльские войны Цезаря» в сб. «Античный мир и археология», вып. 2. Саратов, 1974, с. 88.

³⁰ *Sordi M. Ottaviano e l'Etruria nel 44a. C. — «Studi Etruschi», 1972, vol. 40, ser. 2, p. 11.*

³¹ К тому же именно Антоний выводил их в колонии (Cic. Phil. V, 2, 3).

³² *Carter. Op. cit., p. 50.*

³³ *Perowie S. Death of the Roman Republic, p. 242.*

армии в Этрурию и начал вербовку солдат там и в области Равенны, установив штаб-квартиру в Арреции (App. В. с. III, 42). Выбор этот не был случайным. Арреций был родиной Мцената, одного из ближайших сподвижников Октавиана, и семья Мцената пользовалась там большим влиянием. Кроме того, этот город был хорошо укреплен и являлся одним из центров изготовления оружия, что имело для Октавиана первостепенное значение³⁴. Современные исследователи указывают, что Октавиан избрал Этрурию плацдармом для развертывания своих вооруженных сил прежде всего по политическим соображениям; в этой области имелась масса разоренного крестьянства — резерва военной силы. В силу особенностей своего социально-экономического развития Этрурия, зона Равенны и близлежащие территории со времен Мария являлись традиционной опорой популяров³⁵. Поэтому наследник Цезаря не обманулся в своих ожиданиях. По мнению М. Сорди, он на вербовал минимум 6 тыс. человек, которые составили новый легион и пополнили VII и VIII легионы³⁶. А из своих политических приверженцев он, как обоснованно считает Сорди, именно между Аррецием и Равенной набрал свою первую преторскую когорту — ту самую, которая в апреле 43 г. до н. э. погибла в битве при *Forum Gallorum* (см. Cic. *Ad fam.* X, 30, 5; App. В. с. III, 69—70)³⁷.

Одновременно с воинскими наборами Октавиана его эмиссары действовали в армии Антония. Организация этой «подрывной работы» не лишена интереса.

О настроении солдат и ветеранов специальные осведомители сообщали Октавиану, когда он был еще в Риме и не приступал к созданию собственного войска (App. В. с. III, 42). А когда произошел его разрыв с Антонием, работа по разложению армии соперника активизировалась. Агенты Октавиана должны были не выделяться в общей массе солдат и, разумеется, превосходно знать ее психологию. Поэтому Октавиан отобрал их из числа присоединившихся к нему ветеранов, наиболее смелых и предприимчивых (*Nic. Dam.* 31, 139). Они были снабжены деньгами для подкупа (*Dio Cass.* XLV, 12, 1) и подробно проинструктированы: агитацию за Октавиана следовало вести, спекулируя на его родстве с Цеза-

³⁴ *Sordi.* *Op. cit.*, p. 5.

³⁵ *Carter.* *Op. cit.*, p. 50; *Sordi.* *Op. cit.*, p. 9 sqq.

³⁶ *Sordi.* *Op. cit.*, p. 16.

³⁷ *Ibid.*, p. 14 sqq.

рем. Если бы открытая пропаганда оказалась невозможной, тогда им надлежало изготовить и распространять прокламации (Nis. Dat. 31, 139). Этот способ на практике оказался наиболее действенным (App. B. c. III, 44). Особое внимание, очевидно, уделялось тем легионам, которые знали Октавиана по Македонии³⁸. В октябре 44 г. он уже твердо рассчитывал на их поддержку (Cic. Ad Att. XVI, 8, 2). О том, насколько сочувственным было отношение легионеров Антония к этой пропаганде, говорит в первую очередь тот факт, что несмотря на угрозы, агенты соперника так и не были выданы. В ноябре 44 г. Марсов и IV легионы из войска Антония перешли на сторону Октавиана³⁹. Вопрос об основной причине этого перехода остается спорным. Шиллер считал таковой казнь Антонием мятежных солдат и центурионов в Брундизии⁴⁰. Ботерман полагает, что Цицерон преувеличил масштаб экзекуции⁴¹ и что последней было недостаточно, чтобы толкнуть солдат на путь измены. Она отвергает также соображение, что солдаты были недовольны компромиссом Антония с сенатом, поскольку в то время отказ Антония от такой политики был уже свершившимся фактом, а Октавиан, напротив, объявил о своем намерении пойти на союз с сенатом⁴². Ее вывод — «решающим фактором, определившим настроение солдат, были деньги Октавиана...»⁴³. Х. Ботерман не исключает действия при этом и других факторов: надежды солдат на неспособность Октавиана сопротивляться их финансовым и политическим притязаниям, недовольства строгостью Антония.

Вообще в период гражданских войн дисциплина солдат в основном зависела от личности полководца⁴⁴, Антоний старался сохранить в армии суровые староримские традиции.

³⁸ «Октавиан после отъезда из Македонии, по-видимому, сохранил связи с македонскими легионами, и солдаты явились в Брундизий распропагандированными» (Машкин. Указ. соч., с. 148). Источники не дают оснований для столь категоричного утверждения, но доля истины в нем, несомненно, имеется.

³⁹ Cic. Phil. III, 6, 7; IV, 5, 6; Vell. II, 61, 2; Liv. ep. 117; App. B. c. III, 45; Dio Cass. XLV, 13, 3.

⁴⁰ Schiller. Op. cit., S. 32.

⁴¹ См.: Cic. Phil. III, 4, 10: «Brundisi ad trecentos fortissimos viros civisque optimos trucidavit».

⁴² Botermann. Op. cit., S. 50 ff.

⁴³ Ibid., S. 51; ср. Tac. Ann. I, 10 — «corruptas consulis legiones».

⁴⁴ Neumann A. Disciplina militaris. RE, Spplbd. X. Stuttgart, 1965, Sp. 158.

тогда как у Октавиана можно было надеяться на известное послабление, хотя бы по причине его молодости. Антоний был известен — Октавиана еще предстояло узнать. К тому же Октавиана окружал ореол славы его приемного отца — выдающегося демагога и победоносного полководца.

Следовательно, можно согласиться с тем, что главной причиной отпадения двух легионов от Антония была агитация эмиссаров Октавиана, подкрепленная денежными раздачами. Непосредственным же поводом к уходу Марсова и IV легионов от Антония, очевидно, послужила его расправа с непокорными центурионами и солдатами в Брундизии. Пусть Антоний как полководец и консул имел право так поступить, пусть казнено было меньше людей, чем сообщает Цицерон, но легионеры после гибели Цезаря отвыкли от такого обращения. Озлобление солдат должно было быть тем большим, что их товарищей казнили на глазах не только Антония, но и его жены Фульвии⁴⁵. Разумеется, в этой ситуации легионы должны были последовать призыву Октавиана. Его сила в тот момент заключалась в ловком использовании настроений армии, тогда как Антоний безуспешно пытался бороться с ее корпоративным духом. Он довольно быстро понял свою ошибку и поспешил ее исправить, выдав по 500 денариев каждому из оставшихся у него солдат⁴⁶.

Теперь в руках Октавиана сосредоточилась солидная сила — пять легионов (App. В. с. III, 47): VII, VIII, IV, Марсов и легион новобранцев. Казалось, обладая такой армией, можно было вести независимую политику. Однако положение наследника Цезаря во главе войска не было узаконено, и он мог быть признан мятежником со всеми вытекающими из этого последствиями⁴⁷. Выходом из столь затруднительного положения стал союз Октавиана с сенатом. Почему оказался возможным этот «дьявольский альянс между убийцами Цезаря и его приемным сыном»?⁴⁸. Причины общеизвестны. Сенат пошел на это потому, что ему нужны были войска для борьбы против Антония, а их услужливо предлагал молодой

⁴⁵ Cic. Phil. V, 8, 12; XIII, 8, 18; Dio Cass. XLV, 13, 1—2.

⁴⁶ Можно согласиться с X. Ботерман, что именно благодаря этой мере ему удалось сохранить остальные легионы (Botermann. Op. cit., S. 54).

⁴⁷ Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten römischen Republik. — «Historische Zeitschrift». Bd. 190, 1960, S. 6. Опасность была вполне реальной — этого уже пытался добиться Антоний, получив известие о переходе своих легионов к Октавиану (Cic. Phil. V, 9, 24).

⁴⁸ Stoakton D. Cicero. A political Biography. Oxī., 1971, p. 295.

Цезарь (Cic. Phil. V, 16, 42; App. В. с. III, 41, 47). Наиболее дальновидные понимали, что Октавиан, несмотря на все его клятвы в преданности государству, будет в случае усиления угрозой для республиканцев⁴⁹, но выхода не было — собственных войск сенат не имел, и частная⁵⁰ армия Октавиана была в тот момент единственной силой, способной активно противодействовать Антонию⁵¹. Необходим был этот союз и Октавиану. Во-первых, его дальнейшая политическая деятельность требовала легализации в силу традиций *liberae res publica*, все еще игравших важную роль. Пренебрегать ими было невозможно⁵². Во-вторых, его легионы должны были остро ощущать нелегальность своего собственного положения, а их позднейшее обеспечение было под вопросом, пока Октавиан оставался частным лицом. Это особенно касалось перешедших от Антония легионов, так как за ветеранами в любом случае оставались их прежние надель⁵³. Выражением этого беспокойства солдат было предложение Октавиану принять магистратуру от них (App. В. с. III, 48)⁵⁴. Октавиан отказался, потому что ему не стоило компрометировать себя перед сенатом, когда уже готовилась легализация его положения (App. В. с. III, 47)⁵⁵.

В самом начале января 43 г. до н. э. сенат по предложению Цицерона предоставил Октавиану полномочия пропретора.

⁴⁹ Cic. Ad Att. XVI. 14, 1. «И все же казалось невероятным, чтобы юноша, почти мальчик, сумел ниспровергнуть власть сената» (*Gardthausen*, Op. cit., S. 68).

⁵⁰ И. Хан (*Hahn I. Die Legionsorganisation des Zweiten Triumvirats*. — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 17, fasc. 1—2, 1969, S. 204) предлагает считать армию Октавиана «квазичастной», поскольку призыв ветеранов (*evocatio veteranorum*) довольно часто применялся в Риме со времени Суллы, и поэтому первый воинский набор, проведенный Октавианом, нельзя назвать полностью нелегальным. Аргументация Хана представляется неубедительной. Армия, созданная «*privato consilio et privata impensa*» (RgdA. I), может быть только частной, тем более, что ее руководитель был частным лицом.

⁵¹ Cic. Phil. V, 16, 42; XI, 8, 20; *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 83; *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972, с. 339; *Domaszewski A.* Die Heere der Bürgerkriege in den Jahren 49 bis 42 v. Chr. — «Neue Heidelberger Jahrbücher», Bd. IV, 1894, S. 180; *Botermann*. Op. cit., S. 56.

⁵² *Meuer Ed.* Kaiser Augustus. — In: *Meyer E.* Kleine Schriften. Halle, 1910, S. 451.

⁵³ *Botermann*. Op. cit., S. 59.

⁵⁴ Шмиттеннер считает, что это предложение солдат могло быть спрогнозировано Октавианом для давления на сенат (*Schmittenner*. Op. cit., S. 6).

⁵⁵ *Botermann*. Op. cit., S. 59.

Ему и его легионам были даны особые привилегии⁵⁶. Скорее всего, именно тогда портрет Октавиана впервые появляется на монете (без обозначения имени)⁵⁷. В том, что этот портрет изображает Октавиана, уверен А. Альфельди⁵⁸. Соблазнительно связать выпуск этого денария с декретированием Октавиану конной статуи и другими почестями, из которых, по словам Цицерона, тогда никакая не казалась чрезмерной (Cic. Ad Brut. I, 15, 7).

Легализация положения Октавиана не могла устранить всех противоречий ситуации, в которой он находился. С одной стороны, он получил законную военную власть⁵⁹, и не без оснований седьмому января 43 г. («dies asepti imperii» — ILS I, 108). впоследствии придавалось большое значение. К. Хёни даже считал это число днем рождения монархической власти⁶⁰. С другой стороны, Октавиан должен был подчиниться консулам Гирцию и Пансе, тем самым его власть над собственной армией была сведена к минимуму (App. B. c. III, 64). Последствия не заставили себя ждать — он был вынужден передать Гирцию наиболее боеспособные воинские части⁶¹. Большинство оставшихся составляли ветераны, в среде которых были особенно сильны цезарянинские настроения. Поэтому Октавиану пришлось решать «трудную задачу, заигрывая с сенатом и позируя в качестве преданного «сына» Цезаря перед его солдатами»⁶². Ботерман, основываясь на глухих намеках Цицерона (Cic. Phil. XI, 14, 37; XII, 12, 28), считает, что ветераны Октавиана, находясь в зимнем лагере, отказались воевать против Антония⁶³. Если это событие и имело место, то Октавиану все же удалось уговорить их при-

⁵⁶ Cic. Phil. V, 46, 53; App. B. c. III, 51, 88; Dio Cass. XLVI, 29; Vell. II, 61, 3.

⁵⁷ Sydenham E. A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952, p. 180, № 1084.

⁵⁸ Alföldi A. Porträtkunst und Politik in 43 v. Chr. «Nederlands kunst-historisch Jaarboek», 1954, № 5, S. 159 f.

⁵⁹ Судя по тону Цицерона (Cic. Phil. XI, 8, 20), не без противодействия определенной части сената.

⁶⁰ Hönn. Op. cit., S. 29.

⁶¹ App. B. c. III, 65, 75. Во время боев под Мутиной у Октавиана осталось всего несколько когорт, остальные войска отобрал Гирций, который даже преторскую когорту Октавиана послал навстречу Пансе (Cic. Ad fam. X, 30, 1; Phil. XIV, 10, 27—28; App. B. c. III, 66—70; Dio Cass. XLVI, 37, 7).

⁶² Lindsay J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. L., 1936, p. 206.

⁶³ Botermann. Op. cit., S. 79.

нять участие в начавшихся весной боевых действиях. Но он не мог не учитывать их настроения, да и сам понимал, что полное уничтожение Антония было бы на руку врагам — цезарианцев⁶⁴. Правда, ход дел под Мутиной едва ли зависел от воли Октавиана — при перечислении сенатских полководцев он называется последним (Cic. Phil. X, 7, 15), и это, очевидно, отражает его действительное положение. В этой войне даже консулы не могли управлять ходом событий — решающий голос принадлежал солдатам (Cic. Ad fam. X, 30, 2; App. В. с. III, 68). Поэтому Октавиан, создавая себе авторитет, сражался в их рядах (Suet. Aug. 10, App. В. с. III, 71). Его двусмысленное положение в армии радикально изменилось после гибели обоих консулов. Их смерть была настолько кстати для Октавиана, что возник слух о его причастности к этому делу⁶⁵.

После разгрома Антония первоочередной задачей для Октавиана было удержание в своих руках армии. Об этом, по свидетельству Плутарха, он сам писал в мемуарах (Plut. Cic. 45). После сражений под Мутиной Октавиан сосредоточил в своих руках командование и консульскими армиями, но сенат распорядился передать их Дециму Бруту (App. В. с. III, 74). Однако те легионы, которые в свое время были отобраны у Октавиана, ему вернул, если верить Аппиану, Панса перед смертью (App. В. с. III, 76). IV и Марсов легионы отказались перейти под командование Брута, и ему достались только новобранцы Пансы⁶⁶, да и то один легион из них Октавиан оставил себе⁶⁷. Таким путем он составил себе отборное войско.

Несколько месяцев — с мая по август 43 г. — Октавиан со своими легионами оставался на месте. Бездействие его было мнимым — он напряженно работал, стремясь обеспечить себя при любом повороте событий. Его положение в армии охарактеризовал Децим Брут: «Neque Caesaris imperari potest nec Caesar exercitui suo...» (Cic. Ad fam. XI, 10, 4). Р. Ю. Виппер считал, что в наступившее после Мутинской войны время

⁶⁴ Ростовцев. Август, стб. 154; Marsh. Op. cit., p. 271.

⁶⁵ Suet. Aug. 11; Tac. Ann. I, 10. Но этот слух, видимо, следует отнести к разряду светских сплетен (ср. Cic. Ad Brut. I, 3, 4; 6, 2; Ad fam. XI, 9, 1; 10, 2; 13а, 1—2).

⁶⁶ Cic. Ad fam. XI, 19, 1; App. В. с. III, 76. Ср. Dio Cass. XLVI, 40, 1.

⁶⁷ Именно так Брант (Brunt. Op. cit., p. 482) предлагает интерпретировать жалобу Децима Брута Цицерону — «de exercitu, quem Pansa habuit, legionem mihi Caesar non remittit» (Cic. Ad fam. XI, 20, 4).

Октавиан должен был подчиняться диктату легионов⁶⁸. В действительности это было не совсем так. Конечно, он не мог идти против воли легионов — это было бы политическим самоубийством, поскольку тогда армия вышла бы из повиновения⁶⁹. Но Октавиан и не собирался следовать за сенатом, поэтому настроение солдат как раз соответствовало его замыслу⁷⁰. Разрыву наследника Цезаря с сенатом способствовала крайне недальновидная, твердолобая политика последнего. Там в это время перевес получила, как выразилась Х. Ботерман, «радикально-оптиматская клика» (*radikaloptimatische Senatsclique*). Цицерон, стоявший за сохранение хороших отношений с Октавианом, уже не имел прежнего влияния⁷¹. Сенат, стремясь ускорить развязку, предпринял ряд шагов, намеренно рассчитанных на оскорбление Цезаря-младшего.

Ботерман предполагает, что Октавиан послал сенату письмо, в котором писал, что не может преследовать Антония и передать легионы Бруту, так как они отказываются повиноваться приказу. Кроме того, он требовал, чтобы солдаты, согласно обещанию сената, получили деньги и землю⁷². Вместе с тем, он предпочитал не обнаруживать до поры своих собственных намерений. На свидании с Брутом Октавиан, возможно, договорился о совместных действиях. Так, они требовали поручить им обоим наделение солдат землей⁷³. Вполне вероятно, что Октавиан не оставил без внимания легионы Децима Брута, исподволь разлагая их. Здесь агитация должна была вестись за единство всех цезарианцев. Предположение об агитации агентов Октавиана в лагере Децима позволяет объяснить, почему легионы Брута, проявившие неожиданную стойкость во время Мутинской войны, изменили впоследствии, причем к Октавиану перешли новобранцы,

⁶⁸ *Brunner P. Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923, с. 318 сл.

⁶⁹ *Rostovcev.* Указ. соч., стб. 154; *Botermann.* Op. cit., S. 137.

⁷⁰ *Aigner.* Op. cit., S. 85.

⁷¹ *Cic. Ad Brut.* I, 16, 7; 17, 4; *Ad fam.* XI, 14, 1; *Phil.* XIV, 10, 28, 14, 37; *Vell.* II, 62, 1. Аппиан (*B. c.* III, 74) явно следует враждебному Цицерону источнику.

⁷² *Botermann.* Op. cit., S. 139, Апп. 2. Письмо реконструируется на основе ответных распоряжений сената.

⁷³ *Cic. Ad fam.* XI, 13a, 1; 20, 3; 21, 5. Сообщение Аппиана о враждебных взаимоотношениях Октавиана и Брута сразу после снятия осады с Мутины (*App. B. c.* III, 73) базируется, вероятно, на данных позднейшей официальной пропаганды.

а к Антонию — опытные четыре легиона (App. В. с. III, 97, ср. III, 49). Солдаты же самого Октавиана дали клятву не воевать больше против цезарианцев (Dio Cass. XLVI, 42, 3—4)⁷⁴.

В начале мая, сразу после получения первых известий о настроении сената, Октавиан, все еще прикидываясь послушным слугой его, начинает агитировать за свой консулат⁷⁵. В то же время он стремится к установлению контактов с Антонием и другими лидерами цезарианцев (Dio Cass. XLVI, 41, 5; App. В. с. III, 80—81). В Рим отправляется депутация центурионов с требованием обещанного вознаграждения (App. В. с. III, 86). Сенат направляет послов к IV и Марсову легионам с обещанием выплаты им половины вознаграждения при условии, что эти легионы перейдут к Дециму Бруту⁷⁶. Таким образом, каждый солдат наиболее боеспособной части армии Октавиана должен был получить 2,5 тыс. денариев от имени государства (App. В. с. III, 86; Dio Cass. XLVI, 40, 6). Остальным легионам не причиталось ни гроша — *οὐδὲ χαλκόν* (Dio Cass. XLVI, 40, 6). Античные историки считали, что этим сенат стремился расколоть войско ставшего опасным союзника. По мнению Ботерман, подобное коварство сенату было приписано напрасно: формально он был прав, так как обещал награду только этим легионам. Уменьшение награды, по ее словам, объяснялось финансовыми затруднениями сената и тем, что легионы свою задачу выполнили не до конца — Антоний не был уничтожен⁷⁷.

Посольство сената, прибыв в лагерь, попыталось вступить в переговоры с этими легионами, игнорируя Октавиана. Такое поведение было вдвойне неумным: во-первых, оно не учитывало тесную связь солдат с Октавианом и недоверие их к сенату, во-вторых, размер награды не мог удовлетворить легионеров⁷⁸. Октавиан не стал мешать посланцам сената — «*eam iniuriam dissimulando Caesar ferret*» (Vell. II, 62, 5).

⁷⁴ Айгнер (*Aigner. Op. cit., S. 222. Anm. 318*) подчеркивает сообщение Диона Кассия, что вдохновителем этой клятвы был Октавиан. Но нельзя забывать — в этом акте прежде всего выразилось настроение самой армии.

⁷⁵ Cic. *Ad Brut.* I, 4a, 2; *Botermann. Op. cit., S. 135.*

⁷⁶ App. В. с. III, 86. Цицерон (и не он один) скептически относился к возможности такого перехода (Cic. *Ad fam.* XI, 14, 2).

⁷⁷ *Botermann. Op. cit., S. 146 f.* Но солдаты, конечно, думали, что сумма уменьшена по чисто политическим причинам (*Carter. Op. cit., p. 81*).

⁷⁸ *Botermann. Op. cit., S. 145 f.*

Его расчет, основанный на глубоком знании солдатской психологии, блестяще оправдался — легионы отказались разговаривать с сенаторами в отсутствие своего командующего⁷⁹. Попытка вырвать армию из-под влияния Октавиана была по замыслу неглупой, но неуклюжее исполнение уничтожило даже те мизерные шансы на успех, что были у сената. Выполнение обещаний легионам было затянато, тем самым сенат вызвал раздражение солдат⁸⁰, которое усугубилось поведением посольства. Таким образом, эта акция сената привела к противоположному результату — солдаты окончательно перестали верить сенату, а их связь с Октавианом укрепилась⁸¹.

Деятельность молодого Цезаря в это время не ограничивалась сферой политической интриги. Он пополнял свои легионы добровольцами из разбитой армии Антония (App. B. c. III. 80; Dio Cass. XLVI, 41, 5) и, видимо, провел новые воинские наборы, сформировав еще два легиона⁸². Перед переходом к решительным действиям Октавиан предпринял последнюю попытку добиться своей цели мирным путем — делегация из четырехсот военных отправилась в Рим требовать от сената выплаты вознаграждения всем легионам Октавиана, для него самого — консулата, для Антония и его сторонников — отмены объявления их вне закона⁸³. Сенат отказался удовлетворить эти требования, и посольство покинуло столицу (Dio Cass. XLVI, 43, 3—6).

Вызывающее поведение сената объяснялось тем, что формально в его распоряжении находилось 18 легионов против 13 легионов Антония и Лепида⁸⁴. Но у сената отсутствовал план борьбы и не было авторитетного военного руководителя⁸⁵, войска были ненадежны.

⁷⁹ Vell. II, 62, 5; App. B. c. III, 86; Dio Cass. XLVI, 41, 1.

⁸⁰ Hinrichs F. T. Das legale Landversprechen in Bellum Civile. — «Historia», Bd. 18, 1969, H. 5, S. 583.

⁸¹ Schiller. Op. cit., S. 55; Botermann. Op. cit., S. 147; Aiguer. Op. cit., S. 86.

⁸² Brunt. Op. cit., p. 482.

⁸³ App. B. c. III, 88; Dio Cass. XLVI, 42, 4. 43, 1—2; Suet. Aug. 26.

⁸⁴ По мнению С. И. Ковалева, Антоний и Лепид объединились в результате переговоров, затеянных Октавианом через третьих лиц (Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 473). Эта точка зрения источниками не подтверждается (ср. App. B. c. III, 83—84).

⁸⁵ Bengtson H. Die letzten Monate der römischen Senats Herrschaft. — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. I, Bd. 1. B. — N. Y., 1972, S. 972.

Сообщение о неудаче посольства вызвало реакцию, которую, конечно, ждал Октавиан — солдаты потребовали, чтобы он вел их на Рим. Октавиан подчинился, «будучи, — по ироническому замечанию Диона Кассия, — разумеется, принужден солдатами» (Dio Cass. XLVI, 43, 6). В поход двинулась вся армия — восемь легионов со вспомогательными частями. Надо сказать, что Октавиан старался застраховать себя от неприятных неожиданностей — он не допустил контакта солдат с посланцами сената, которое везли войскам деньги (App. В. с. III, 88). При известии о походе Октавиана на Рим сенат сначала согласился удовлетворить все его требования (App. В. с. III, 90; Dio Cass. XLVI, 44, 2), но затем, по прибытии двух легионов из Африки, которые были вызваны еще весной (Cic. Ad fam. XI, 14, 2), принял решение обороняться (App. В. с. III, 91). Но все три легиона, защищавшие Рим (третий был оставлен еще Пансой), без боя перешли на сторону Октавиана (App. В. с. III, 92; Dio Cass. XLVI, 45, 2). Тот вступил в Рим, в первую очередь захватил государственную казну и удалился за черту города, чтобы не мешать «свободе» консульских выборов (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 46, 5, 48, 1—2). 19 августа 43 г. до н. э. Октавиан, разумеется, был избран консулом вместе со своим родственником Квинтом Педием⁸⁶. Победу на выборах им обеспечили голоса солдат и по-прежнему симпатизировавшего Октавиану плебса⁸⁷. Соперников у этих соискателей, надо полагать, не было в силу известных обстоятельств.

П. Грималь считает, что государственный переворот, произведенный Октавианом, радикально изменил ситуацию в его пользу⁸⁸. Но захват консульской власти не мог автоматически решить все проблемы, стоявшие перед молодым «солдатским вождем». Напротив, он на время оказался как бы в политическом вакууме, поскольку старых союзников лишился, а новых еще не приобрел⁸⁹. Что же он предпринял, находясь в этой своеобразной ситуации?

⁸⁶ ILS. 1, 108; RdgA. 1; Liv. per. 119; Vell. II, 62, 5; Suet. Aug. 26, 31; Tac. Ann. I, 9—10; Dial. 17; App. В. с. III, 94; Plut. Brut. 27; Dio Cass. XLVI, 45, 3, 46, 1; LV, 6, 7; LVI, 30, 5. К. Хёни обращает внимание на то, что в «Res gestae...» подчеркнут легальный характер этих выборов (Hönn. Op. cit., S. 37).

⁸⁷ Grimal P. Le siècle d'Auguste. P., 1965, p. 20.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Gardthausen. Op. cit., S. 127.

Основной целью его мероприятий было обеспечение верности легионов. Теперь он оказался в состоянии выполнить свои обещания. Каждый солдат получил 2500 денариев, еще столько же Октавиан обещал доплатить позже (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 46, 5 sqq.). Был выплачен также остаток завещанного Цезарем народу (Dio Cass. XLVI, 48, 1—2). Октавиан позаботился о выплате денег в кратчайший срок — частное повторное использование старых штемпелей указывает на форсированный темп выпуска монеты⁹⁰.

В то время «его престиж в войске покоился всецело на его роли мстителя за смерть Цезаря»⁹¹. Став консулом, Октавиан получил возможность открыто выступить в этой роли. Были декретированы репрессии по отношению к убийцам Цезаря⁹². Пропаганда Октавиана подчеркивает его *pietas Caesaris*⁹³. Наследник Цезаря не упускал случая польстить солдатам — особым выпуском золотой монеты⁹⁴ был ознаменован, как доказал А. Альфёльди, переход трех легионов на сторону Октавиана⁹⁵. На отчеканенных в это время денариях монетного магистрата Гракха изображены *vexillum*, орел легиона, плуг и, видимо, *hasta pila*⁹⁶. Обычно монета этого типа символизирует вывод ветеранов в колонии. Но сама возможность массовой отставки ветеранов осенью 43 г. сомнительна — это существенно ослабило бы армию Октавиана. Скорее, эти монеты были выпущены «просто» в честь ветеранов VII и VIII легионов, подобно тому, как это было сделано в отношении трех бывших сенатских легионов. Кажущееся странным отсутствие подобного монетного выпуска в честь IV и Марсова легионов легко объяснить нежеланием Октавиана ставить под угрозу намечавшееся соглашение с Антонием, которому эти легионы изменили.

В период пребывания Октавиана в Риме через куриатные комиции был проведен закон, подтверждавший усыновление

⁹⁰ Alföldi. Op. cit., S. 166.

⁹¹ Ростовцев. Август, стб. 154.

⁹² RgdA, 2; App. В. с. III, 95; Dio Cass. XLVI, 48, 1 sq.; Plut. Brut. 27.

⁹³ Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la république Romaine, t. 2. P.—L., 1886, p. 36, № 64; Sydenham, №№ 1089, 1128 sqq.

⁹⁴ Babelon, t. 1 (P.—L., 1885), p. 340, №№ 1—3, t. 2, p. 261, № 5.

⁹⁵ Alföldi A. Der Einmarsch Octavians in Rom, August 43 v. Chr. — «Hermes», Bd. 86, 1958, H. 4, S. 495.

⁹⁶ Sydenham, № 1129. Бабелон датировал эти монеты 38—36 гг. до н. э. (Babelon, t. 2, p. 432 sqq.; №№ 10, 11, 13).

его Юлием Цезарем (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 47, 4). Античные авторы сообщают, что *lex curiata* потребовался для правого оформления усыновления. Долгое время эта точка зрения принималась как нечто несомненное⁹⁷. Но А. Альфельди выдвинул и обосновал новую трактовку: *lex curiata* должен был подтвердить божественное происхождение Цезаря-младшего⁹⁸. На монетах этого короткого периода Цезарь именуется *Divus Iulius* и Октавиан — *Divi filius*⁹⁹ и это весьма необычно. Дело в том, что официально Цезарь был признан богом по закону Руфрена в 42 г. до н. э. (CIL, VI, 872; IX, 5136), а завершился процесс обоготворения лишь около 39 г. до н. э.¹⁰⁰. В чем же причина выпуска этой «несвоевременной» серии монет?

Выпуская монету со своим изображением, Октавиан стремился как можно скорее воспользоваться предоставленным ему *ius imaginis*, которого у его соперников не было¹⁰¹. Эта чеканка подчеркивала высокое происхождение (*Cottessohnschaft*) Октавиана, ставила его выше Антония и Лепида на предстоящих переговорах¹⁰². Этот монетный выпуск был, конечно, политическим актом, а не экономической необходимостью. Об этом свидетельствуют сам тип монеты, металл, из которого она чеканилась (золото), поспешность и кратковременность выпуска, его малый объем¹⁰³. После примирения цезарянианских полководцев такая пропаганда на время утратила актуальность, поэтому монеты конца 43 г. были уже иного типа¹⁰⁴.

⁹⁷ См. например: *Grueber H. A. Coinages of the Triumvirs, Antony, Lepidus, and Octavian, Illustrative of the History of the Times.* — «Numismatic Chronicle», vol. XI, Ser. IV, 1911, p. 113 sq.; *Rice Holmes. The Architect of the Roman Empire*, v. I, p. 68.

⁹⁸ *Alföldi. Porträtkunst...*, S. 168; *it. Einmarsch...*, S. 495.

⁹⁹ *Sydenham, NN 1128—1130, 1132; Bahrfeldt M. Die römische Goldmünzprägung während der Republik und unter Augustus. Halle/Saale, 1923, S. 103, f., № 100—102.* Прежде и эти моменты относили к 38—36 гг. до н. э., но отсутствие на них титула триумвира у Октавиана делает такую датировку невозможной.

¹⁰⁰ *Gesche. Vergottung...*, S. 89 ff.

¹⁰¹ *Giard J.-B. Les monnaies du premier consulat d' Octave.* — «Revue Numismatique», VIe ser., t. XIII, 1971, p. 92.

¹⁰² *Alföldi. Porträtkunst...*, S. 168 f.

¹⁰³ *Giard. Op. cit.*, p. 101. Монета с изображением Октавиана чеканилась в Этрурии (*Giard*, p. 93). Это является дополнительным свидетельством прочности его политической позиции в этой области Италии.

¹⁰⁴ *Alföldi. Op. cit.*, S. 169.

Интересно, что Октавиан, став консулом, все же не решался выступить с открытым забралом, и это объяснялось своеобразием положения, в котором он оказался¹⁰⁵. Заявляя, что консулат получен им от народа (доля истины в этом была), помещая на некоторых монетах знак SC или EX SC¹⁰⁶, он стремился замаскировать насильственный характер своих мероприятий. Сенат «назначил» Октавиана главнокомандующим в войне против Антония и Лепида, предоставил ему войска Децима Брута (осужденного по закону Педия об убийцах Цезаря) и разрешил новые наборы (Dio Cass. XLVI, 47, 2—3, 51, 5). Закон об отмене опалы Антония и Лепида был проведен Педием в отсутствие Октавиана и якобы без его желанья, а лишь под давлением армии (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 52, 4). Так Октавиан ловким маневром скрыл собственное отношение к реабилитированию своих будущих союзников и возложил ответственность за это на легионы¹⁰⁷. После этого Октавиан, двигаясь с войсками на север, дружественным письмом зондирует настроенные Антония и Лепида (App. В. с. III, 96). Благоприятный ответ сделал возможной личную встречу лидеров цезарианцев, на которой было достигнуто соглашение об учреждении триумvirата.

Довольно распространенным является мнение, что это соглашение было исключительно делом рук армии, которая заставила примириться своих враждовавших руководителей¹⁰⁸. Требования армии и опасность со стороны Брута и Кассия, с которыми никто из цезарианских полководцев не мог справиться в одиночку, конечно, сыграли главную роль в образовании единого фронта цезарианцев. Но у Октавиана к этому присоединилась и дополнительная причина. Его армия в тот момент насчитывала 17 легионов (App. В. с. IV, 3), причем наиболее боеспособными были как раз те, что не хотели воевать против своих же товарищей. Большая часть новобранцев вообще не имела военного опыта. А легионы Антония и Лепида имели за плечами как минимум граждан-

¹⁰⁵ Gardthausen. Op. cit., S. 127; Gelzer M. Cicero. Wiesbaden, 1969, S. 405.

¹⁰⁶ Sydenham, №№ 1129, 1132; Bahrfieldt, 104, № 101. Так обозначались чрезвычайные монетные выпуски, предпринятые с разрешения сената (Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969, с. 83).

¹⁰⁷ Botermann. Op. cit., S. 162, Ann. 1; Aigner. Op. cit., S. 91.

¹⁰⁸ Vunper. Указ. соч., с. 319; Туркина Л. Г. О роли армии в политической борьбе второго триумvirата. — В кн.: Некоторые вопросы всеобщей истории, вып. 1. Челябинск, 1965, с. 21; Schmitthenner. Op. cit., S. 4.

скую войну 49—45 гг. до н. э. К тому же к Антонию перешли четыре опытных легиона Децима Брута (App. В. с. III, 97). Даже если Антоний и Лепид вели из Галлии не 26 (App. В. с. IV, 3), а 17 (Plut. Ant. 18) легионов, их военное превосходство над Октавианом было бесспорным, тем более, что Антоний, «лучший генерал того времени»¹⁰⁹, как полководец превосходил тогда Октавиана и любого из его помощников. Поэтому заключение триумvirата было выигрышем прежде всего для Октавиана. Ему предстояло пройти долгий и трудный путь, но, раз добившись власти, он уже не выпустил ее из рук.

Э. Д. ФРОЛОВ

НЕМЕЦКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (1917—1975)

Настоящий обзор возник в связи с подготовкой группой университетских кафедр, во главе с кафедрой истории древнего мира Московского университета, нового учебного пособия по историографии античности. Составленный нами очерк вышел за рамки обычной главы в учебнике и, как нам кажется, мог бы представлять самостоятельный интерес для тех, кто следит за развитием науки об античности в новейшее время. Германия по праву считалась колыбелью европейской науки об античности; проследить судьбы классического немецкого антиковедения в век кризиса буржуазного общества и буржуазной науки было бы полезно со всех точек зрения — и для уяснения тенденций развития буржуазного антиковедения вообще, и для правильного суждения о вкладе, который немецкая буржуазная историография внесла в разработку древней истории.

Историографическая актуальность такой работы также очевидна. В советской литературе есть ряд ценных критических обзоров по отдельным периодам и проблемам немецкого буржуазного антиковедения XX в., имеется также большое количество рецензий на отдельные труды немецких ученых¹,

¹⁰⁹ *Syme. Op. cit.*, p. 175.

¹ Из проблемных обзоров важнейшими являются: Кагаров Е. Г. Фашизация буржуазной науки об античном обществе. — «Сообщения

однако связного общего очерка новейшей немецкой буржуазной науки об античности до сих пор не существует; нет такого очерка, насколько нам известно, и в зарубежной историографии².

Настоящий обзор не претендует на безусловную оригинальность. Мы многим обязаны нашим предшественникам; содержательные проблемные обзоры, равно как и специальные рецензии различных советских авторов, были для нас ценными опорными вехами, без которых общий очерк такого рода был бы просто невозможен. Свою задачу мы видели именно в сведении воедино уже имеющихся разрозненных материалов с тем, чтобы на их основе представить картину общего развития немецкого буржуазного антиковедения в новейшее время. Наше внимание было сосредоточено главным образом на развитии буржуазной историографии античности в Германии (после второй мировой войны —

ГАИМК», 1932, № 9—10, с. 38—41; *Богоевский Б. Л.* Эгейская культура и фашистская фальсификация истории. — В кн.: Против фашистской фальсификации истории. М.—Л., 1939, с. 35—82; *Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты. — ВДИ, 1939, № 1, с. 98—106; *Немировский А. И.* Вопросы истории древнего Рима в современной западногерманской историографии. — ВИ, 1954, № 12, с. 126—134; *Зельин К. К., Бергер А. К., Штаерман Е. М.* О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности. — ВДИ, 1959, № 1, с. 141—160; *Доватур А. И.* Вопросы истории афинской демократии в новейшей зарубежной литературе. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. М.—Л., 1961, с. 404—420; *Каллистов Д. П.* Просопографическое направление в зарубежной буржуазной историографии по истории Рима. — Там же, с. 421—431; *Корсунский А. Р.* Проблемы классовой борьбы в античном обществе в освещении современной буржуазной историографии. — ВИ, 1962, № 8, с. 168—175; *Талашова Н. С.* Тенденции развития немецкой буржуазной историографии античности в годы второй мировой войны. — «Учен. зап. Удмуртского пед. ин-та», вып. 21. История. Ижевск, 1970, с. 278—294; она же. Фашизация германской буржуазной историографии античности (1933—1939 гг.). — В кн.: Сборник аспирантских работ Казанского ун-та, гуманитарные науки (история, литературоведение, журналистика). Казань, 1972, с. 56—65. Что касается рецензий, то важнейшие из них будут указаны ниже, в связи с оценкой соответствующих трудов немецких ученых.

² Из зарубежных историографических обзоров, затрагивающих в той или иной степени вопросы немецкого антиковедения новейшего времени, заслуживают быть отмеченными: *Momigliano A.* Sullo stato presente degli studi di storia antica (1946—1954). — In: Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, vol. 6. Firenze, [1955], p. 1—40 (сокр. рус. перевод — ВИ, 1956, № 3, с. 208—217); *idem.* Studies in Historiography. L., 1966; *Kluwe E.* Das Problem von Einzelpersönlichkeit und athenischem Staat in der modernen Literatur. «Klio», Bd. 57, 1975, H. 2, S. 477—495.

в ФРГ). Тем не менее мы сочли целесообразным присоединить к основному обзору несколько замечаний о развитии антиковедения в Австрии ввиду чрезвычайно тесных связей и схожести судеб соответствующих классических дисциплин в этой стране и в Германии.

1. Период с 1917 до 1945 г.

В Германии после первой мировой войны историческая наука переживала трудные годы. Длительная империалистическая война истощила силы страны и до предела накалила социальную обстановку. Военное поражение кайзеровской Германии и притягательный пример Советской России ускорили развитие немецкого демократического движения. Ноябрьская революция 1918 г. смела прогнившую монархию и поставила вопрос о передаче власти рабочим и солдатским советам. Лишь с большим трудом и главным образом благодаря оппортунистической позиции социал-демократических лидеров, приведшей к расколу рабочего класса, немецкой буржуазии удалось погасить пламя революции. Однако и в последующие годы буржуазной Веймарской республики социальная обстановка в стране продолжала оставаться напряженной.

В этих условиях, в особенности в первые послевоенные годы, положение германской науки и ученых было действительно тяжелым³. Непрерывающиеся экономические и финансовые трудности, уменьшение государственных дотаций на развитие образования и науки и обусловленное этим сокращение штатов университетских преподавателей и научных работников имели тяжкие последствия, в частности и для немецкого антиковедения. Резко сокращается публикация книг и диссертаций, приостанавливается выход ряда периодических изданий. Многие преподаватели и ученые, оставив свои занятия, в поисках хлеба насущного должны были браться за любую работу, дававшую реальный заработок. Резкое снижение научной активности привело к тому, что немецкая наука об античности утратила свое первенствующее положение, уступив место более интенсивно развивавшемуся антиковедению Франции, Англии и США.

³ См.: Бенешевич В. Н. Положение германской науки. — «Анналы», т. 4, 1924, с. 330—333.

Но дело не ограничилось одним лишь сокращением научной продукции. Именно в Германии наиболее полно обнаружился тот внутренний, идеологический упадок, тот кризис мировоззрения, который в эпоху империализма стал характерен вообще для всего буржуазного мира. И общее неустойчивое положение и личные невзгоды, обрушившиеся в Германии на буржуазную интеллигенцию средней руки, которая в основном и поставляла кадры для науки, невероятно содействовали росту пессимистических, декадентских настроений и вызвали к жизни соответствующие философские доктрины. Огромный успех имела написанная еще во время войны, а опубликованная только теперь книга мюнхенского литератора Освальда Шпенглера (1880—1936) «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», Bd. I—II, München, 1920—1922; рус. пер., т. I. М. — Пг., 1923).

Шпенглер решительно выступил против традиционной доктрины историзма, то есть представления о прогрессивном, обусловленном действием определенных законов развитии человеческого общества. Этому представлению о едином историческом процессе Шпенглер противопоставил свое учение о самостоятельных культурах, или циклах развития, каждый из которых совершается на основе известной расово-географической общности. Таких особенных культур Шпенглер насчитывает восемь: культуры египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская) и майя.

Ходом истории, по Шпенглеру, управляет судьба. В каждой культуре действуют свои особенные, присущие только данной расе, мистические и иррациональные начала, саморазвитие и самовыражение которых составляет содержание отдельного цикла. Конгенитальное познание этих начал людьми другой культуры в принципе невозможно; исключение делается лишь для людей «фаустовской», западноевропейской культуры, которая, таким образом, провозглашается высшей из всех.

Отрицая действие объективных исторических законов, Шпенглер признает для своих культурных циклов лишь один закон и одну форму развития, схожую с формой развития любого живого организма, с такими же периодами рождения, становления, расцвета и упадка. В каждом культурном цикле можно выделить две главные стадии: стадию роста, или собственно культуры, характеризующуюся раскрытием

творческих сил народа, развитием искусств и гуманитарного знания, и стадию упадка, или цивилизации, которой присущи технизм, милитаризм и бюрократия. Сходство этих фаз развития дает возможность проведения аналогии, что, по Шпенглеру, является важнейшим орудием исторического познания. Современная Европа, согласно Шпенглеру, переживает именно стадию цивилизации, и ее народы должны отдавать себе в этом отчет, чтобы не идти наперекор историческому развитию, а лучше приспособиться к нему.

Своим успехом книга Шпенглера обязана тому, что она как нельзя лучше отразила декадентские настроения буржуазной интеллигенции и придала им, так сказать, научную форму⁴. Доктрина Шпенглера оказала большое влияние на последующую буржуазную философию истории, в частности и на теоретическую интерпретацию античности. Исходные моменты здесь были указаны уже самим Шпенглером, который вообще широко использовал античный материал для лучшего истолкования — путем контрастного сопоставления — западноевропейской, «фаустовской» культуры. Пространно рассуждает Шпенглер об общем характере античной культуры, об ее основном духовном начале, ее «символе». При этом историю независимой Греции он относит к стадии собственно культуры, а историю римлян — к стадии цивилизации, и в упадке античности видит полную аналогию упадку современного западноевропейского мира. В условиях общего кризиса многим на Западе эта аналогия казалась очевидной, и вслед за Шпенглером к теме падения античности все чаще стали обращаться и специалисты. В буржуазном антиковедении идеи Шпенглера легко привились еще и потому, что почва для их восприятия давно уже была подготовлена трудом соответствующих предшественников. Так, Эд. Мейер задолго до Шпенглера выступил против традиционного историзма, с его верою в логически последовательный ход развития и действие объективных исторических законов, и взамен представления о едином историческом процессе выдвинул свое учение о двух автономных и схожих циклах развития — античном и западноевропейском.

Философия Шпенглера была философией упадка не только потому, что она силилась дать сочувственное объяснение упадку современной буржуазной цивилизации, но и потому,

⁴ Ср.: Мишулин А. В. Из историографии античности. — ПИДО, 1935, № 1—2, с. 67.

что она знаменовала отказ от традиционной научной методологии. Взамен объективной исторической закономерности она выдвигала на первый план мистическое начало, прадуховный характер рас, создавая тем самым повод для мистического, расистского перетолкования истории. Не случайно, что именно философия Шпенглера стала одним из источников формирования нацистской идеологии. Утверждение идей Шпенглера в немецкой буржуазной историографии объективно подготавливало ее к усвоению философии нацизма.

Однако в полной мере пагубное воздействие новой «философии жизни» на историческую науку сказалось лишь со временем. Первоначально в немецком антиковедении продолжали действовать прочно усвоенные научные традиции позитивизма, чему в немалой степени способствовали, с одной стороны, непрекращающееся прибывание нового исторического материала, требовавшего рациональной своей обработки, а с другой, — продолжавшаяся деятельность ученых старшего поколения, работавших в традиционной манере.

После войны возобновилось участие немецких ученых в археологическом обследовании очагов древней цивилизации. Важное значение имело участие Адольфа Шультена в работе специальной испанской комиссии, которая на протяжении ряда лет вела раскопки одного из важнейших центров древней Иберии-Нуманции. Начатая еще до войны публикация результатов этих раскопок была теперь доведена Шультеном до конца (A. Schulten. Numantia, Bd. I—IV. München, 1914—1931)⁵. Немецкие археологи продолжали также исследование полосы римских пограничных укреплений времени Империи (так называемого лимеса). В особенности обстоятельно была обследована полоса этих укреплений между Средним Рейном и Дунаем. Результаты этих работ, много давших для уточнения наших представлений об отношениях Рима с древними германцами, публиковались в фундаментальном труде «Верхнегерманско-ретийский лимес Римской империи» («Der obergermanisch — rätische Limes des Römerreiches», Bd. I—XIV, 1894—1938).

В послевоенные годы в Германии продолжались работы по изданию и исследованию доставленных археологическими раскопками нового времени эпиграфических и папирологических материалов. Подготавливались к изданию очередные

⁵ Ср.: Цветаева Г. А. Обзор материалов о раскопках Нуманции. — ВДН, 1946, № 2, с. 126—138.

тома фундаментальных сводов греческих и латинских надписей («*Inscriptiones Graecae*», большое и малое издания; «*Corpus Inscriptionum Latinarum*»). Фридрихом Гиллером фон Гертрингеном было завершено переиздание замечательного сборника важнейших греческих надписей, составленного в свое время Вильгельмом Диттенбергером (*W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum, editio III, vol. I—IV, Lipsiae, 1915—1924*).

Усиленно трудились папирологи. Наряду с продолжением начатых ранее серийных изданий (среди них крупнейшее — *F. Preisigke, F. Bilabel, E. Kiessling, Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, Bd. I —, Strassburg, 1915—*) Ульрихом Вильксеном было предпринято новое издание деловых папирусов птолемеевского времени (*U. Wilcken. Urkunden der Ptolemäerzeit, Bd. I—II, Berlin, 1922—1957*). На основе предварительных работ Ф. Преизигке было начато издание в высшей степени ценных пособий, без которых теперь не обходится ни один папиролог, — общего лексикона греческих деловых папирусов и надписей из Египта (*F. Preisigke — E. Kiessling. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden etc., Bd. I —, Berlin, 1925—*) и списков исправлений к уже изданным деловым папирусам («*Berichtigungsliste der griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten*», *Bd. I —, Strassburg, 1922—*). Вышли также новые отличные введения в папирологию *В. Шубарта (W. Schubart. Einführung in die Papyruskunde, Berlin, 1918)* и *К. Преизенданца (K. Preisendanz. Papyruskunde und Papyrusforschung. Leipzig, 1933)*.

Наряду с исследованием вновь обнаруженных эпиграфических и папирологических первоисточников продолжалось изучение и традиционных литературных источников. Здесь особо надо отметить выдающийся труд Феликса Якоби, предпринявшего новое издание фрагментов сочинений древнегреческих историков, с исчерпывающим филологическим и историческим комментарием (*F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker, Tl. I —, Berlin, 1923—*). Колоссальное это предприятие затянулось на полстолетия и лишь сейчас приблизилось к завершению.

Приток новых материалов стимулировал деятельность выдающихся немецких антиковедов старшего поколения. Эд. Мейер в послевоенные годы усиленно продолжал работать над переизданием своей «Истории древности». Вместе с тем увидели свет его новые капитальные труды, посвященные поздней античности — римскому принципату и возникно-

венню христианства (о них пойдет речь ниже). К. Ю. Белох наряду с завершением переиздания своей «Греческой истории» выпустил труд по истории раннего Рима (K. J. Beloch, *Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriegen*. Berlin—Leipzig, 1926), сочинение, отличающееся характерными для Белоха обстоятельностью изложения и склонностью к рискованным датировкам и реконструкциям. У. Вилькен, помимо специальных папирологических штудий, о которых уже упоминалось, и исследований по времени эллинизма, дал небесполезный общий очерк греческой истории (U. Wilcken, *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. München, 1924). Наконец Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, признанный глава немецкой классической филологии, следуя своему представлению об универсальном характере науки классической филологии, уже в преклонном возрасте создал ряд ценных трудов, посвященных важнейшим аспектам социально-политической и культурной жизни древних греков⁶.

Наряду с представителями старшего поколения в послевоенные годы выступили и новые ученые, чье участие в особенности проявилось в разработке отдельных периодов и тем античной истории. С этим новым поколением все более стали вторгаться в науку об античности и те новые идеи, рождение которых было обусловлено кризисом буржуазного мирозерцания и буржуазного историзма. Правда, эти новые веяния обнаружались не везде сразу и с одинаковой силой. Так, в изучении раннегреческой истории на первых порах сохранялось традиционное направление. В начале двадцатых годов была опубликована книга погибшего во время войны Дитриха Фиммена «Крито-микенская культура» (D. Fimmen, *Die kretisch-mykenische Kultur*. Leipzig—Berlin, 1921). Она подводила итог предыдущей полосе археологических исследований и давала общий обзор до- и протогреческих культур III—II тыс. до н. э. В то же время обнаружилась тенденция шире привлекать сравнительный материал для решения темных проблем раннегреческой цивилизации. Эмиль Форрер, исследуя хеттские клинописные тексты из Богазкёя, обратил осо-

⁶ *Wilamowitz-Möllerndorff U. v.*: 1) *Staat und Gesellschaft der Griechen*. (Die Kultur der Gegenwart, Tl. II, Abt. 4, Lfg. I), 2. Aufl., Leipzig—Berlin, 1923; 2) *Die hellenistische Dichtung im Zeitalter des Kallimachos*, Bd. I—II, Berlin, 1924; 3) *Der Glaube der Hellenen*. Bd. I—II, Berlin, 1931—1932.

бое внимание на встречающиеся здесь упоминания о стране Ахийява. В этой последней он увидел Ахейскую державу, государство догомеровских греков, существовавшее в Малой Азии уже в XIV в. до н. э.⁷ Гипотеза Форрера встретила, однако, сильные возражения со стороны других исследователей, в частности Фердинанда Зоммера, который указывал на шаткость общих построений Форрера и обосновывал лингвистическую необедительность сближения Ahhijava хеттских текстов с греческим 'Αχαιοί⁸.

В послевоенный период резко упал интерес к классическим эпохам греческой истории. Зато возросло внимание ко времени эллинизма, и объяснялось это не одним лишь притоком новых материалов. Военные и социальные потрясения последних лет породили в немецкой буржуазии тоску по «сильной власти», способной окончательно подавить революционно-демократическое движение и установить в стране «железный порядок». Шовинистические и реваншистские настроения еще более подогревали эту тягу к «новому порядку» и «новому рейху». Естественным было то внимание, которое стало уделяться немецкими буржуазными историками переходному времени между классикой и эллинизмом, когда, по их представлениям, разложившийся от избытка свободы греческий мир был спасен целительным вмешательством македонских царей. Отсюда — ставшие уже традиционными для немецкой буржуазной историографии развенчание Демосфена и идеализация его противников Филиппа и Александра. Показательной в этом отношении была уже появившаяся в конце войны книга Энгельберта Дрерупа «Из истории древней адвокатской республики», с подзаголовком «Демосфен и его время» (E. Drerup. Aus einer alten Advokatenrepublik. Demosthenes und seine Zeit. [Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums, Bd. VIII, H. 3/4]. Paderborn, 1916)⁹. Автор выносит суровый приговор Демосфену и другим афинским

⁷ Forrer E.: 1) Vorhomerische Griechen in den Keilschrifttexten von Boghazköi. — «Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft», Bd. 63, 1924, S. 1—22; 2) Die Griechen in den Boghazköi-Texten. — «Orientalische Literatur-Zeitung», 1924, Sp. 223—228.

⁸ Sommer F.: 1) Die Ahhijava-Urkunden (Abh. Bayer. Akad., N. F., 6), München, 1932; 2) Ahhijavafrage und Sprachwissenschaft. (Abh. Bayer. Akad., N. F., 9), München, 1934; 3) Ahhijava und kein Ende? «Indogermanische Forschungen», Bd. 55, 1937, S. 169—297. Ср. также: Борухович В. Г. Ахейцы в Малой Азии. — ВДИ, 1964, № 3, с. 91—106.

⁹ Рец.: Бузескул В. П. — «Анналы», т. I, 1922, с. 189—193.

«адвокатам», которые своими речами подстрекали народ к ненужной войне с Филиппом. Истинным патриотом был Исократ, «человек с крепкими политическими убеждениями», «аристократическая натура». Он понимал, что будущее эллинов — в союзе с Македонией и в их совместной борьбе с «национальным врагом» — Персией. Битва при Херонее, согласно Дрерупу, была не трагическим концом свободной и независимой Эллады, а закономерным завершением целительной для греков объединительной политики, которую проводил Филипп Македонский.

В этом же году, когда Дреруп опубликовал свой памфлет против афинской демократии, ряд крупнейших немецких антиковедов выступил с публичными, характерно составленными докладами об Александре Македонском: В. Кольбе — в Ростоке, В. Отто — в Марбурге и У. фон Виламовиц-Мёллендорф — в Берлине. После мировой войны тема Александра — его личности, его завоевательных походов, его империи — становится одной из излюбленных в немецкой историографии. У. Вилькен публикует ряд статей, посвященных отдельным аспектам политической деятельности Александра¹⁰, а затем и общий очерк «Александр Великий» (U. Wilcken. Alexander der Grosse. Leipzig, 1931), где личность и дела македонского царя представлены — в русле арриановской традиции — в сильно идеализированном виде. Но особое значение имела книга молодого мюнхенского ученого Гельмута Берве «Империя Александра на просопографическом основании» (H. Berve. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, Bd. I—II, München, 1926).

Труд Берве состоит из двух частей: в первой систематически рассматриваются важнейшие институты государства Александра — царский двор, войско и система управления, — все поданное и понятое сквозь призму личных намерений и действий царя; во второй части дается обзор сведений о всех исторических персонажах, которые действительно или мнимо находились в каких-либо отношениях с великим царем (свыше 900 имен и соответствующих очерков, расположенных в алфавитном порядке).

¹⁰ Wilcken U.: 1) Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft. — «Schmollers Jahrbuch», Bd. 45, 1921, S. 349—420; 2) Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. SB Berlin, 1922, Nr. XVI, S. 97—118; 3) Alexander der Grosse und die indischen Gymnosophisten. SB Berlin, 1923, Nr. XXIII, S. 150 ff., и др.

Труд Берве — ценнейшее пособие, без которого не может обойтись ни один исследователь, если он всерьез занимается изучением времени Александра. Вместе с тем книга Берве свидетельствовала об утверждении в немецкой исторической науке нового просопографического направления в его наиболее реакционной форме. Автор не только ставил в центр исследования выдающуюся историческую личность; он все развитие избранного периода сводил к действиям этой наделенной особыми гениальными качествами сверхличности, помыслы и поступки которой будто бы определялись непостижимыми, иррациональными побуждениями ее духа. В такой трактовке места и роли личности в истории надо видеть отражение восходящего к Ницше и ставшего характерным для немецкой буржуазной историографии культа героев; вместе с тем это — предвосхищение одного из важнейших моментов в фашистской интерпретации всемирной истории.

В истории Рима, как и в истории Греции, классическая эпоха Республики не вызывала особого интереса. Внимание ученых сосредоточилось на переходных, кризисных периодах, причем и здесь преимущественный интерес вызывала деятельность выдающихся полководцев и политиков. В 1918 г. вышла в свет монография Эд. Мейера «Монархия Цезаря и принципат Помпея» (Ed. Meyer. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Stuttgart—Berlin, 1918)¹¹. В противовес Моммзену, видевшему в римском принципате своего рода диктатуру, а с другой стороны, и тем исследователям, которые склонны были подчеркивать в принципате его монархическое начало (Гардтхаузен и др.), Мейер доказывал аристократически-республиканский характер принципата. Август, по его мнению, действительно стремился к восстановлению республики. Результатом его усилий явилось создание особой формы республиканского устройства, при которой вся полнота власти принадлежала сенату, а его охранителем был первый человек в государстве — принцепс. В этой своей политике Август скорее был продолжателем дела Помпея, нежели Цезаря. Последний, гениально опережая свое время, стремился установить в Риме монархию эллинистического типа, между тем как Помпей вел дело именно к установлению корпоративного правления аристократии во главе с первым среди равных — принцепсом.

¹¹ Критическая оценка — *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.—Л., 1949, с. 60—61, 344—345.

Концепция Мейера не была лишена остроумия; у нее нашлись и сторонники, например в современной английской литературе — Н. Хэммонд. Однако по большому счету она была ущербна. За идеализированным юридическим фасадом принципата Мейер не видел действительно возникавшей монархии. Вдобавок он все политическое развитие Рима в переходный период сводил к действиям и помыслам выдающихся политиков Помпея, Цезаря, Августа. Социальные основания исследуемой им системы оставались практически не учтенными, и это сильно обесценивало его труд.

Если у Эд. Мейера повышенное внимание к политическому творчеству выдающихся римлян носит еще скорее традиционный характер, то у представителей молодого поколения это внимание принципиально обосновывается и находит выражение в сознательно культивируемом просопографическом направлении их штудий¹². Показательными были в этом отношении работы М. Гельцера и Ф. Мюнцера. Маттиас Гельцер решительно выступил против моммзеновского понимания политической борьбы и политических партий в Риме¹³. Согласно Моммзену, эта борьба в последние два века республики сводилась к борьбе оптиматов и популяров, в которых надо видеть соответственно аристократическую и демократическую партии. Гельцер, настаивая на своеобразии социально-политической действительности древнего Рима, отрицал возможность такого прямолинейного, явно модернизаторского понимания борьбы оптиматов и популяров как принципиального противостояния аристократии и демократии. До такого четкого размежевания политических принципов римская действительность никогда не доходила. Практически политическая жизнь направлялась аристократическими кланами и их выдающимися вождями, по именам которых и обозначались

¹² См.: *Каллистов Д. П.* Просопографическое направление в зарубежной буржуазной историографии по истории Рима. — В кн.: *Критика новейшей буржуазной историографии.* М.—Л., 1961, с. 421—431.

¹³ Первоначально еще в работе, вышедшей до 1-й мировой войны, — «Die Nobilität der römischen Republik» (Leipzig, 1912), а затем в целом ряде последующих статей и книг (см.: *Gelzer M.*: 1) *Die römische Gesellschaft zur Zeit Ciceros.* — «Neue Jahrbücher», 1920, S. 1—27; 2) *Caesar, der Politiker und Staatsmann.* Stuttgart—Berlin, 1921; 3) *Calo Uticensis.* — «Die Antike». Bd. 10, 1934, S. 59—91, и др.).

так называемые партии (*partes*); понятие же «популяр» означало не принципиальную политическую программу, а скорее тактику отдельных вождей нобилитета. Воспринявший эти взгляды Ф. Мюнцер в своей книге «Римские аристократические партии и аристократические семьи» (E. Münzer, *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920) доказывал, что политическая жизнь Рима в первую очередь определялась борьбой знатных родов за влияние и власть. Родовые, семейные и личные связи между отдельными представителями знати играли в политической жизни Рима гораздо большую роль, чем это принято думать.

Исследования ученых просопографического направления имели известное научное значение. Они предостерегали против прямолинейной модернизации политической жизни древних, указывали на действительно большую роль традиций, фамильных и личных связей, инициативы отдельных политиков. Однако по большому счету они вели к искажению исторической картины. Игнорируя социальные основания политических течений, принципиальный характер конфликтов между знатью и народом, закономерность и значимость выступлений рабов, неполноправных италиков и провинциалов, они сводили все богатое содержание социально-политической борьбы в Риме к столкновениям внутри одного нобилитета, к борьбе лидеров этой привилегированной группировки за власть. В конце концов просопографические исследования такого рода ничем существенным не отличались от штудий нищестяующих поклонников культа героев. Характерным представителем этой группы историков был в 20-х годах Ф. Гундольф, автор книги «Цезарь. История его славы» (F. Gundolf, *Caesar. Geschichte seines Ruhms*. Berlin, 1924). Римский диктатор изображался здесь как герой-спаситель, как творческая сверхличность, своим гением определявшая развитие Римского государства.

В более академическом духе выдержаны исследования Эрнста Штейна по истории позднеантичного государства. Знаток политических институтов, Штейн особое внимание уделял анализу структуры и функций государственного аппарата. Его самый значительный труд — «История поздней Римской империи», первый том которой вышел в 1928 г. (E. Stein, *Geschichte des spätromischen Reiches*, Bd. I, Wien, 1928). В этом томе рассматривается заключительный период собственно античной истории — от начала правления Диоклециана и до падения Западной Римской империи, то есть с 284

и до 476 г. н. э.¹⁴ Изложение отличается исключительной обстоятельностью, особенно в том, что касается эволюции государственного строя. Однако и Штейн тоже склонен к переоценке роли «творческой личности»; уделяя известное внимание социальной жизни, положению и составу различных сословий, он все решающие перемены в государственной жизни Рима объясняет реформаторской деятельностью тех или иных императоров.

Наряду с углубленной разработкой отдельных исторических периодов продолжалась работа и по изучению важнейших аспектов античной цивилизации. Здесь также наряду с продолжением старых исследовательских линий можно было заметить появление новых тенденций. В области античной экономики в 20-е и 30-е годы продолжалась начатая когда-то еще К. Бюхером и Эд. Мейером дискуссия о степени развития промышленности и торговли в древнем мире. Линию Бюхера продолжал Иоганн Хазебрек¹⁵, его оппонентами выступали Э. Цибарт, В. Шван и др.¹⁶ Из работ по истории античного государства и права, помимо упомянутых в другой связи трудов Э. Штейна, выделяются исследования Ульриха Карштедта и Виктора Эренберга по истории греческого, в особенности спартанского полиса: первый систематически исследовал государственные институты¹⁷, второй сосредоточил внимание на главных этапах формирования полисного строя¹⁸. В области изучения античной культуры известное значение имели: общий очерк Вальтера Отто «История культуры древности» (W. Otto. Kulturgeschichte des Altertums. München, 1925), книга, замечательная своим вниманием:

¹⁴ Второй том, охватывающий период от гибели Западной Римской империи до смерти Юстиниана (476—565 гг.), был опубликован только после 2-й мировой войны на французском языке (Stein E. Histoire du Bas-Empire, t. II, Paris-Bruxelles-Amsterdam, 1949).

¹⁵ Hasebroek J.: 1) Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928; 2) Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit, Bd. I, Tübingen, 1931.

¹⁶ См., в частности: Ziebarth E. Beiträge zur Geschichte des Seeraubes und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929.

¹⁷ Kahrstedt U. Griechische Staatsrecht, Bd. I (Sparta und seine Symmachie). Göttingen, 1922.

¹⁸ Ehrenberg V.: 1) Spartiaten und Lakodaimonier. — «Hermes», Bd. 59, 1924, H. 1, S. 23—72; 2) Neugründer des Staates. München, 1925; 3) Der Gesetzgeber von Sparta. — In: Epitymbion H. Swoboda dargestellt. Reichenberg, 1927, S. 19—28; 4) Sparta, D. Geschichte. RE, 2. Reihe, Bd. III. Hbbd. 2, 1929, Sp. 1373—1453. и др.

к культурному наследию древнего Востока и взаимодействию цивилизаций Запада и Востока в век эллинизма; затем трехтомная монография Эд. Мейера «Происхождение и начало христианства» (Ed. Meyer, Ursprung und Anfänge des Christentums, Bd. I—III, Stuttgart — Berlin, 1921—1923), ценная скрупулезным анализом новозаветного предания, но беспомощная в своей концепции наивного историзма, сводящего историю христианства к истории проповедника Иисуса; и наконец небольшая, но содержательная книга Макса Поленца «Политическая мысль и учение о государстве у древних греков» (M. Pohlenz, Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen, Leipzig, 1923). Работа Поленца интересна тем вниманием и сочувствием, с которым автор прослеживает развитие монархической доктрины в Греции в период кризиса полиса (IV в. до н. э.). «Там, — замечает автор, — где оказываются бессильными политические институты, взоры и надежды направляются на отдельных людей, там растет тоска по сильной руке, которая может навести порядок» (с. 143).

Эти характерные для послевоенной буржуазной историографии настроения — страх перед усугубляющейся революционной ситуацией и тоска по «сильной власти» — особенно проявились в тех работах, которые специально трактовали о социальной борьбе в древности и связывали упадок античной цивилизации с разрастанием классовых антагонизмов¹⁹. Характерной была в этом отношении позиция Отто Зеека, который еще до мировой войны в труде своем о падении античного мира выступил с теорией «истребления лучших»²⁰. Теперь он опубликовал отдельное извлечение из этого труда под заглавием «История развития христианства», сопроводив его новым «принципиальным» введением (O. Seeck, Entwicklungsgeschichte des Christentums, Stuttgart, 1921). Это — злобный памфлет на пролетариат, пролетарскую революцию и Советскую Россию. Автор вновь развивает свой любимый тезис о том, что причиной гибели античной цивилизации было именно «истребление лучших». Он проводит прямую параллель между тем, что происходило в позднеантичный период, и тем, что делается в Советской России, где власть взяли в свои руки «худшие», и на этом основании пророчит русским

¹⁹ См.: Кагаров Е. Г. Фашизация буржуазной науки об античном обществе. — «Сообщения ГАНМК», 1932, № 9—10, с. 38—41.

²⁰ Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, Bd. I—VI, Berlin, 1894—1921.

полную и окончательную гибель. Патологическое неприятие Зееком любого равенства находит выход в злобных нападках на античное христианство, которое, по крайней мере в начальный период, прокламировало такое равенство среди верующих в Христа. «Мое учение, — заявляет Зеек, — исходит из того, что люди в высокой степени различны, а главное представляют весьма различную ценность для процветания целого. Небольшая группа высокоодаренных людей идет вперед и медленно тянет за собою ленивую и глупую массу... Процветание народов и государства обусловлено тем, что эти вожди имеют возможность свободно развертывать свою деятельность и после смерти оставляют потомков, которые, будучи наделены теми же дарованиями, продолжают действовать в том направлении» (с. X) ²¹.

Несколько позже Зеека У. Карштедт выступил со статьей «Основы и предпосылки римской революции» (U. Kahrstedt. Die Grundlagen und Voraussetzungen der römischen Revolution. — «Neue Wege zur Antike», Bd. IV, 1926), тоже своего рода памфлетом против пролетариата и пролетарской революции. Говоря о подъеме демократического движения в Греции накануне окончательного утверждения римского господства (149—146 гг. до н. э.), Карштедт прибегает к следующим выражениям: «Худшие, чернь, толпа рабочих получают власть в руки, долги уничтожаются, рабы освобождаются, частное имущество конфискуется, и в крупных городах с Коринфом во главе происходит уничтожение буржуазии суверенным пролетариатом, избивание всех образованных; провозглашается и осуществляется господство кулачного права бедных, мы бы сказали — диктатуры пролетариата. Но тут, как мы знаем, вмешался Рим, очистил острейм меча македонский и пелопоннесский очаг заразы и разрушил Коринф, эту твердыню революционного пролетариата с его классовым чутьем. Большевик в 24 часах езды от Бриндизи был сигналом тревоги для Рима» (с. 111) ²².

Эти примеры ярко показывают усиление реакционных тенденций в немецкой буржуазной историографии античности. Гордая своими академическими традициями немецкая наука об античности все более оказывалась рупором самых реакционных идей.

Оценивая в целом развитие немецкого антиковедения в те

²¹ Цит. по: Кагаров Е. Г. Указ. соч., с. 39.

²² Там же, с. 40.

15 лет, что отделяют окончание 1-й мировой войны от утверждения фашизма, мы должны, таким образом, отметить сосуществование двух тенденций. С одной стороны, налицо были определенные усилия продолжить прерванные послевоенной разрухой академические штудии. Это нашло выражение как в ряде монографических исследований, о которых шла речь выше, так и в некоторых коллективных предприятиях: продолжалось начатое еще в конце прошлого века переиздание «Реальной энциклопедии науки о классической древности» Паули («Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft»); с 1920 г. под руководством В. Отто началось переиздание, по новому плану и в новом составе, «Руководства по науке о древности» Мюллера («Handbuch der Altertumswissenschaft»); наконец Максом Ебертом был издан фундаментальный «Реальный словарь предистории» («Reallexikon der Vorgeschichte», hrsg. von M. Ebert, Bd. I—XV, Berlin, 1924—1932), ценнейшее пособие по археологии и культуре первобытного и раннеклассического общества. С другой стороны, все более усиливались реакционные тенденции, находившие проявление в соответствующих общих историко-философских установках (Шпенглер), в специфическом изменении методологии исследования (просопографическое направление в лице Гельцера, Мюнцера и Берве), в тенденциозном освещении вопросов классовой борьбы и кризисных ситуаций в античности (Зеек, Карштедт), наконец в появлении особых серийных изданий, специализировавшихся на «новой» интерпретации античности (сборник «Neue Wege zur Antike», издававшийся с 1925 года).

* * *

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. с особой силой поразил Германию, еще не оправившуюся от всех последствий военного поражения. Катастрофическое падение производства, рост безработицы, резкое ухудшение жизненных условий всколыхнули активность немецкого пролетариата, во главе которого теперь выступала Германская коммунистическая партия. Однако в те же годы возросла активность и крайней реакционной партии немецких фашистов — национал-социалистов, которые, спекулируя на экономических и социальных трудностях, разжигали шовинистические и реваншистские настроения, возбуждали ненависть к «внутренним врагам» — коммунистам и вели разнузданную

националистическую и расистскую пропаганду. В условиях резкого обострения социальных, классовых противоречий, опасаясь нового подъема революционного движения, немецкая буржуазия в начале 1933 г. форсировала передачу власти в руки фашистов.

Новый режим уничтожил все демократические завоевания Ноябрьской революции. В стране установилась диктатура наиболее оголтелых реакционных кругов, объединившихся под знаменем нацизма. Ставленница германских монополий, национал-социалистическая партия была провозглашена единственной и исключительной «носителем идеи немецкой государственности». Пользуясь положением господствующей партии, нацисты развернули беспрецедентную демагогическую кампанию против коммунистов, против всех вообще демократов, которых они объявили «врагами национального единства». Апеллируя к низменным чувствам обывателей, используя взращенные на почве шовинизма и реваншизма доктрины о превосходстве немецкой нации, о недостатке жизненного пространства, о целесообразности войны, которая не только оздоровит нацию, но и вернет Германии подобающее ей положение и принесет всем работу и хлеб, нацисты сумели подчинить своему идейному влиянию значительную часть немецкого народа. Над Германией на долгие годы опустилась коричневая завеса фашизма.

В антиковедении свершившаяся в стране политическая метаморфоза нашла свое отражение в торжестве тех установок, которые профашистские публицисты разрабатывали еще в 20-е годы. Уже тогда началось тенденциозное переосмысление и перекрашивание античной истории с целью установить традиционность исповедуемых фашистами идеалов. Фашистский философ Эдгар Залин в своих сочинениях «Платон и греческая утопия» (E. Salin. Plato und die griechische Utopie. München, 1921) и «Социализм» в Элладе» (Der «Sozialismus» in Hellas. — In: Festgabe E. Gotheim. München, 1923) выступил против усвоенных наукою представлений о том, что античным обществам была свойственна ожесточенная социальная борьба, что в древней Греции, в частности, получило широкое развитие демократическое движение и были выработаны своего рода социалистические, уравнивательные идеалы. Подобные представления Залин объявил злостными вымыслами. На самом деле, утверждал Залин, античная жизнь была безусловным «художественным целым» и в качестве такового должна служить образцом для немец-

кого народа. «От духовной нищеты нынешней немецкой жизни, — возглашал философ, — есть только один путь к исцелению: без ложного стыда и колебаний в минуту опасности выжечь каленым железом язвы последнего поколения — стремление к демократическому поравнению»²³.

Одновременно, в тех же целях, началось и более широкое перетолкование античности с расовой точки зрения. Германский север был объявлен прародиной древних классических народов, и начались поиски «нордических элементов» в этнических контломератах античности. При этом характерно было стремление обнаружить остатки «нордических элементов» именно среди слоя господ и силою или слабостью «нордических компонентов» объяснить расцвет или упадок отдельных древних цивилизаций. Ведущий фашистский «расовед» Ганс Гюнтер одним из первых обратился к изучению расового вопроса в древности. В 1929 г. он опубликовал книгу «Расовая история эллинского и римского народа» (H. Günther, *Rassengeschichte des hellenischen und des römischen Volkes*. München, 1929), где доказывал, что древнейшие сословия эвпатридов в Афинах, спартиатов в Спарте и патрициев в Риме являлись нордическим слоем господ.

Открытая политическая фальсификация античности, проводимая Гюнтером и ему подобными, вызывала протесты со стороны немецкой научной общественности. Так, В. Эренберг выражал уверенность в том, что «книге Гюнтера с ее примитивными методами исследования, вероятно, будет единодушно отказано от серьезной науки»²⁴. Однако сопротивление ученых было сломлено грубою силою. Специалисты, «политически неблагонадежные» или «расово неполноценные», были лишены права преподавать и заниматься научною деятельностью. Среди изгнанных из университетов в годы фашизма оказались, в частности, такие известные ученые, как профессор университета в Бреслау Вильгельм Кроль, профессора университета в Галле Пауль Фридендер и Рихард Лакер, профессор Гамбургского университета Эрих Цибарт и др. Некоторым при этом пришлось испытать в полной мере всю

²³ *Savin E.* Der «Sozialismus» in Hellas, S. 22. Цит. по: *Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты. — ВДИ, 1939, № 1, с. 98.

²⁴ *Ehrenberg V.* Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik der Antike. Prag, 1935, S. 221. Цит. по: *Талашова Н. С.* Фашизация германской буржуазной историографии античности (1933—1939 гг.). — В кн.: Сборник исправленных работ Казанского ун-та, с. 58.

тяжесть фашистских репрессий. Так, Пауль Фридендер был заключен в концлагерь в Заксенхаузене, а Эрих Груман во время войны был послан на принудительные работы. Спасаясь от преследований, многие опальные ученые эмигрировали за границу. Так, Фриц Гейхельгейм в 1933 г. выехал в Англию, туда же отправились Виктор Эренберг и Фриц Прингсгейм, Георг Каро в 1939 г. выехал в США и т. д.²⁵

Одновременно с университетами подверглись «чистке» и «перестройке» все научные журналы. В 1935 г. во главе редакции авторитетнейшего в Германии «Исторического журнала» («Historische Zeitschrift») вместо неугодного Ф. Мейнеке был поставлен правоверный фашистский историк К. Мюллер. В передовой статье первого выпуска журнала за 1935 г. новый редактор заявил, что в основу деятельности журнала будут отныне положены национал-социалистские принципы. Редакция будет стремиться внести свою лепту в борьбу немецкого народа за «новую цивилизацию» и «подобающее положение» среди других государств. В том же номере был опубликован доклад В. Франка, директора вновь учрежденного «Имперского института истории новой Германии». Франк призывал ученых активно включиться в борьбу за новую эру «германского величия». Перед новым поколением немецких историков он ставил задачу «писать снова такую историю, чтобы творцы истории захотели носить ее в своих ранцах». Фашистский гауляйтер от науки предупреждал инакомыслящих, что любое их возражение против новых установок будет рассматриваться как «бунт дерзких рабов, который должен быть усмирен при помощи кнута»²⁶.

Наряду с общими «перестройке» подверглись и специальные антиковедные издания. В 1937 г. был вынужден уйти с поста редактора журнала «Клио» («Klio») К. Ф. Леман-Гаупт, крупный ученый, основатель этого журнала и его бессменный глава на протяжении 30 с лишним лет. Леман-Гаупт не устраивал нацистов своими либеральными настроениями, своим последовательным выступлением в защиту чистой, академической науки. Взамен него редактором «Клио» был назначен известный своими реакционными убеждениями Эрнст

²⁵ См.: Талашова Н. С. Фашизация германской буржуазной историографии античности, с. 61 сл.

²⁶ См. хроникальные заметки в ИМ. 1936. № 6, с. 256 (без указания автора).

Корнеман²⁷. Равным образом должны были приспособиться к новым условиям и такие специальные журналы, как «Гермес» и «Гномон», и даже в очередных томах сугубо академической «Реальной энциклопедии» Паули начали появляться статьи, пропитанные фашистскими идеями. Так, например, в статье Фритца Шахермейера о Писистрате (RE, Bd. XIX, Hbbd. 37, 1937) совершенно серьезно утверждалось, что этот афинский правитель «по своей крови, несомненно, в очень значительной мере имел северные показатели», что «его отношение к государству имело тоталитарное направление» и что «он стремился к примирению интересов всех групп»²⁸.

Наряду с реорганизацией старых шло создание новых журналов, специально нацеленных на интерпретацию истории в нацистском духе. Так, с 1935 г. стал выходить общенациональный журнал «Мир как история» («Die Welt als Geschichte»). Основанный по инициативе Шпенглера, журнал этот специализировался на фальсификации всеобщей истории и вел активную полемику с теми изданиями, которые, подобно «Клио» (до ухода Леман-Гаупта), медлили с переходом на новые рельсы.

Одновременное наступление на университеты и журналы привело нацистов к желаемой цели: с относительной самостоятельностью науки было покончено, оппозиция либерально настроенных ученых была раздавлена. Научная работа была подчинена отныне задачам официальной нацистской пропаганды. Ведущими историко-философскими установками в немецком антиковедении стали нацистские положения о расовом родстве ведущих народов античности с высшей нордической расой — германцами, о достигнутом в образцово устроенных античных обществах, типа Спарты или Перикловых Афин, единстве народа и вождей, о провиденциальной роли наделенных особенной волею к жизни и власти героев.

Естественно, что в этих условиях все мало-мальски оригинальные направления были обречены на смерть. Примером может служить судьба новогуманистического, культурнического направления, представленного Вернером Егером, автором многочисленных фундаментальных трудов, среди которых особо выделяются два: эссе об Аристотеле (W. Jaeger.

²⁷ См.: Поляков Г. П. Обзор содержания журнала «Klio» за 1936 г. — ВДИ, 1937, № 1, с. 162—165; Талашова Н. С. Фашизация германской буржуазной историографии античности, с. 61.

²⁸ Цит. по: Лurie С. Я. Указ. соч., с. 99.

Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923) и трехтомная «Пайдейя», посвященная формированию эллинского духовного типа (Paideia. Die Formung des griechischen Menschen Bd. I—III, Berlin, 1934—1947). Даже это исполненное прекрасного идеализма направление, которое никогда нельзя было заподозрить в интересе к жгучим социально-политическим проблемам, было пресечено в своем развитии враждебным отношением официальных нацистских кругов, которым претила любая проповедь гуманизма. В. Егер должен был искать себе приюта в Америке, где и была впервые в полном виде напечатана его «Пайдейя» (все три тома на английском языке в 1943 г.).

Редким ученым в годы фашизма удалось сохранить известную научную самостоятельность, а вместе с тем и оппозицию существующему режиму. Такие немногочисленные случаи, как правило, были связаны с возможностью сосредоточиться на изучении узкоспециальных, чаще всего источниковедческих проблем. Так именно было с Бернхардом Швейтцером, профессором Тюбингенского университета, видным специалистом по классической археологии. Основанный и руководимый им журнал «Античность» («Die Antike», издавался в Берлине с 1925 г.) выделялся среди прочих изданий того времени своей добротной академичностью²⁹.

Однако пример с Швейтцером — скорее исключение. В целом же немецкая наука об античности была поставлена под жесткий фашистский контроль и превратилась в рупор нацистской пропаганды. Окончательно тоталитарный охват немецкого антиковедения идеологией фашизма был завершён в годы 2-й мировой войны³⁰. Наука об античности должна была служить «делу нации» и вносить свой вклад в «великую борьбу немецкого народа». Пример такого служения подавали видные историки Гельмут Берве, ставший руководителем нового ведомства, обеспечивавшего «участие науки об античности в войне» («der Kriegseinsatz der Altertumswissenschaft»), Маттиас Гельцер, Эрнст Корнеман, Фриц Тегер, Иозеф Фогт и др. Значительную часть печатной продукции этих и других немецких антиковедов составляли в годы войны

²⁹ Талашова Н. С. Фашизация германской буржуазной историографии античности, с. 62 и 65.

³⁰ См.: Талашова Н. С. Тенденции развития немецкой буржуазной историографии античности в годы второй мировой войны. — «Учен. зап. Удмуртского пед. ин-та. История». Ижевск, 1970. Вып. 21, с. 278—294.

популярные очерки и брошюры, в которых авторы на античном материале старались показать величие арийского, нордического, духа, силу и свершения чистых нордических рас и их вождей. Немногие солидные издания, претендовавшие на научное качество, — коллективные сборники «Спарта» («Sparta», 1940), «Новый образ античности» («Das neue Bild der Antike», Bd. I—II, Leipzig, 1942), «Рим и Карфаген» («Rom und Karthago», Leipzig, 1943), — были выдержаны в том же духе.

Вообще научная продукция по теме античной истории была в годы фашизма невелика. При этом подавляющее большинство работ было выдержано в нацистском духе, и лишь изредка попадались исследования, выполненные в традиционной академической манере. Нацистскими по своим главным установкам были общие обзоры античной истории: «Греческая история» Г. Берве (H. Berve. Griechische Geschichte, Bd. I—II, Freiburg im Breisgau, 1931—1933), «Римская история» Э. Корнемана (E. Kornemann. Römische Geschichte, Bd. I—II, Stuttgart, 1938—1939) и «История древности» Ф. Тегера (F. Taeger. Das Altertum, Bd. I—II, Stuttgart, 1939).

Характерно было стремление фашистских историков дать новую концепцию этногенеза античных народов. Начало расистскому переосмыслению основ греческой истории было положено еще О. Шпенглером. Во 2-м томе своего «Заката Европы» он уже сформулировал принципиальное положение о противостоянии в древнейшей Эгее двух миров — микенского и минойского, мира поднимающегося, растущего и мира, шедшего к своей гибели.

Эта идея была подхвачена реакционными историками и развита дальше в чисто нацистском духе³¹. Эрнст Корнеман в работе «Положение женщины в догреческой культуре Средиземноморья» (E. Kornemann. Die Stellung der Frau in der vorgriechischen Mittelmeerkultur. Heidelberg, 1927) доказывал, что предыстория греков определялась конфронтацией двух рас и двух культур — северной, индогерманской и южной, неарийской. Между тем как культура южан определялась ведущим положением женщины и использованием быка, мигрировавшие с севера индогерманцы привели с собой коня и утвердили «самодержавное правление мужчины». Обладая

³¹ Подробнее см.: *Богачевский Б. Л.* Эгейская культура и фашистская фальсификация истории. — В кн.: *Против фашистской фальсификации истории*, с. 35—82.

благодаря этому абсолютным превосходством, они покорили слабый, изнеженный юг, положив этим начало собственно греческой истории.

В том же духе толковал предысторию греков в целом ряде своих работ и Эрих Бете³². Он тоже противопоставлял север и юг как два особых «культурных круга», воплощающих противоположные миры полноценной и неполноценной расы. Север — родина арийцев-греков, которые были «здоровыми и сильными варварами» и обладали «мужским умом», требовавшим «войн и вооруженных действий». Юг — это «счастливый остров» Крит, где находилось «женское царство». Стараясь доказать «женский характер» культуры Крита, Бете ссылается даже на архитектуру критских дворцов: «Низкие, широкие ступени лестниц лениво поднимаются к дворцам; удобные для женщин, они были слишком низки для мужского шага». Естественно, что богатый, но слабый юг стал добычей мужественных северян. Бете намечает основные этапы покорения арийцами-греками неарийского юга. Около 1700 г. он помещает первое вторжение на Крит греков-ионийцев. Эти северяне добились успеха, но затем дали развратить себя изнеженной жизнью в «дамском обществе». Около 1400 г. новые греческие орды — на этот раз ахейцы — вторглись на юг Эгеиды. Они принесли преждевременную смерть процветавшему Криту, но потом тоже не удержались от соблазнов и дали испортить себя ассимиляцией с местным населением. Господство ахейцев было сокрушено поэтому новыми пришельцами — сохранившими расовую чистоту и воинскую доблесть дорийцами.

Не было недостатка в попытках подкрепить эти общие построения соответствующей интерпретацией археологического материала. Так, Георг Каро (до того как он рассорился с фашистами) в обоснование тезиса о покорении Южной Греции «нордическими» племенами ахейцев ссылается на инвентарь древнейших микенских гробниц: находки оружия в так называемых шахтовых гробницах доказывают, по его мнению,

³² *Bethe E.*: 1) Troja. Mykene, Agamemnon und sein Grosskönigtum. — «Rheinisches Museum», Bd. 80, 1931, S. 218—236; 2) Tausend Jahre altgriechischen Lebens. (Mykene, Sparta, Milet, Athen, Alexandria). München, 1933; 3) Mykene und Kreta. — «Forschungen und Fortschritte», 1934, 10, S. 140.

«ярко выраженный мужской характер» микенских греков³³. Принадлежность носителей микенской культуры к «нордической расе» Каро и сотрудничавший с ним Э. Фишер пытались обосновать и антропологически, исследуя золотые маски и останки костей погребенных в шахтовых гробницах³⁴. Свою лепту в обоснование искомого различия между северной, «германо-греческой», и южной, «иллирийской», культурами внес и Карл Шуххардт, в прошлом видный исследователь эгейской культуры, а затем, при фашизме, столь же крупный ее фальсификатор³⁵. По Шуххардту, керамика с веревочным орнаментом и квадратный дом мегароновидного типа являются безусловными атрибутами северной культуры, а спиралевидный орнамент и круглая хижина — столь же верными признаками южной. Опираясь на эти будто бы твердо установленные показатели, Шуххардт рисует фантастическую картину постепенного продвижения индогерманских племен на юг и их контактов с иллирийцами. Различив таким образом археологические культуры, Шуххардт сумел столь же четко расчленить по расовому признаку и Гомера. В «Илиаде», по его мнению, выступают подлинные герои, истинные паладины германо-греческого типа, тогда как в «Одиссее» главное действующее лицо являет собой совершенно иной расовый тип — хитрого, но по существу трусливого иллирийца.

Противопоставление индогерманского севера неарийскому югу и востоку, а затем «чистых» и «здоровых» дорийцев — «рассеверившимся» ионийцам и ахейцам легло в основу трактовки фашистскими историками и собственно греческой истории. Показательна была при этом идеализация дорийской Спарты, особенно ярко проявившаяся в работах Г. Берве и Т. Леншай³⁶. В касте спартиатов нацистская историогра-

³³ *Karo G.*: 1) Die Schachtgräber von Mykenai. München, 1930—1933; 2) Mykenai. RE, Bd. XVI, Hbbd. 31, 1933, Sp. 1015—1027; 3) Mykenische Kultur. RE, Supplementbd. VI, 1935, Sp. 584—615; 4) Tiryns. RE, 2. Reihe, Bd. VI, Hbbd. 12, 1937, Sp. 1453—1467.

³⁴ *Fischer E.* Anthropologische Bemerkungen zu den Masken. In: Karo G. Die Schachtgräber von Mykenai, S. 320—331.

³⁵ *Schuchhardt C.*: 1) Alteuropa. Kulturen, Rassen, Völker. 3. Aufl., Berlin—Leipzig, 1935; 2) Alte Sagenzüge in der homerischen Archeologie und Geographie. — SB Berlin, 1935, Nr. X, S. 186—202.

³⁶ *Berve H.*: 1) Griechische Geschichte, Bd. I—II, Freiburg i. B., 1931—1933; 2) Sparta. («Meyers Kleine Handbüchen», 7) Leipzig, 1937; Lenschau Th. Die Entstehung des spartanischen Staates. — «Klio», Bd. 30, 1937, S. 269—289. Критический разбор — Лурье С. Я. О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты. — ВДИ, 1939, № 1, с. 99 слл.

фия видела чистый нордический элемент, подлинную расу господ, а в полицейском режиме Спарты — идеальное воплощение тоталитарного государства. Поэтому спартанцы и Спарта беззастенчиво наделялись всеми превосходными качествами: превозносилась непревзойденная мужественность спартиатов, явно нордического происхождения и типа; подчеркивались особенные заслуги спартанцев в защите национального дела греков, в частности, в греко-персидских войнах; восхвалялась несравненная гармоничность социально-политического строя Спарты, где не было тлетворной демократии, где рабы знали свое место, а господствующая группа была сплочена сознанием общности своих интересов и общию же верою в своих вождей.

Наряду с расовой проблемой и темой тоталитарного государства тема вождей также была одной из излюбленных в фашистской историографии. В частности, у Г. Берве она нашла выражение в работах, посвященных истории Афин времени высокой классики³⁷. Берве доказывал, что социально-политическое развитие Афин на рубеже VI—V вв. до н. э. определялось ведущей ролью знатных лидеров, стоявших вне и над полисом. Не гражданская община, которая как суверенное целое будто бы не существовала вплоть до времени Перикла, а аристократическая сверхличность, не интересы социальных групп и классов, а воля к власти могучих владык, — вот что, по Берве, определяло физиономию Афин того самого времени, когда, по современным представлениям, закладывались основы афинской демократии. Классическим образцом аристократического лидера Берве считает Мильтиада. Последнему в трудную годину войны с персами без труда удалось повести за собой всю массу граждан, ибо «только что принятый в государство демос был слишком юн в своих стремлениях, так что решающими для его позиции были не собственные материальные интересы и не великие политические цели, которых он еще не мог постичь, а воодушевляющий образ ведущей личности»³⁸. Лишь постепенно, указывает

³⁷ *Berve H.*: 1) *Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkrige*. — «Die Antike», Bd. 12, 1936, S. 1—28; 2) *Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit*. («Hermes-Einzelschriften», 2) Berlin, 1937; 3) *Perikles*. («Leipziger Universitätsreden», 2). Leipzig, 1940. Критический разбор — *Kluwe E.* *Das Problem von Einzelpersönlichkeit und athenischem Staat in der modernen Literatur*. — «Klio», Bd. 57, 1975, H. 2, S. 480—483.

³⁸ *Berve H.* *Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkrige*, S. 12.

Берве, гражданская община прониклась сознанием своей суверенной силы и, введя остракизм и распространив выборы по жребию также и на архонтов, смирила гордыню аристократов и — как это было с Кимоном и Периклом — заставила их раствориться в полисе.

Менее тенденциозные, более выдержанные в академическом духе штудии можно обнаружить по истории эллинизма. Известный интерес представляет, например, работа Альфреда Хейса «Город и властитель эпохи эллинизма в их государственно- и международно-правовых отношениях» (A. Heuss. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen («Klio — Beiheft» 39). Leipzig, 1937), где, однако, неверный акцент на чисто внешней юридической стороне дела привел автора к парадоксальному, противоречащему действительному положению вещей, утверждению, что греческие полисы в системе эллинистических монархий обладали подлинной политической самостоятельностью. Более ценной является работа Германа Бенгтсона «Стратегия в эллинистическое время» (H. Bengtson. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit, Bd. I—III [Münchener Beiträge zum Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, H. 26, 32, 36]. München, 1937—1952), фундаментальное исследование, важное для понимания военных основ власти эллинистических правителей и их администрации.

По истории республиканского Рима наиболее значительными были работы Франца Альтгейма «Эпохи римской истории» (F. Altheim. Epochen der römischen Geschichte, Bd. I—II, Frankfurt a. Main, 1934—1935)³⁹, «Lex sacrata», с подзаголовком «Начало плебейской организации» (Die Anfänge der plebeischen Organisation. Amsterdam, 1940)⁴⁰ и «Италия и Рим» (Italien und Rom, Bd. I—II, Amsterdam—Leipzig, 1941). В первой из них автор старается дать новую периодизацию римской истории; исходными моментами при этом служат шпенглеровские представления об особом духовном начале каждого культурно-исторического цикла и о двух стадиях его развития — стадии роста и стадии упадка. Эти шпенглеровские положения Альтгейм дополняет собственными идеями о формировании нового исторического начала в связи с изменениями внешней обстановки и о провиденциальной роли

³⁹ Рец.: Бергер А. К. — ИМ, 1937, № 1, с. 171—174.

⁴⁰ Рец.: Утченко С. Л. — ВДИ, 1947, № 1, с. 123—126.

великой личности. В итоге римская история времени Республики подразделяется на следующие 4 эпохи:

I — от начала исторического бытия Рима до нашествия галлов (390 г. до н. э.), когда определяющим фактором было растущее взаимодействие с греческим миром.

II — от нашествия галлов до конфликта с Тарентом (390—280), или подготовительная эпоха.

III — от конфликта с Тарентом и Пирром до разгрома Македонии (280—168), когда определяющим началом вновь стало активное взаимодействие — более того, противоборство — с греческим миром.

IV — после 168 г., или кризисная эпоха, когда решающим фактором стали столкновения с окраинными, варварскими народами.

Первые три эпохи соответствуют, по Альтгейму, стадии роста. В эту пору решающим для Рима фактором развития было взаимодействие с греческим миром, от которого он унаследовал идею мирового господства. В четвертую эпоху Рим вступает в стадию упадка. При этом определяющим вновь выступает у Альтгейма внешний фактор — столкновения с молодыми варварскими народами, и лишь в зависимости от этого толкует он о внутреннем социально-политическом кризисе Рима. В этой именно точке развивает Альтгейм шпенглеровскую схему в ярко выраженном нацистском духе, говоря о выступлении сверхличности: «В той мере, в какой нация как целое перестает быть носительницей исторических событий, в какой она сама себя расхищает и разлагается на массу столичного населения, — в такой же мере освобождается место для великого единственного. Он с этих пор делается судьбой народа и государства»⁴¹.

В другой своей работе — «*Lex sacrata*» — Альтгейм занимается решением более частного вопроса о происхождении плебейской организации. Он ищет параллели в развитии социально-политических форм Рима и остальной Италии и в обычае италиков скреплять свои военные предприятия священной присягой (*Lex sacrata*) видит исходную точку для суждения о происхождении и характере плебейской организации. Плебс, согласно Альтгейму, никогда не составлял в Риме особой гражданской общины. Объединение плебеев было прежде всего военной организацией, возникшей по образу древ-

⁴¹ Цит. по: Бергер А. К. Указ. рец., с. 173.

нейших италийских военных объединений, и, как и эти последние, освящалась и скреплялась она священной клятвой. Соответственно решается вопрос и о плебейском трибунате. Альтгейм отвергает мнение Эд. Мейера, что плебейские трибуны были представителями четырех триб, и вслед за Моммзеном считает, что должность их возникла по образцу военных трибунов (*tribuni militum*), поскольку они были именно военными представителями плебеев. Работа Альтгейма интересна стремлением решать вопросы социально-политического развития Рима в связи и по аналогии с развитием остальной Италии. Однако выводы автора не бесспорны. В частности, возникает вопрос, как могли италийские священные союзы стать образцом для римских плебеев, если первое известие о подобном союзе у италиков относится к 432 г., а возникновение самостоятельной организации римских плебеев — к значительно более раннему времени, к 471 или даже 494 г. до н. э.

Работа Альтгейма о происхождении плебейской организации написана в академической манере; известное сохранение академических традиций можно констатировать также и на примере исследований о римском принципате. Здесь наиболее значительным явлением была монография А. Премерштейна «О становлении и сущности принципата» (*A. Premerstein. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937*)⁴². На большом историческом материале Премерштейн убедительно показал, как умело использовал Август традиционные доктрины (стоицизм), установления (патронат и клиента) и нормы («авторитет» — *auctoritas*) для освящения своей власти. Особое внимание Премерштейн обратил на *auctoritas* Августа. Врученная ему сенатом, эта *auctoritas* как бы легализовала его исключительное положение в государстве. Не признавая моммзеновской концепции диархии, сильнее оттеняя монархическое существо принципата, Премерштейн полностью сохранял выводы Моммзена о юридических основаниях власти Августа — проконсульской империи (*imperium proconsulare*) и трибунских полномочиях (*tribunicia potestas*), но к этим двум он добавил третье — особенный «авторитет», воспринятый Августом от сената.

Работа Премерштейна, как и труды Моммзена, Гардтхаузена и Мейера, не выходила из круга формально-юридических штудий и в этом был ее существенный недостаток. Все же на

⁴² Критическая оценка — *Машкин Н. А. Указ. соч., с. 359—361.*

фоне общего упадка науки в фашистской Германии солидное исследование Премерштейна было положительным явлением. По той же теме принципата Августа тон задавали такие выдержанные в нацистском духе эссе, как очерк Г. Берве «Император Август» (H. Berve. Kaiser Augustus. Leipzig, 1934) или книга В. Вебера «Принцепс» (W. Weber. Princeps. Studien zur Geschichte des Augustus. Stuttgart-Berlin, 1936). В этих работах Август прославляется как совершенный тип властителя, причем у Вебера героизация Августа доходила до того, что в его «Завещании» он видел подлинный религиозный памятник, сущее творение новоявленного божества.

Вообще одним из ведущих типов исследования стали просопографические штудии. Их развитию, безусловно, содействовал исповедуемый нацизмом культ героев. Со вниманием изучались биографии выдающихся политиков, полководцев и императоров, чья воля будто бы творила историю. При этом любимые герои вроде Цезаря или Августа подавались в совершенно апологетическом плане, как идеальные вожди, соединявшие высокое личное честолюбие с заботами о благе римской державы и неизменно пользовавшиеся симпатиями своих солдат. Характерный пример такого рода работ — неоднократно переиздававшаяся и по-своему небесполезная монография М. Гельцера о Юлии Цезаре (M. Gelzer. Caesar, der Politiker und Staatsmann), которая до сих пор остается наиболее обстоятельной книгой о Цезаре в западной буржуазной историографии. Можно указать также на ряд других посвященных Цезарю работ⁴³. Все они, как правило, выдержаны в апологетическом духе; единственное исключение в этом плане — книга Г. Штрасбургера, где Цезарь представлен гениальным авантюристом-неудачником (H. Strasburger. Caesars Eintritt in die Geschichte. München, 1938). Однако по существу и она тоже являет собою пример индивидуализирующего этюда, где в центре внимания стоит исключительно личность, и лишь успехи этой личности оцениваются иначе, чем в большинстве других работ.

В русле просопографического направления стоят также работы, посвященные карьере выдающихся современников

⁴³ Vogt J. Caesar und seine Soldaten. — «Neue Jahrbücher», 1940, H. 4, S. 120—135; Wickert L. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Augustus. — «Neue Jahrbücher», 1941, H. 1, S. 12—23; Gelzer M. Caesar. — In: Das Neue Bild der Antike, Bd. II, Leipzig, 1942, S. 188—199; Wiltrich H. Cicero und Caesar. Zwischen Senatsherrschaft und Gottkönigtum. Cöttingen, 1944.

Цезаря — Помпея и Цицерона, причем и здесь выделяются своей основательностью штудии М. Гельцера⁴⁴. Равным образом и книга Ф. Альтгейма «Солдатские императоры», посвященная римской истории более позднего времени, несет на себе отчетливую печать этого подавляющего интереса к личности (F. Altheim. Die Soldatenkaiser. Frankfurt am Main, 1939). Сводя сплошь и рядом политическую историю Римской империи к деятельности отдельных императоров, Альтгейм вместе с тем придает большое значение этнической принадлежности правителей и в участвовавших случаях прихода к власти императоров «неримской крови» видит едва ли не важнейший симптом и фактор упадка Римского государства. Подчеркивание одновременно личностного и расового моментов делает эту книгу Альтгейма ярким образцом историографии, шедшей в русле нацизма.

II. Период с 1945 до 1975 гг.

Итогом второй мировой войны был полный военный разгром гитлеровской Германии, а вместе с тем крах нацизма как политического направления и доктрины. Немецкий народ освободился от чудовищной опеки фашизма. Однако страна оказалась расколотой и последующее историческое развитие пошло разными путями: между тем как на востоке страны образовалось социалистическое государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика, Западная Германия осталась в лагере капитализма. Здесь по инициативе и при поддержке западных держав летом 1949 г. возникла Федеративная Республика Германия, скоро ставшая образцовой страной капиталистического мира, с провозглашенными, но не гарантированными свободами и действительным господством крупного монополистического капитала.

Развитие немецкой буржуазной историографии в послевоенной Западной Германии, а затем в ФРГ, характеризовалось стремлением возродить традиционные научные направления, уничтоженные или заглушенные во времена нацизма⁴⁵.

⁴⁴ Gelzer M.: 1) Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus. Abh. Preuss. Akad., 1941, Nr. 14; 2) Der erste Konsulat des Pompeius und die Übertragung der grossen Imperien. Abh. Preuss. Akad., 1943, Nr. 1.

⁴⁵ См.: Momigliano A. Studies in Historiography. L., 1966, p. 223—224.

Показателен был в этом отношении вновь пробудившийся интерес к творчеству крупнейших представителей немецкого историзма Л. Ранке, И. Г. Дройзена, Т. Моммзена, Я. Буркхардта, нашедший выражение в публикации всевозможных мемуаров и эссе об их жизни и деятельности.

Общее оживление экономической, социальной и культурной жизни сопровождалось возрождением в полном объеме университетского преподавания и научных исследований в области всеобщей, и в частности античной истории⁴⁶. Возрождаются или возникают заново крупные антиковедные центры при западногерманских университетах в Бонне, Гейдельберге, Геттингене, Мюнхене, Тюбингене и др., а также при Баварской, Гейдельбергской, Геттингенской Академиях наук и при вновь открытой в 1949 г. в Майнце Академии наук и литературы. Возобновляется издание традиционного ведущего органа немецкой буржуазной историографии «Исторического журнала» («Historische Zeitschrift») и менее традиционного и уже не отвечавшего духу времени — «Мир как история» («Die Welt als Geschichte»). Последний спустя несколько лет прекратил свое существование, зато появился новый журнал по всеобщей истории, ставший скоро, по оценке западных специалистов, «наиболее живым и оригинальным журналом послевоенной германской историографии» — «Saeculum» (издается в Фрейбурге с 1950 г.)⁴⁷. Вновь начинают выходить журналы, издавна специализировавшиеся по классической филологии — «Рейнский музей филологии» («Rheinisches Museum für Philologie»), «Филолог» («Philologus»), «Гермес», — а также журнал критических обзоров и аннотаций по антиковедению «Гномон». К ним добавляется новый, специально посвященный проблемам древней истории журнал «Historia» (с 1950 г.). В широких масштабах возобновляется публикация специальных диссертаций и книг по античной истории, равно как и ставшая традиционной для немецкой науки XX в. работа по переизданию «Реальной энциклопедии науки о классической древности» Паули и «Руководства по науке о древности» Мюллера. Печатная продукция ФРГ по темам античной истории непрерывно растет, и можно сказать, что к настоящему времени немецкое буржуазное антиковед-

⁴⁶ Об организационных основах западногерманской науки истории подробнее см.: Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, с. 8 слл.

⁴⁷ Momigliano A. Op. cit., p. 224.

ние выходит на один уровень с антиковедением Франции, Англии и США.

В бурном потоке специальной исследовательской и научно-популярной литературы ФРГ причудливо переплетаются самые различные направления. Наряду с отголосками старой нацистской историографии, представители которой, найдя приют в ФРГ, не собираются сдавать свои позиции без боя, набирают силу академические штудии, отталкивающиеся от разнообразных философских посылок идеализма, иррационализма или позитивизма, но при всем этом характеризующиеся высоким техническим уровнем и глубиной затрагиваемых проблем. Наряду с продолжающимся и углубляющимся кризисом буржуазного историзма, не способного дать научно обоснованное, убедительное истолкование проблем античной истории, возникают под воздействием прогрессивных идеологических течений, в частности и марксизма, более жизнеспособные научные направления, концентрирующие внимание на исследовании социально-экономической структуры античных обществ и проблем взаимодействия и видоизменения древних цивилизаций. Немецкая буржуазная историография вновь переживает мучительный процесс переоценки ценностей; идейная пестрота, чересполосица влияний, отсутствие устойчивого философского критерия составляют характерную черту современной немецкой буржуазной историографии античности.

Обращаясь к более конкретной характеристике отдельных направлений, начнем с того, которое мы выше определили как отголосок нацистской историографии. Это направление и поныне сохраняет устойчивые позиции в антиковедении ФРГ. Для примера можно сослаться на уже знакомые имена Э. Корнемана, Г. Берве, М. Гельцера.

Эрнст Корнеман закончил свой жизненный путь в 1946 г., а два года спустя, посмертно, было опубликовано его итоговое произведение «Всемирная история Средиземноморья от Филиппа II Македонского до Мухаммеда» (E. Kornemann. Weltgeschichte des Mittelmeerraumes von Philipp II. von Makedonien bis Muhammed, Bd. I—II, München, 1948—1949)⁴⁸. Корнеман рассматривает историю античного Средиземноморья как первый этап в формировании того культурно-исторического единства, которое обозначается понятием Европа. Самое это понятие Корнеман определяет, исходя из историко-

⁴⁸ Рец.: *Немировский А. И.* — ВДИ, 1952, № 4, с. 115—121.

философских установок О. Шпенглера. Европа — это некое геополитическое целое, складывавшееся на протяжении примерно 1500 лет. Первоначально, в античную эпоху, пределы Европы ограничивались средиземноморской зоной, затем, в период поздней античности, в европейский круг включается Потамическая, или Дунайская зона, а с IX в. н. э. и самая северная — Балтийская. Носителями европейской цивилизации были отнюдь не все вообще народы, населявшие европейский материк, а лишь «ведущие» народы индо-германской расы: сначала греки и иранцы, а затем римляне и, наконец, германцы. В отличие от некоторых других европоцентристов Корнеман включает иранцев в круг «творческих» европейских народов, но отказывает в праве быть активными европейцами славянам.

Историческое развитие Европы всецело определялось, согласно Корнеману, творческим духом и взаимодействием названных «ведущих» народов. У колыбели европейской цивилизации стояли эллины и персы, но настоящая история Европы начинается лишь с выступления Македонии, которая впервые осуществила взаимодействие народов-творцов — греков и иранцев. В соответствии с преимущественной ролью отдельных европейских народов и их вождей Корнеман подразделяет последующую европейскую историю времени античности на 3 периода. Первый, от 359 до 168 г. до н. э., он называет «мировым господством македонян», второй, со 145 г. до н. э. до 305 г. н. э., — «мировым господством римлян», а третий, с 305 и до 640 г., обозначается как «поздняя античность», с подзаголовком «Новый Рим и Новая Персия».

Решающими факторами истории оказываются у Корнемана не объективные законы общественного развития, а «творческий дух» избранных народов и провиденциальная миссия их вождей. Так, рождение Европы связывается с выступлением Македонии, а самое достижение македонянами мирового господства объявляется результатом политического творчества их царей Филиппа и Александра. Что здесь мы имеем дело с излюбленными идеями нацистской историографии — это понятно и без дальнейших разъяснений. Надо, однако, подчеркнуть особое значение европейской концепции Корнемана в условиях послевоенного времени. Когда Корнеман выпячивает культурно-историческое своеобразие Западной Европы, когда он объявляет греков, римлян, иранцев и германцев преимущественными носителями идеи Европы, а самую эту идею — ведущей чертой западной цивилизации

вплоть до наших дней, когда, наконец, в крушении третьего германского рейха он видит угрозу существованию европейскому миру, а единственным средством спасения этого мира провозглашает создание замкнутого европейского сообщества типа Соединенных Штатов Европы, — во всем этом находит выход реакционная, по существу антисоветская подоплека общеисторических построений маститого немецкого антиковеда.

После войны в Западной Германии дважды издавалось собрание принципиальных докладов и эссе Г. Берве под многозначительным заглавием «Формирующие силы античности» (H. Berve. *Gestaltende Kräfte der Antike*. München, 1949; 2, stark erweiterte Auflage, 1966)⁴⁹. Берве исходит из представления о свойственном народам классической древности особом духовном начале; у греков это — неустанное стремление к первенству, вечное состязание между собой и с другими ради победы (статья «Об агональном духе греков»). Формирующими силами античности оказываются эти исконные духовные начала, их воплощения — религиозные и политические институты древних, их наиболее яркие носители — политические лидеры, наделенные чертами героев (афинские аристократы Клисфен, Мильтиад, Перикл, греческие тираны, македонский царь Александр, римские императоры Сулла и Август).

Самым главным результатом творческих усилий античности Берве считает — в точности, как и Корнеман — выработку и воплощение идеи Европы (статья «Понятие Европы в античности»). Берве утверждает исконную противоположность Запада и Востока, Европы и Азии. Европейское самосознание греков окончательно сложилось в IV в. до н. э., но тогда же завоеванием азиатского Востока они вошли в опасное для западных народов соприкосновение с восточными культурами, утратили чистоту европейского духа, вследствие чего носителями идеи Европы в дальнейшем выступили римляне. Борьбу Рима с Карфагеном и Понтийским царством Митридата Берве изображает как борьбу с восточной опасностью, восточные походы Помпея и Цезаря объясняет свойст-

⁴⁹ Критическая оценка — *Немировский А. И.* Вопросы истории древнего Рима в современной западногерманской историографии. — ВИ, 1954, № 12, с. 127—128.

венным римским полководцам «чувством ответственности за судьбы Европы», а в Августе, который победой над Антонием и консервативной гражданской политикой предупредил якобы угрожавшее Риму вырождение в восточном духе, видит непревзойденного строителя основ, на которых западному миру суждено было простоять долгие столетия.

Вошедшие в сборник «Формирующие силы античности» статьи Берве носят скорее публицистический, чем исследовательский характер; их тенденциозная политическая направленность очевидна. Большое научное значение имеют специальные просопографические штудии Берве, сосредоточенные на его излюбленной теме — авторитарном выступлении сверхличности в истории. Если в начале своего научного пути Берве рассматривал эту тему на примере македонского царя Александра, то теперь, несомненно под впечатлением судьбы гитлеровского режима, объектом особенного изучения он избрал греческую тиранию. Этому сюжету посвящены многочисленные отдельные этюды Берве о сицилийских Дейноменидах, о Дионе, Агафокле, Гиероне II и, наконец, большой сводный труд «Тирания у греков» (H. Berve. Die Tyrannis bei den Griechen, Bd. I—II, München, 1967). Этот труд представляет несомненную научную ценность, в особенности максимально полным учетом и анализом источниковедческой традиции и подробным изложением биографий отдельных тиранов. Однако сосредоточение внимания исключительно на личности, практически почти полное игнорирование социально-экономических условий и закономерностей исторического развития в ту или иную эпоху лишают книгу Берве теоретического значения, в особенности в том, что касается причин возникновения и исторической роли древнегреческой тирании.

Сказанное о Берве в полной мере приложимо и к другому столпу буржуазной просопографии М. Гельцеру. В послевоенный период он, помимо очередных переизданий книги о Цезаре (последнее, 6-е издание, вышло в 1960 г.), подготовил и опубликовал итоговый труд о Помпее (M. Gelzer. Pompeius. München, 1949) и две монографии о Цицероне (Cicero und Caesar. Wiesbaden, 1968; Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969), все отмеченные исключительным вниманием к личности и игнорированием социальной обусловленности ее творчества.

В противовес обанкротившемуся нацистскому направлению в послевоенное время в немецкой буржуазной историографии вновь ширятся исследования традиционного академи-

ческого типа, стремившиеся продолжить линии классического историзма. Показательно, что оба новых стандартных обзора по греческой и римской истории, изданные в рамках «Руководства по науке о древности», принадлежали перу Г. Бенгтсона, ученого, который никогда не был близок к фашизму. «Греческая история» Бенгтсона вышла первым изданием в 1950 г. (H. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1950)⁵⁰. Добротное фактическое изложение, осторожность и трезвость в оценке новейших концепций, богатство источниковедческих и историографических указаний как в специальных вступительных очерках к отдельным разделам, так и в подстрочных примечаниях сделали книгу Бенгтсона незаменимым пособием для всех, кто занимается историей древней Греции. Книга имела большой успех и выдержала уже ряд переизданий (последнее, 4-е издание вышло в 1969 г.).

Однако книга Бенгтсона, при всех своих достоинствах, не свободна от ряда серьезных недостатков. Так, библиографические указания автора, хотя и обильны, все же страдают односторонностью: во внимание принимаются прежде всего и главным образом работы немецких ученых, благодаря чему складывается неверное представление о подавляющем превосходстве германского антиковедения. Впрочем, если работам англо-американских, французских или итальянских исследователей уделено еще какое-то внимание, то труды русских и советских историков совершенно не учтены, как будто их и не существует.

Далее, историческая концепция автора исходит из представления о саморазвитии государственных форм, вне связи с изменениями социально-экономических условий и развитием классовой борьбы. При этом переход от автономного полиса к территориальной монархии расценивается Бенгтсоном как безусловно прогрессивный шаг. Для позиции Бенгтсона характерна идеализация монархической формы, а вместе с тем и ее идеологов и создателей — Исократ, Филиппа и Александра. В государстве Александра Бенгтсон видит абсолютную монархию, прообраз будущих западных монархий, а венцом развития античной государственности он считает римское единовластие. Показательно даже самое распределение материала: периоду классического полиса уделено в труде

⁵⁰ Рец.: Каждан А. П. — ВДИ, 1953, № 1, с. 137—142.

Бенгтсона гораздо меньше места, чем времени эллинизма и римского владычества.

Все это, разумеется, не случайно. Невнимание к характеру экономического развития, игнорирование классовой борьбы, односторонний упор — в традициях немецкой государствено- и правоведческой школы — на саморазвитии политических форм, более или менее завуалированная антипатия к демократии и откровенная идеализация монархии, наконец, тенденциозный националистический и политический отбор литературы — все это надо рассматривать как проявление глубоко укоренившихся в немецкой буржуазной историографии реакционных тенденций, восходящих — через полосу нацизма — к незапамятным временам классического германского антиковедения, развивавшегося в русле пангерманских и монархических настроений.

В том же духе, что и «Греческая история», составлено и другое пособие Бенгтсона — «Очерк римской истории вместе с источниковедением» (H. Bengtson, *Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde*, Bd. I, München, 1967). Правда, изложение здесь доведено лишь до времени Диоклециана (до 284 г.); продолжение — специальный том по истории поздней Римской империи — подготавливается другим западногерманским историком К. Ф. Штроекером.

Стремление дать новую академическую интерпретацию античной истории нашло свое выражение не только в монографических обзорах Г. Бенгтсона, но и в коллективных трудах, в частности в соответствующих разделах таких больших пособий по всемирной истории, как 10-томная «*Historia Mundi*», издававшаяся в Берне с 1953 г., и 35-томная «*Всемирная история*», публиковавшаяся издательством Фишера во Франкфурте-на-Майне с 1965 г. («*Fischer Weltgeschichte*»). Строго говоря, это — международные предприятия. Авторские коллективы в каждом из этих изданий включают ученых разных стран, однако доля немецких ученых весьма значительна, а самая инициатива и общая редакция целиком принадлежат немецкой стороне.

Разделы по древней истории в обоих пособиях не лишены известной ценности: они содержат связанное изложение основных фактов древней истории, учитывают результаты новейших открытий и преподносят материал в доступной для широкого читателя форме. Вместе с тем им присущ обычный недостаток такого рода пособий — неравномерность изложения и неравноценность отдельных частей в научном отноше-

нии. Так, например, в IV томе «Historia Mundi», где дается обзор времени Римской мировой державы⁵¹, наряду с основательным, несмотря на известный модернизаторский уклон, разделом по социально-экономической истории Рима (автор Ф. Гейхельгейм) есть не просто слабые, а совершенно антинаучные главы о первоначальном христианстве, написанные с позиций архаического ортодоксального клерикализма (автор Е. Штауфер).

Но главным пороком обоих изданий оказалась полная неспособность их авторов дать убедительную общую концепцию античности с позиций традиционного буржуазного академизма, игнорирующего своеобразие социально-экономического развития древности, недооценивающего или вовсе не признающего особенной роли рабства и значения классовой борьбы. Научная несостоятельность этого направления в какой-то момент стала ощущаться и частью самих буржуазных ученых, и не без влияния передовых, марксистских концепций и методологии всемирной истории были предприняты попытки вдохнуть новую жизнь в обветшавшие академические штудии.

С начала 50-х годов группа западногерманских антиковедов во главе с тюбингенским профессором Иозефом Фогтом обратилась к разработке темы рабства. Побудительным стимулом к этому явились, как признавал сам Фогт, достижения советской исторической науки, много уже успевшей сделать в плане изучения этой кардинальной для античности темы. Отчасти в целях восполнения обнаружившихся пробелов по теме рабства в западной историографии, а еще больше из стремления дать бой марксизму, так сказать, в его же собственном доме и таким образом проверить и опровергнуть основные построения марксистской историографии, Фогт и его сотрудники на протяжении ряда лет выпустили целую серию работ по рабству. Сначала эти работы печатались в Трудах Майнцской Академии наук и литературы («Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz»), а позднее они стали выходить в виде выпусков специальной серии «Исследования по античному рабству» («Forschungen zur antiken Sklaverei»), которую стала издавать Комиссия по древней истории той же Майнцской Академии. Всего к середине 70-х годов было опубликовано около полутора десятка специальных исследований, в том числе не-

⁵¹ Ред.: Ковалев С. И. и Немировский Л. И. — ВДИ, 1957, № 4, с. 167—174.

сколько работ самого Фогта, а также систематическая «Библиография по античному рабству», насчитывающая свыше 1700 номеров (J. Vogt. — N. Brockmeyer. Bibliographie zur antiken Sklaverei. Bohum, 1971) ⁵².

Работы семинара Фогта неодинаковы по своему характеру и направлению: одни, как штудии самого Фогта, носят характер теоретических или историографических эссе ⁵³, другие — таких большинство — являются монографиями аналитического плана; одни имеют в виду позитивное исследование темы, другие ориентированы прежде всего на полемику с марксистской историографией.

Из работ, носящих скорее позитивный характер, заслуживают быть отмеченными монография Гизелы Микнат «Исследования о плене и рабстве в греческой истории», где детально рассмотрен вопрос о рабстве военнопленных по данным гомеровского эпоса (G. Micknat. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte, Tl. I, Mainz—Wiesbaden, 1954) ⁵⁴, и работа Г. Шантрена «Вольноотпущенники и рабы на службе римских императоров», где собран и систематизирован богатый материал, преимущественно эпиграфический, иллюстрирующий различные категории зависимых слугителей в императорской администрации до середины III в. (H. Chantraine. Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser. Wiesbaden, 1967) ⁵⁵.

Примерами работ, небеспольных изучением отдельных вопросов античного рабства, но подчиненных тенденциозной установке неопровержения основных марксистских положений, могут служить монографии Зигфрида Лауффера «Рабы лаврийских рудников» (S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureion, Tl. I—II, Wiesbaden, 1955—1956) ⁵⁶ и Франца Кихле «Рабский труд и технический прогресс в Римской империи» (F. Kiechle. Sklavenarbeit und technischer

⁵² Рец. на эту библиографию: Смирин В. М. — ВДИ, 1974, № 2, с. 221—225.

⁵³ Важнейшие работы Фогта по теме античного рабства собраны в кн.: Vogt J. Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung («Historia-Einzelschriften», 8). Wiesbaden, 1965. — Рец.: Ленцман Я. А. — ВДИ, 1967, № 3, с. 123—127.

⁵⁴ Рец.: Ленцман Я. А. — ВДИ, 1956, № 2, с. 107—111.

⁵⁵ Рец.: Штаерман Е. М. — ВДИ, 1970, № 1, с. 167—171.

⁵⁶ Рец.: Глускина Л. М. — ВДИ, 1959, № 3, с. 181—191.

Fortschritt im Römischen Reich. Wiesbaden, 1969) 57. В первой в идеализированном виде представлены условия труда афинских рабов в рудниках Лаврия, опровергается вполне обоснованное представление о жестокой эксплуатации рабов в древности. Лауффер всерьез доказывает, что у рабов в экономическом отношении были даже преимущества перед свободными рабочими, ибо им были гарантированы занятость и материальное обеспечение. В существовании культовых союзов, куда входили рабы, автор видит свидетельство «ошибочности представления об изнурительном труде, не оставлявшем места для других интересов». На этом основании он даже говорит о лучшем положении античных рабов по сравнению с условиями труда рудничных рабочих в средние века и в новое время, когда трудящиеся лишь в результате долгой борьбы добились права устраивать собственные союзы. Автор не хочет видеть того, что культовые объединения были для афинских рабов отдушиной, которую, как вполне безвредную, допускали для них и античное государство, и их собственные хозяева, тогда как союзы рабочих нового времени были завоеванной ими формой объединения, исходной точкой для развития организованного наступления на капитал.

Борется с марксизмом и Ф. Кихле. Тенденциозно подбирая материал, иллюстрирующий известный технический прогресс в римском ремесле в последний век Республики и в первые два века Империи, то есть в эпоху продолжающегося господства рабства, он делает вывод о несостоятельности марксистского тезиса о том, что рабство было главным тормозом технического прогресса в древности. Он обходит вопросы о характере и пределах этого прогресса, затрагивавшего лишь избранные отрасли производства (например, строительное дело), да и здесь не устранившего совершенно ручной труд и соответствующую примитивную технологию. Он оставляет в стороне главную отрасль античной экономики — сельское хозяйство, где технический прогресс именно в силу господства рабского труда практически отсутствовал, и умалчивает о судьбе многих технических изобретений, которые так и не нашли себе применения в основанной на рабстве экономике античного мира.

Как бы то ни было, изданная в Западной Германии серия работ об античном рабстве, как и осуществленный по инициативе все того же Фогта перевод на немецкий язык неко-

⁵⁷ Рец.: Арнольдт А. К. — ВДИ, 1974, № 2, с. 210—221.

торых советских исследований на эту же тему, показывает известную, хотя и крайне непоследовательную, переориентацию буржуазного академического антиковедения под воздействием современных передовых научных направлений.

Менее оригинальными выглядят штудии западногерманских ученых по отдельным периодам античной истории. Здесь, как правило, можно наблюдать идейные рецидивы прошлого, смягченные или переработанные в духе нового времени. Показательна книга Фридриха Матца «Крит, Микены, Троя», посвященная общей характеристике эгейской цивилизации (F. Matz. Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und die homerische Welt, 3. Aufl., Stuttgart, 1957)⁵⁸. Матц широко использует результаты послевоенной дешифровки линейного письма В, привлекает данные критского, микенского и пилосского архивов об использовании рабов в дворцовом хозяйстве. В его изображении отчетливо выступают черты сходства социально-экономического и политического строя древнейшего Крита и Микенской Греции с общественными установлениями древневосточных центров. Автор, однако, допускает употребление терминов и выражений, модернизирующих древние отношения и создающих впечатление, что на Крите, например, существовало государство феодально-абсолютистского типа. Трактую о происхождении эгейской культуры, Матц воздерживается от широко распространенной ранее в немецкой науке теории индогерманской колонизации Балканского полуострова. Он признает самобытный в целом характер эгейской культуры, однако не может совершенно освободиться от миграционистских представлений и связывает происхождение отдельных культурных элементов с переселениями носителей так называемой ленточной керамики с севера и ливийцев с юга.

В работах, посвященных истории классической Греции, по-прежнему доминирует интерес к знатной элите и ее выдающимся представителям⁵⁹. Так, Ганс Шефер видит в родовой знати главного носителя национального самосознания греков и всю политическую жизнь Афин времени ранней классики, начиная с Клизфена, объясняет соперничеством и борьбой за

⁵⁸ Рец.: Ельницкий Л. А. — СА, 1959, № 1, с. 310—312.

⁵⁹ Подробнее см.: Kluwe E. Op. cit., S. 489—493.

власть знатных родов и знатных лидеров⁶⁰. По Шеферу, аристократия играла ведущую роль в жизни Афин даже во времена Перикла, ибо «аттическая демократия вплоть до начала Пелопоннесской войны еще не была государственной формой в узком смысле слова, она покоилась скорее на индивидуальном свершении какой-либо личности и на мастерском использовании известных обстоятельств»⁶¹.

Со своей стороны, Ф. Кихле доказывает, что вся жизнь Афин после отражения персов в 479 г. до н. э., в частности и строительство морской державы, направлялась согласием ведущих аристократических родов⁶². Афинский демос, с его собственными социальными и политическими интересами, играет в построении Кихле сугубо подчиненную роль. Обеспечивая материальными подачками послушность народной массы, знать правила Афинским государством совершенно самовластно до тех пор, пока Кимон своим исключительным возвышением не нарушил равенства и согласия в среде аристократов и не возбудил роковой для них внутрисословной распри.

Традиционным остается также интерес к выдающимся, «творческим личностям» времени поздней классики и раннего эллинизма. Карл-Фридрих Штроекер посвятил специальную монографию сиракузскому тирану Дионисию Старшему, в котором он видит «пионера нового времени», «видного представителя позднеклассической, предэллинистической монархии» (K. F. Stroheker. *Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus*. Wiesbaden, 1958). Работа Штроекера, безусловно, вносит свой вклад в выяснение особенностей политического развития Греции в переходный период между классикой и эллинизмом, однако нельзя не признать, что личность и свершения Дионисия заслоняют для автора несравненно более широкий исторический объект — развитие самого сиракузского общества и государства.

⁶⁰ Schaefer H.: 1) Das Problem der Demokratie im klassischen Griechentum. — In: *Studium Generale*, Bd. 4, 1951, S. 495—500; 2) Das Problem der griechischen Nationalität. — «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», Vol. II, Firenze, [1955], S. 297—373; 3) Politische Ordnung und individuelle Freiheit im Griechentum. — «Historische Zeitschrift», Bd. 183, 1957, H. 1, S. 5—22.

⁶¹ Schaefer H. Das Problem der Demokratie im klassischen Griechentum, S. 499 f.

⁶² Kiechle F. Athens Politik nach der Abwehr der Perser. — «Historische Zeitschrift», Bd. 204, 1967, S. 265—304.

Равным образом и у Ф. Альтгейма в книге «Александр и Азия» гениальная сверхличность грозит совершенно заслонить исторический горизонт (F. Altheim. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. Tübingen, 1953)⁶³. По-прежнему исходя из шпенглеровской концепции особенных культурно-исторических циклов, чье развитие определяется действием иррациональных сил, носителями которых выступают «творческие сверхличности», Альтгейм выделяет в историческом развитии древних народов две культуры — азиатскую и античную и их формирование связывает с выступлением двух провиденциальных фигур — Заратустры и Александра. Надо, однако, заметить, что изложение Альтгейма содержательнее его исходных установок; на практике он не ограничивается констатацией исторической роли Заратустры и Александра, а пытается дать общий обзор развития древних культур. Уделяя особое внимание проблеме взаимодействия греческого и иранского начал, он фиксирует элементы позитивного контакта эллинизма с зороастризмом при Александре, затем, при преемниках Александра, возрастание эллинизирующих тенденций и реакцию на них со стороны Востока, наконец, в связи с приходом в движение мира кочевников и пробуждением к активной жизни иранских народов, новое возрождение зороастризма при Сасанидах.

Особенно заметно продолжающееся воздействие идей нацистской историографии в работах западногерманских ученых по истории Рима. Здесь же мы сталкиваемся с наиболее яростными попытками опровержения марксизма, примерами чему могут служить выступления А. Хейса и М. Гельцера⁶⁴. Первый в статье «Закат Римской республики и проблема революции» пытается доказать неприменимость к античности марксистского тезиса об определяющей роли классовой борьбы на том основании, что ни одна из социальных групп, участвовавших в Гражданских войнах, за исключением разве что италиков во время Союзнической войны, не имела собственной принципиальной программы (A. Heuss. Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution. — «Historische Zeitschrift», Bd. 182, 1956, H. 1). Однако, не го-

⁶³ Критическая оценка — Бергер А. К. — ВДИ, 1959, № 1, с. 146.

⁶⁴ Разбор и оценка даются в статьях М. Л. Гаспарова: 1) Новая зарубежная литература о гражданских войнах в Риме. — ВДИ, 1959, № 2, с. 203; 2) Зарубежная литература о принципе Августа. — ВДИ, 1958, № 2, с. 222.

воря уже о сомнительности исторических указаний Хейса, — так, едва ли правомерно отрицать принципиальный характер гракханского движения, — очевидно злонамеренное искажение им марксистской теории, которая никогда не ставила классовый характер антагонизмов в зависимость от сознательной воли их участников.

М. Гельцер, в свою очередь, в рецензии (в журнале «Гномон» за 1955 г.) на труд советского историка Н. А. Машкина о принципате Августа выступает против трактовки марксистской историографией принципата как особой формы рабовладельческой диктатуры. Основанием при этом опять-таки служит ссылка на то, что никакой борьбы рабов с рабовладельцами древность не знала, а великие восстания II—I вв. до н. э. объяснялись свободолюбием обращенных в неволю варваров; они не угрожали сложившейся системе отношений, а следовательно, и не могли быть даже косвенной причиной установления императорской диктатуры.

Не социальная сущность и даже не юридическая форма привлекают теперь особенное внимание западногерманских исследователей принципата. Их интерес сосредоточивается на более абстрактной теме, на изучении понятия, идеологического обоснования и выражения императорской власти. Образцом может служить большая и по-своему бесполезная статья Л. Викерта «Принцепс» в «Реальной энциклопедии» Паули (RE, Bd. XXII, Hbhd. 44, 1954), где досконально исследуются термин и развитие понятия принцепса, но совершенно обходится стороной социально-политическая сущность принципата.

Отрицая объективный характер политических перемен в Риме, их обусловленность социально-экономическим развитием и классовой борьбой, немецкая буржуазная историография по-прежнему уделяет исключительное внимание исторической роли и свершениям отдельных выдающихся политиков. Ведется схоластический и бесплодный спор о том, в какой именно степени Юлий Цезарь был великим человеком: был ли он лишь гениальным честолюбцем, стремившимся только к личному могуществу (точка зрения Г. Штрасбургера), или же и замечательным реформатором, создателем нового порядка (мнение М. Гельцера)⁶⁵. Равным образом и в политической

⁶⁵ *Strasburger H. Caesar im Urteil der Zeitgenossen.* — «Historische Zeitschrift», Bd. 175, 1953, S. 225—264; *Gelzer M. War Caesar ein Staatsmann?* «Historische Zeitschrift», Bd. 178, 1954, S. 449—470. Критический разбор — *Гаспаров М. Л.* — ВДИ, 1959, № 2, с. 214—215.

историческая поздней Римской империи внимание исследователей привлекает прежде всего творческий вклад императоров-реформаторов — Константина и Юстиниана. Характерна в этом отношении монография И. Фогта «Константин Великий и его век» (J. Vogt. Konstantin der Grosse und sein Jahrhundert. München, 1949)⁶⁶. Внимание Фогта сосредоточено на личности Константина, которого он, безмерно идеализируя, представляет как проводника «последовательно христианской политики», как императора-спасителя, наметившего новые пути для развития Римского государства. В том же духе индивидуализирующего метода написана и работа Б. Рубина «Время Юстиниана» (B. Rubin. Das Zeitalter Justinians. Bd. I, Berlin, 1960), где история Восточной Римской Империи VI в. сведена к проблеме личных психологических мотивов и деятельности императора Юстиниана⁶⁷.

Общие черты современной западногерманской историографии в особенности хорошо проступают в подходе к двум кардинальным темам античной истории, тесно связанным друг с другом, — темам классовой борьбы и падения античности. Выше уже отмечалось отрицательное отношение Хейса и Гельцера к марксистскому положению о классовой борьбе как ведущем факторе исторического развития. Это отношение характерно для большинства современных буржуазных антиковедов⁶⁸. В одних случаях ставится под сомнение самая возможность принципиальных классовых выступлений эксплуатируемых масс. При этом ссылаются на отсутствие у рабов ярко выраженного классового сознания или на их общее якобы достаточно удовлетворительное положение, в силу чего восстания вспыхивали лишь по случайным причинам и не могли угрожать существующей социально-политической системе (эта точка зрения отражена не только в полемических статьях Хейса и Гельцера, но и в специальных штудиях Фогта и Лауффера). В других случаях самый факт классовой борьбы признается, но отрицается ее значение, возможность воздействия выступлений эксплуатируемых масс на ход исторического развития. При этом опять-таки ссылаются на не-

⁶⁶ Критическая оценка: *Немировский А. И.* — ВИ, 1954, № 12, с. 131.

⁶⁷ Ср.: *Курбатов Г. Л.* История Византии (историография). Л., 1975, с. 234.

⁶⁸ См.: *Корсунский А. Р.* Проблемы классовой борьбы в античном обществе в освещении современной буржуазной историографии. — ВИ, 1962, № 8, с. 168—175.

способность рабов к историческому творчеству (Фогт) или же соглашаются допустить лишь косвенное воздействие рабских восстаний в плане развития в античном обществе филантропических настроений (Лауффер).

Соответственно и заключительная проблема древней истории — проблема падения античности и перехода к средневековью — решается, как правило, без учета той роли, которую сыграла здесь классовая борьба, выступления рабов, колонов и других эксплуатируемых и зависимых слоев римского населения. Решающее значение придается не глубинным переменам в социально-экономическом строе общества и обусловленным этими переменами сдвигам в социальной и политической жизни, а внешним случайным факторам. Так именно трактуется эта проблема в книге Ф. Альтгейма «Упадок древнего мира» (F. Altheim. Niedergang der Alten Welt, Bd. I—II, Frankfurt am Main, 1953)⁶⁹. Автор рисует широкое полотно исторической жизни в III в. н. э., который он по справедливости считает переломным в истории древнего мира. Он старается показать во взаимодействии судьбы всех народов древнего мира от Геракловых столбов до Желтого моря. Однако решающим фактором, определившим судьбу всех этих народов — и Римской империи, и Ирана, и Китая, — он считает переселение «молодых народов», кочевников, и даже более конкретно — их особенный вид вооружения и тактики, то, что они обладали массовой боеспособной конницей, которой не было у древних оседлых народов. Этим Альтгейм объясняет все: и поражения римлян на границах, и внутренний кризис Римского государства, который был вызван, по его мнению, перенапряжением сил, и даже установление домината как такой «системы принудительного государства», которая лучше всего обеспечивала тотальную мобилизацию всех сил и ресурсов для отпора внешнему врагу.

Более традиционной по своему плану является книга И. Фогта «Упадок Рима», написанная для издающейся на английском языке серии «История цивилизации» и посвященная в основном культурному развитию западной части Римской империи (J. Vogt. The Decline of Rome. The Metamorphosis of Ancient Civilisation. London, 1967)⁷⁰. Автор уделяет большое внимание анализу симптомов и причин упадка античной ци-

⁶⁹ Рец.: Немировский А. И., Ременников А. М. — ВДИ, 1955, № 2, с. 132—140.

⁷⁰ Рец.: Штаерман Е. М. — ВДИ, 1968, № 3, с. 191—198.

визации. В ряду этих причин он видит и такие важные явления социально-экономического порядка, как сокращение числа рабов, развитие колонатных отношений и сужение внутреннего рынка. Однако для него не существует понятия социально-экономической формации, и главную причину заката античной цивилизации он видит не в кризисе рабовладельческого строя, а в общем упадке культуры, трактуемом в духе шпенглеровских идей. Фогта в особенности интересует проблема смены культур, и эту проблему он решает с позиций континуитета: «молодые народы» (речь идет прежде всего о германцах), затопившие территорию Римской империи, явились восприимчивыми античной культуры и, вдохнув в нее новую жизнь, заложили, таким образом, основы новой западной цивилизации. Книга Фогта замечательна своим оптимистическим пафосом. В противовес распространенным в буржуазной историографии тенденциям рассматривать закат античности как полное крушение однажды созданной Западом культуры и на этом основании пророчить гибель и современной западной цивилизации, Фогт доказывает неуничтожаемость, преемство культур, возможность усвоения «молодыми народами» культурного наследия отживающей цивилизации. Однако самый процесс отживания античности обрисован у Фогта неглубоко; в культурном развитии позднего Рима он видит лишь черты упадка (даже в античном христианстве он отказывается видеть альтернативу отживающему язычеству) и всю проблему перехода от античности к средневековью сводит к внешнему моменту — своевременному появлению «молодых народов», способных воспринять и продолжить культурное развитие Запада.

.

В Австрии развитие антиковедения после 1-й мировой войны определялось в принципе теми же общественно-политическими факторами, что и в Германии. Свержение монархии Габсбургов и установление буржуазно-демократической республики могли содействовать оживлению общественной мысли и научной деятельности, однако тяжкие последствия военного поражения, затяжные экономические кризисы и обусловленное этим обострение социальных отношений блокировали открывавшиеся возможности.

Противоречивые условия жизни определили и противоречивые тенденции развития науки. С одной стороны, наблюда-

лись стремления следовать академическим традициям, заложенным наукою XIX в., с другой — усиливалось влияние декадентских и реакционных идей, подготовлявших почву для усвоения нацистских доктрин.

Первая линия была представлена в особенности трудами археологов и эпиграфистов. В послевоенное время австрийскими учеными было продолжено археологическое обследование исторических областей Восточного Средиземноморья, в первую очередь Малой Азии. Особенно важными по размаху работ и значительности результатов были раскопки в Эфесе, которые проводились Австрийским археологическим институтом при участии таких ученых, как О. Бенндорф, И. Кейль, Ф. Мильтнер. Одновременно Австрийская Академия наук продолжала работу по изданию свода древних надписей, найденных на территории Малой Азии («*Tituli Asiae Minoris*», vol. I—III, 1901—1944). С успехом продолжал свою научную деятельность один из крупнейших эпиграфистов нового времени Адольф Вильгельм, чьи многочисленные статьи по отдельным сюжетам греческой и специально аттической эпиграфики непрерывно печатались в трудах Венской Академии⁷¹.

Вместе с тем в Австрийском антиковедении непрерывно усиливались позиции иного, реакционного направления, развившегося в русле идей Шпенглера, а затем воспринявшего и идеи нацизма. Включение Австрии в состав гитлеровского рейха (1938 г.) обеспечило этому направлению на весь период фашизма господствующее положение. О характере идей, развивавшихся в ту пору в подпавшем под контроль нацизма австрийском антиковедении, можно судить, в частности, по работам Фритца Шахермейра. В 30-е и 40-е годы этот бесспорно крупный историк подхватывает и развивает в своих трудах излюбленные положения нацистской историографии о миграции с севера воинственных индогерманских племен и освоении ими неарийского юга и юго-востока⁷², о нордическом типе вождей, выступающих в раннюю пору греческой

⁷¹ В особенности важны две серии его этюдов: *Wilhelm A.*: 1) *Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde*, I—VI (SB Wien, Bd. 166, Abh. 1 u. 3; Bd. 175, Abh. 1; Bd. 179, Abh. 6; Bd. 214, Abh. 4; Bd. 183, Abh. 3). Wien, 1911—1932; 2) *Attische Urkunden*, I—V (SB Wien, Bd. 165, Abh. 6; Bd. 180, Abh. 2; Bd. 202, Abh. 5; Bd. 217, Abh. 5; Bd. 220, Abh. 5). Wien, 1911—1942.

⁷² *Schachermeyr F.*: 1) *Hethiter und Achäer*. Leipzig, 1935; 2) *Wanderung und Ausbreitung der Indogermanen im Mittelmeergebiet*. — «Festschrift für H. Hirt», Heidelberg, 1936, S. 229 ff.; 3) *Zur Rasse und Kultur im minoischen Kreta*. Heidelberg, 1939.

истории⁷³, о вечном противостоянии рас и превосходстве классических античных народов индогерманского корня над неарийцами-семитами и арменоидами⁷⁴.

Освобождение Австрии от фашизма, осуществленное советскими войсками в конце 2-й мировой войны, и возвращение страны на путь независимого и демократического развития содействовали и здесь возрождению традиционных академических штудий. Вместе с тем итоги 2-й мировой войны заставили ряд австрийских ученых, которые ранее сотрудничали с нацизмом, критически пересмотреть свои позиции. Показателен в этом отношении пример Ф. Шахермейра — и очевидным стремлением осмыслить только что свершившуюся историческую трагедию и в свете ее уроков произвести переоценку усвоенных ранее истин, и характерной непоследовательностью этой переоценки. В современном австрийском антиковедении Шахермейр — несомненно крупнейшая величина. Его многочисленные, нередко фундаментальные труды касаются различных периодов древней, по преимуществу греческой истории, и почти в каждом из них наблюдается причудливое переплетение новых, подсказанных свершившимися историческими переменами положений с так до конца и не изжитыми идеями нацистской историографии.

Большая группа работ посвящена Шахермейром древнейшему периоду греческой истории (F. Schachermeyr. *Die ältesten Kulturen Griechenlands*. Stuttgart, 1955; *Die minoische Kultur des alten Kreta*. Stuttgart, 1964; *Ägäis und Orient*. [Denkschr. Öst. Akad., 93]. Wien. 1967)⁷⁵. Автор демонстративно отказывается от усвоенного ранее взгляда, что эгейская культура была порождена гением нордической расы, принесшей в результате миграции из Северной Европы в Средиземноморье основные формы материальной культуры. Он придает теперь гораздо большее значение местным средиземноморским факторам развития, в особенности культурным взаимодействиям Балканского полуострова с малоазийским побережьем. Однако решающим моментом в этногенезе греков он по-прежнему считает миграцию с севера: явившиеся на

⁷³ В качестве примера можно указать на уже упоминавшуюся выше статью Шахермейра о Писистрате (RE, Bd. XIX, Hbbd. 37, 1937, Sp. 156—191).

⁷⁴ См., например: *Schachermeyr F. Karthago in rassengeschichtlicher Betrachtung*. — In: *Rom und Karthago*. Leipzig, 1943, S. 9—43.

⁷⁵ Рец. на первую из них: *Ельницкий Л. А.* — СА, 1959, № 1, с. 312—314.

рубеже ранней и средней бронзы носители культуры шнуровой керамики и боевых топоров и были теми индогерманцами, которые содействовали оформлению балканского этнического конгломерата в эллинов.

Другая группа работ Шахермейра посвящена проблемам формирования греческого полиса и истории раннеклассических Афин (наиболее важные среди них — *Die frühe Klassik der Griechen*. Stuttgart, 1966; *Perikles*. Stuttgart, 1969)⁷⁶. Здесь историк по-прежнему подчеркивает ведущую роль аристократической элиты и ее вождей; последние в его изображении выступают исключительными носителями культурного прогресса, защитниками национального и политического единства, строителями гармонического общества. Показательна в этом плане идеализация афинских аристократических родов Алкмеонидов и Филаидов и их выдающихся представителей Клисфена, Мильтиада, Кимона, отчасти Перикла, а с другой стороны — отрицательное отношение к политикам радикального направления Фемистоклу и Эфиальту.

Большой интерес с точки зрения того, как идет переоценка ценностей в австрийском буржуазном антиковедении, представляют работы Шахермейра об Александре Македонском (*Alexander der Grosse. Ingenium und Macht*. Graz, 1949; *Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode*. [SB Wien, Bd. 268, Abh. 3]. Wien, 1970; *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. [SB Wien, Bd. 285]. Wien, 1973)⁷⁷. По-прежнему взор историка приковывает к себе исключительно личность Александра, в замыслах и свершениях которого автор ищет ключ к пониманию судеб античного и восточного мира в начальную эпоху эллинизма. Однако в общей оценке этой личности у Шахермейра звучат новые нотки, продиктованные, по его собственному признанию, уроками недавнего прошлого. Всех великих исторических деятелей Шахермейр делит на два главных разряда: на гениев рационального типа, умевших соотносить свою деятельность с требованиями и возможностями социальной среды, и необузданных властителей, ставивших свою волю выше общества и в титаническом порыве увлекавших и это общество и самих себя к неизбежной катастрофе. Замечательным образцом деятелей первого типа Шахермейр

⁷⁶ Критический разбор — *Kluwe E.* Op. cit., S. 483—489.

⁷⁷ Рец.: на первую — *Ботвинник М. Н., Селецкий Б. П.* — ВДИ, 1954, № 3, с. 117—121; на вторую — *Функ Б.* — ВДИ, 1974, № 2, с. 203—210.

считает Филиппа Македонского; напротив, в его сыне Александре он видит титаническое начало, столь же великое, как и ужасное. Воля Александра не считалась ни с чем, а главное, в своем безудержном порыве он разрушил то национальное единство греков и македонян, над созданием которого так много потрудился Филипп и которое одно могло быть прочным основанием великой державы. Дело Александра было обречено, и ранняя смерть царя лишь ускорила ту катастрофу, которая естественным образом должна была постигнуть созданную им империю.

Труды Шахермейра об Александре Македонском представляют несомненную научную ценность как скрупулезным разбором традиции, так и подробнейшим изложением всех фактов, относящихся к жизни и деятельности великого царя. Симптоматично также общее критическое суждение о политическом творчестве Александра. Однако изменения в самом методе, в подходе к историческому материалу и его интерпретации по существу нет: титаническая фигура Александра закрывает у Шахермейра горизонт и лишает его возможности показать глубочайшие закономерности и все богатство исторического процесса.

В. И. КАЦ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА (по данным амфорных клейм)

Первое столетие существования в Крыму гераклейской колонии — Херсонеса Таврического — остается одним из наименее изученных периодов его почти двухтысячелетней истории¹. Между тем именно в это время были заложены основы для дальнейшего расцвета Херсонеса и превращения его в центр крупного эллинистического государства.

Спорным остается вопрос о роли внешней торговли в экономике позднеклассического Херсонеса². Последнее в какой-то степени можно объяснить слабой изученностью экономических связей Херсонеса конца V—IV вв. до н. э. Значительный археологический материал, накопленный к настоящему времени, опубликован лишь частично. Так, не подвергалась спе-

¹ Хронологические рамки периода определяются достаточно четко. Началом его является последняя четверть V в. до н. э., когда в районе Карантинной бухты возникает поселение гераклейских колонистов (Тюменев А. И. Херсонесские этюды, II. — ВДИ, 1938, № 2). Нижняя граница падает на последние десятилетия IV в. до н. э., время серьезных изменений в экономической и политической структуре города (Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 73; Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 334 сл.).

² См.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 41 сл.; Тюменев А. И. Херсонесские этюды, III. — ВДИ, 1949, № 4, с. 76; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы ..., с. 73; Щеглов А. Н. Основные этапы ..., с. 334.

циальному исследованию клеймёная керамическая тара различных античных центров Средиземноморья и Южного Причерноморья, обнаруженная на херсонесском городище.

Между тем это одна из самых обильных и разнообразных групп археологического материала, позволяющая достаточно полно выяснить сравнительный объем и динамику импорта в позднеклассический Херсонес вина и оливкового масла, продукции, которая занимала в торговых оборотах древнегреческих городов одно из главных мест.

Таблица 1

Центр производства	Количество	Клейма неизвестных центров	Количество
Фасос	93	Колесообразные С изображением носа корабля	19 4
Гераклея	236	Группа А	9
Синопа	181	На амфорах типа Солоха I	3
Итого	510	Итого	35

В фондах Херсонесского музея и Эрмитажа хранится несколько целых клейменных амфор и более пятисот отдельных штемпелей на ручках и горлах сосудов, поступивших в Херсонес в конце V—IV вв. до н. э.³ Данная выборка носит случайный характер, так как клейма происходят из смешанного материала культурных слоев херсонесского городища. Общее количество клейм, встреченных за полуторавековой период раскопок Херсонеса, было значительно большим. Часть их попала в отвалы, часть утеряна, однако имеющегося материала достаточно для того, чтобы считать выборку представительной, а выводы, которые на ее основании делаются, приемлемыми.

³ Около 200 клейм этой группы опубликовано в отчетах о раскопках, проводившихся на территории херсонесского городища, и в статье И. Махова, специально посвященной фасосским клеймам (Амфорные ручки с о. Фасоса с оттиснутыми на них именами астиномов и эмблемами, найденные в Херсонесе. — ИТУАК, 48, 1912). Немногим более 350 клейм включено в III том IOSPE. Обработка не учтенных Б. Н. Граковым клейм из фондов Херсонесского музея и клейм, обнаруженных на территории городища в 1956—1970 гг., позволила довести их число почти до 530 (см. табл. 1).

Более 90% клейм, которыми мы располагаем, хорошо распределяются по центрам производства: это штемпеля Фасоса, Гераклен Понтийской, Синолы — центров, проводивших массовое и систематическое клеймение своей тары. Места производства остальных клейм, несомненно относящихся к IV в. до н. э., пока определенно не установлены. При этом большинство их принадлежит центрам, где практика клеймения применялась, видимо, эпизодически.

В Херсонес, как и в другие северопричерноморские районы, с конца V в. и на протяжении следующего столетия продукция в клейменной керамической таре поступала из двух областей: Восточного Средиземноморья и Южного Причерноморья. Самой многочисленной группой среди восточносредиземноморских клейм из Херсонеса являются штемпеля Фасоса (93 экземпляра), клеймение керамической тары в котором начинается на рубеже V—IV вв. до н. э. Оно совпадает с мощным подъемом винодельческого хозяйства на острове, свидетельством чему являются два известных декрета, регламентирующие производство винограда и экспорт готовой продукции⁴.

В настоящее время группа фасосских керамических клейм изучена относительно неплохо. Итог многолетним исследованиям был подведен недавно Ю. Г. Виноградовым, который попытался создать единую типологическую классификацию фасосских клейм⁵. Вся историю клеймения на о. Фасосе он разделил на пять периодов: три стабильных и два переходных, охватывающих IV—III вв. до н. э. К познеклассическому времени отнесены четыре первых периода: первый стабильный (400—370 гг.); первый переходный (около 370 г.); второй стабильный (370—340 гг.); второй переходный (340—320 гг.). Типологическая классификация и хронологическое определение пяти первых групп фасосских клейм, предложенные Ю. Г. Виноградовым, не вызывают каких-либо возражений. Абсолютные даты некоторых групп (2Б, 3 и 5Б — ранней) находят подтверждение при анализе двух надежных замкнутых керамических комплексов IV в. до н. э. из Херсонеса⁶.

⁴ *Daix G. Nouvelles inscriptions de Thasos. BCH. L., 1926, p. 216.*

⁵ *Виноградов Ю. Г. Керамические клейма о. Фасоса. — НЭ, 1972, 10.* Во вводной части статьи дан подробный очерк истории изучения фасосских клейм.

⁶ См.: *Кац В. И. Массовый амфорный материал конца V—IV вв. до н. э. как источник по истории торговли Херсонеса в позднеклассическую эпоху. Тезисы докладов на научной конференции 1966 г. Борисоглебск. 1966, с. 11.*

Иначе обстоит дело с 6 группой, в которую Ю. Г. Виноградов выделил так называемые колесообразные клейма. Действительно, сейчас большинство исследователей склонны считать эти клейма фасосскими⁷. Однако, как нам представляется, вопрос о локализации колесообразных клейм нельзя полагать окончательно решенным. Аргументы, приводимые в подтверждение их фасосского происхождения, недостаточны и далеко не бесспорны. Так, вывод об идентичности глин сосудов с колесообразными клеймами и амфор, типично фасосских, базируется не на массовом оптико-петрографическом анализе глин, а на чисто визуальных наблюдениях. Таким же образом аргументируется и вывод о сходстве форм и профилированных частей сосудов этих двух групп. Весьма сильным аргументом в пользу принадлежности колесообразных клейм Фасосу, как полагают, является факт обнаружения их на самом острове⁸. Действительно, они здесь зафиксированы, но в очень небольшом числе⁹. Можно согласиться с тем, что по ряду косвенных соображений наиболее вероятным районом производства амфор с колесообразными клеймами является северная часть Эгейского бассейна¹⁰. Однако мы не располагаем ни прямыми, ни косвенными свидетельствами того, что этим центром был сам о. Фасос. Подобное предположение опровергается и анализом распределения колесообразных клейм по различным северопричерноморским районам.

По данным III тома IOSPE на 1956 год, в Северном Причерноморье зафиксированы находки более 2000 фасосских клейм 1—5А групп и около 400 колесообразных. При этом 3/4 тех и других найдены в трех главных северопричерноморских

⁷ Граков Б. Н. Вступительный очерк к фасосским клеймам в III томе IOSPE (рукопись); Von A. M. et Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos. Etudes thasiennes, IV. Paris, 1957, p. 28. 35; Мирчев А. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958, с. 11; Брашинский И. Б. Успехи керамической эпиграфики. — СА, 1961, № 2, с. 295; Балканска А. Към вопроса за колелообразните амфорни печати. — ИВАД, 1963, 14, с. 35—37.

⁸ Брашинский И. Б. Успехи керамической эпиграфики, с. 295.

⁹ По данным свода А. М. Бон, на о. Фасосе на 1,5 тысячи типично фасосских клейм зафиксировано всего 10 колесообразных штемпелей (менее 1%). Между тем в Северном Причерноморье колесообразные клейма составляют более 10% от типично фасосских, однако сейчас никто из исследователей не отстаивает их северопричерноморского происхождения.

¹⁰ Форма колесообразных клейм была, несомненно, заимствована из нумизматики. Реверс с колесом и буквами в нем обычен среди монет городов Фракийского побережья.

Таблица 2

Распределение колесообразных и фасосских клейм
в Северном Причерноморье (в %)

Место находки	Фасосские клейма (I- 5A групп)	Колесооб- разные клейма
Ольвия	ок. 8	ок. 21
Херсонес	ок. 4,5	ок. 5
Пантикапей	ок. 62	ок. 52
Прочие районы	ок. 25,5	ок. 22
Северное Причерноморье (в целом)	100	100

греческих центрах: в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее (табл. 2)¹¹. Однако клейма каждой из групп по отдельным районам распределяются далеко не одинаково. Если в Херсонесе обнаружено около 4,5% всех известных из Северного Причерноморья фасосских клейм и приблизительно такой же процент колесовидных, то в Пантикапее имеем иное соотношение. Здесь колесообразных клейм встречено на 10% меньше, чем фасосских (52 и 62% соответственно). Наиболее показательны ольвийские материалы. В Ольвии наблюдается относительно высокая концентрация колесовидных клейм (21% от всех обнаруженных в Северном Причерноморье) и в два с половиной раза меньшая фасосских (всего 8%). По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что ввоз в Северное Причерноморье продукции в амфорах с колесообразными клеймами осуществлялся самостоятельно и не был связан с экспортной торговлей Фасоса.

К одному из центров Восточного Средиземноморья принадлежат амфоры, на ручках которых оттискивались квадратные клейма с повторяющейся эмблемой — нос военного корабля — и надписью, содержащей одно имя и идущей по двум,

¹¹ Несомненно, все приведенные в таблице цифры дают лишь приблизительную картину интенсивности импорта по каждому из рассматриваемых северопричерноморских районов, так как различна степень сохранности и изученности позднеклассических слоев в каждом из них.

реже одной или трех сторонам клейма¹². Эти клейма по внешнему виду и по манере исполнения напоминают фасосские штампея третьей и четвертой групп классификации Ю. Г. Виноградова и, видимо, относятся к середине IV в. до н. э. В Северном Причерноморье клейма с носом корабля относительно редки. В III томе IOSPE зафиксировано всего 137 экземпляров, из которых лишь 4 клейма обнаружены в Херсонесе.

С амфорами круга Фасоса в настоящее время связывают еще одну группу клейм, условно названную Д. Б. Шеловым «группой А»¹³. В нее объединены различные по внешнему виду штампея, частично энглифические, частично рельефные. Группа, несомненно, сборная. Какую-то ее часть могут составлять клейма фасосского происхождения, часть относится к амфорам с так называемой рюмкообразной ножкой¹⁴. Основная же масса штампея пока твердо не локализована, хотя можно согласиться с Д. Б. Шеловым, что область их производства следует искать в ближайших окрестностях Фасоса на Фракийском побережье. В Херсонесе клейма группы А представлены 40 экземплярами. Учитывая тот факт, что они могли бытовать и в III в. до н. э., в таблицу включены лишь те штампея, а их оказалось 9, которые по данным стратиграфии несомненно относятся к позднеклассическому времени¹⁵.

Относительно недавно выделена еще одна группа клейменной керамической тары IV в. до н. э. из Средиземноморья, амфоры типа Солоха I¹⁶. Ручки этих сосудов клеймились спорадически штампеями в виде монограмм в круглом либо прямоугольном углубленном поле. В Херсонесе выделено

¹² Точная локализация этой группы клейм пока не установлена. Были попытки определить их как критские (*Придик Е. М.* Керамические надписи из раскопок Тиритики и Мирмекия в 1932—34 гг. — МИА, 1941, № 4, с. 178) или кипрские (*Шелов Д. Б.* Керамические клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея, с. 215).

¹³ *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея, с. 215; *Брагинский И. Б.* Успехи керамической эпиграфики, с. 295.

¹⁴ *Зеест Н. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 88.

¹⁵ В связи с тем, что в III томе IOSPE клейма «группы А» помещены в разряд неопределенных, мы не располагаем данными для сравнительного анализа распределения этих штампея по различным северопричерноморским районам.

¹⁶ *Манцевич А. П.* Амфоры кургана Солоха. — СГЭ, 1947, 4. А. П. Манцевич попыталась связать происхождение амфор типа Солоха I с Тероной. Однако, как убедительно показала И. Б. Зеест (Керамическая тара Боспора, с. 93), такая их локализация является сомнительной и пока можно говорить лишь о принадлежности данных амфор одному из островных центров Эгейского бассейна.

только три клейма, несомненно связанных с амфорами типа Солоха I.

Таким образом, херсонесский рынок потреблял относительно небольшую часть продукции в клейменной керамической таре, экспортируемой средиземноморскими центрами в Северное Причерноморье. Вместе с тем ввоз этот был постоянен на протяжении всего IV в. до н. э. Показательна в этой связи динамика фасосского импорта в Херсонес. Здесь представлены все группы фасосских клейм конца V—IV вв. до н. э. (табл. 3). При этом большие партии фасосской продукции появляются на херсонесском рынке уже в самом начале IV в. до н. э.; во второй — третьей четвертях столетия ввоз увеличивается и достигает максимума. Следует учитывать, что в эти же десятилетия в Херсонес поступает и продукция в амфорах с колесовидными клеймами и клеймами с посом корабля. Сходную картину мы наблюдаем в других северопричерноморских районах.

Таблица 3

**Фасосские клейма позднеклассической эпохи
в Северном Причерноморье (в %)**

Периоды	400—370 гг. до н. э.			370—320 гг. до н. э.			Итого
	1 ста- билный	1 пере- ходный	Всего	2 ста- билный	2 пере- ходный	Всего	
Место находки							
Ольвия	37,3	4,3	41,6	47,2	11,2	58,4	100
Херсонес	26,9	9,7	36,6	52,7	10,7	63,4	100
Пантикапей	20,7	9,3	30,0	53,0	17,0	70,0	100
Северное При- черноморье (в це- лом)	ок. 24,0	ок. 9,5	ок. 33,5	ок. 51,5	ок. 15	ок. 66,5	100

Крупными экспортёрами продукции в клейменной керамической таре в позднеклассический Херсонес являлись южно-поптийские центры Гераклея и Синоп. Из Гераклеи в амфорах вывозилось, видимо, исключительно вино, хорошее качество которого отмечают Ксенофонт и автор Псевдо-Аристотелевой «Экономики»¹⁷. Возможность экспорта оливкового масла полностью не снимается, но вызывает большие сомнения, так

¹⁷ Xenoph. Anab., VI, 2, 3; Ps.—Arist., 1, 1347 a.

как нет данных о выращивании оливы в районах, прилегающих к Гераклею.

Группа остродонных амфор с энглифическими клеймами, определенная впервые Б. Н. Граковым как гераклеяская¹⁸, в последние десятилетия неоднократно являлась предметом специального изучения. При этом особое внимание обращалось на выяснение спорных вопросов хронологии гераклеяских клейм. Одна из последних по времени классификаций энглифических клейм была предложена И. Б. Брашинским, который все гераклеяские штампы разделил на пять последовательных этапов (групп)¹⁹. К IV в. до н. э. им отнесены клейма трех первых групп: I группа — легенда клейма содержит одно имя (ок. 400—370 гг.); II — легенда клейма состоит из двух имен без эпонимного предлога (370—330 гг.); III — имя чиньвника в клейме предваряется эпонимным предлогом (330—300 гг.). Однако выводы И. Б. Брашинского с самого начала были подвергнуты серьезной критике²⁰. Вместе с тем следует признать, что И. Б. Брашинским убедительно определены нижняя и верхняя граница гераклеяского клеймения (рубеж V—IV—середина III в. до н. э.). Доказательно выглядит схема развития легенды клейм и не вызывает сомнения правомерность выводов о одновременности основной массы штампов первых трех групп и о господстве в определенные периоды IV в. до н. э. в керамическом клеймении Гераклею одного из трех вариантов написания легенды. До появления развернутой и более полной схемы гераклеяского клеймения мы считаем необходимым придерживаться типологии, предложенной И. Б. Брашинским.

К середине 60-х гг. общее число гераклеяских клейм, обнаруженных в различных районах Северного Причерноморья, приближалось к трем тысячам²¹. Распространение их по побережью иное, чем клейм средиземноморских центров. Боль-

¹⁸ Граков Б. Н. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. — Труды ГИМ, 1926, вып. 1.

¹⁹ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклею Понтийской. — НЭ, 1965, 5, с. 10.

²⁰ Василенко Б. А. Заметки о гераклеяских клеймах. — СА, 1970, 3, с. 216; Пругло В. И. К хронологии энглифических клейм Гераклею Понтийской. — СА, 1971, 3, с. 76 сл.; Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос, с. 10; Василенко Б. А. О характере клеймения гераклеяских амфор в первой половине IV в. до н. э. — НЭ, 1974, 11.

²¹ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклею Понтийской, с. 14, прим. 12. Свыше 2000 гераклеяских клейм зафиксировано в рукописи III тома IOSPE.

ше всего их в Ольвии (ок. 18% всех северопричерноморских клейм), приблизительно столько же в Пантикапее (ок. 17,5%) и в полтора раза меньше в Херсонесе (ок. 12%).

В Херсонесе зафиксированы находки 236 гераклейских клейм IV в. до н. э. Из них 118 клейм I группы (17% от всех штемпелей этого типа, включенных в III том IOSPE); 65 клейм II группы (ок. 9% от всех клейм, содержащих два имени без эпонимного предлога); и 53 клейма III группы (ок. 10% от эпонимных клейм). Учитывая разновременность основной массы клейм каждой группы, можно заключить, что удельный вес Херсонеса в экспорте Гераклеи существенно изменялся на протяжении IV в. до н. э. Этот вывод подтверждают и данные, содержащиеся в табл. 4.

Таблица 4

Гераклейские клейма IV в. до н. э.
в Северном Причерноморье (в %)

Группа	I	II	III	Итого
Место находки	одно имя	два имени без эпоним- ного пред- лога	два имени, одно с эпо- нимным предлогом	
Ольвия	ок. 50	ок. 35	ок. 15	100
Херсонес	ок. 50	27,5	22,5	100
Пантикапей	ок. 24	ок. 40	ок. 36	100
Северное Причер- номорье (в це- лом)	ок. 35	ок. 37	ок. 28	100

Динамика гераклейского экспорта в позднеклассический Херсонес выявляется достаточно четко. Период наивысшего подъема приходится на первую половину IV в. до н. э., в дальнейшем до конца столетия ввоз гераклейской продукции осуществлялся в значительно меньших масштабах. Интересно, что аналогичную картину мы наблюдаем и в Северо-Западном Причерноморье и обратную в Северо-Восточном. В Пантикапее большая часть гераклейских клейм относится ко второй половине IV в. до н. э. Таким образом, в позднеклассический период интенсивность гераклейского экспорта в различные районы Северного Причерноморья не была одинаковой. В первой половине IV в. до н. э. основная масса гераклейской продукции поступала в Северо-Западное Причерноморье и в Западный Крым. С середины столетия центр тяжести гера-

клейской торговли переместился в Северо-Восточное Причерноморье, сократился ввоз в Ольвию и Херсонес, в то время как на Боспор увеличился приток гераклеяского вина.

Вторым крупным экспортером продукции в керамической таре из Южного Причерноморья являлась Синопа. Вопрос о продукте, который транспортировался в синопских амфорах, остается еще не вполне выясненным. Б. Н. Граков предполагал наличие экспорта вина и оливкового масла²². М. И. Максимова и И. Б. Брашинский полагали, что основным продуктом было масло, вывоз же вина в больших количествах считали маловероятным²³. Действительно, район Синопы и Амиса был единственной областью, где не только произрастала, но и культивировалась в больших масштабах маслина²⁴. Естественно, для Синопы масло было одной из важнейших статей экспорта. Но не меньшее значение, по крайней мере в позднеклассический период, имел и вывоз вина, которое, несомненно, в большом количестве производилось в Синопе²⁵. Правда, в литературе не сохранилось никаких указаний на высокое качество вина из Синопы. Однако вряд ли оно уступало в этом отношении напитку рядом расположенной Гераклеи. Косвенно экспорт вина из Синопы подтверждается наличием на клеймах этого центра многочисленных эмблем, связанных с виноградарством и виноделением²⁶.

Клейма Синопы на керамических изделиях изучены в настоящее время лучше, чем штампы любого другого греческого центра²⁷. Благодаря работам Б. Н. Гракова и В. И. Цехмистренко, которые при группировке и датировке керамических клейм Синопы успешно применили метод установления

²² Граков Б. Н. Вступительный очерк к синопским клеймам в III томе IOSPE.

²³ Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 92; Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 136.

²⁴ Strabo, II, 1, 15; XII, 3, 12.

²⁵ Xenoph., Anab., VI, 1, 15.

²⁶ Граков Б. Н. Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1928, с. 87 сл.

²⁷ Граков Б. Н. Древнегреческие клейма с именами астиномов; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, с. 219 сл.; Цехмистренко В. И. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. — СА, 1958, № 1; Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. — СА, 1960, № 3; Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы, с. 133; Пругло В. И. Синопские амфорные клейма из Мирмекия. — КСИА, 1967, 109, с. 42—48; Василенко Б. А. К вопросу о датировке синопских керамических клейм. — СА, 1971, № 3.

хронологической последовательности магистратов по повторяемости в их штемпелях вторых имен, имеется возможность относительно точно определить место практически каждого синопского астинома в общей хронологической цепи.

Общепринятая в настоящее время дата появления обычая клеймения керамической тары в Синопе — 70—60-е годы IV в. до н. э.²⁸, когда появляются первые клейменные амфоры, на ручках которых стоят штемпеля, содержащие только имя владельца гончарной мастерской и эмблему города — городской герб (изображение орла, клюющего дельфина)²⁹. К позднеклассическому периоду относятся также клейма I группы, общепринятые хронологические рамки которой 360—320 гг. до н. э.³⁰. Следует отметить, что были попытки пересмотреть датировки ранних синопских клейм³¹. Недавно Б. А. Василенко вновь высказался за отнесение начала клеймения в Синопе к концу V в. до н. э., а время перехода от I ко II группе определил рубежом первой и второй четверти IV в. до н. э.³². Однако, как это признает и автор, имевшиеся в его распоряжении данные, далеко не достоверны для установления точных абсолютных дат новых предложенных им датировок. Поэтому основные выводы Б. А. Василенко по передатировкам ранних клейм Синопы нельзя признать убедительными, однако можно согласиться с тем, что общепринятая абсолютная дата перехода от I ко II группе (320 г.) несколько завышена, но не на полстолетие, как это считает Б. А. Василенко, а лет на 10—15. Еще Б. Н. Граков отметил сильное влияние Фасоса на клейма синопских астиномов конца I хронологической группы. Оно прослеживается на составе эмблем, а в клеймах астиномов Днофанта и Филона и на расположении надписи, которая идет по рамке клейма вокруг эмблемы. Аналогичные фасосские клейма сейчас выделены Ю. Виноградовым в отдельную — 3 группу (370—340 гг. до н. э.)³³. Можно полагать, что штемпеля Днофанта и Филона также не выходят за пределы 40 гг.

²⁸ Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы, с. 133. Цехмистренко В. И. Синопские керамические клейма с именами гончаров, с. 64.

²⁹ Там же, с. 60 сл.

³⁰ Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы, с. 133.

³¹ Еще В. И. Цехмистренко не исключал возможность того, что клеймение в Синопе могло появиться в первой четверти IV в. или даже в конце предшествующего столетия (Синопские керамические клейма... с. 68). Это предположение вызвало вполне обоснованные возражения И. Б. Брашинского (Успехи керамической эпиграфики, с. 302).

³² Василенко И. Б. К вопросу о датировке синопских клейм, с. 246.

³³ Виноградов Ю. Г. Керамические клейма о. Фасос, с. 32.

IV в., а конец I группы астиномов падает на середину следующего десятилетия. Следовательно, I группа охватывает период около 25 лет (360—335 гг. до н. э.), что вполне допустимо при известных в настоящее время 18 ее астиномах.

Б. Н. Граков разделил I группу астиномов на две последовательные подгруппы: А и Б. Внутри подгруппы А он выделил в свою очередь древнейших магистратов³⁴. В связи с накоплением нового материала появилась возможность сгруппировать близких по времени ранних синопских астиномов несколько иначе. К I этапу I хронологической группы следует отнести пять древнейших городских магистратов: Эндема, Дионисия, Аполлодора, Гестиея и Никомеда. Семь астиномов: Аристон, Аполлоний, Кир, Меналк, Посейдон³⁵, Филоник и Форбант — отнесены ко второму этапу. Как и у ранних магистратов, в их клеймах эмблемой служит городской герб. К третьему, последнему этапу I хронологической группы можно отнести четырех астиномов: Диофанта, Филона, Эсхина и Гефестия, характерным признаком клейм которых является употребление в них наряду с обычной ранней эмблемой — городским гербом — разнообразных символов.

Клейма Протагора и Хабрия, отнесенные Б. Н. Граковым к I группе астиномов, имеют, однако, уже все признаки, свойственные штемпелям следующего по времени периода синопского керамического клеймения. В первую очередь они выделяются наличием в клеймах одной эмблемы, которая, как вполне обоснованно считает В. И. Цехмистренко, принадлежит не астиному, а мастерской, где изготовлялась амфора³⁶. Помимо отмеченных двух астиномов к переходному от I ко II группе этапу, совпадающему с концом позднеклассического периода (335—320 гг. до н. э.), относятся еще пять магистратов начала II группы: Мнесий, Протофан, Моним, Героним и Исокрит. Таким образом, разделив начальный пятидесятилетний период синопского клеймения на пять последовательных этапов (этап безмагистратского клеймения, три этапа I хронологической группы и этап переходный от I ко II группе), можно с точностью до десяти лет проследить динамику

³⁴ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, с. 119 сл.

³⁵ Астином I хронологической группы Посейдон впервые отмечен в IOSPE, III.

³⁶ Цехмистренко В. И. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1963, с. 5.

экспорта Синолы в Северное Причерноморье на протяжении второй и третьей четверти IV в. до н. э.

По данным III тома IOSPE, в Северном Причерноморье отмечены находки около 900 амфорных клейм Синолы позднеклассического времени, из них около 20% (181 клеймо) происходит из Херсонеса.

Таблица 5

Синопские амфорные клейма 370—320 гг. до н. э.
в Северном Причерноморье (в %)

Центр	Безамфорные	I группа амфор			Рубж I и II групп	Итого
		Первый этап	Второй этап	Третий этап		
Ольвия	—	27	11	37	25	100
Херсонес	10	40	7	26	17	100
Пантикапей	4	37	1,5	31,5	26	100
Северное Причерноморье (в целом)	4	37	5	29	25	100

Не приходится сомневаться в том, что интенсивность синопского экспорта в различные районы Северного Причерноморья не была одинаковой. Рассматривая этот вопрос, И. Б. Брашинский пришел к выводу, что «в начальный период керамического клеймения в Синопе, в середине — третьей четверти IV в. до н. э., наиболее интенсивными были ее торговые сношения с Боспором, а также с Ольвией; значительными по объему были они с Херсонесом. При этом надлежит отметить, что экспорт в Херсонес и Ольвию, с одной стороны, и на Боспор, с другой, существенно различился: первые два города импортировали главным образом кровельную черепицу, Боспор же — оливковое масло и отчасти вино, то есть продукты, перевозившиеся в амфорах³⁷. Выводы И. Б. Брашинского в целом сохраняют силу, однако необходимо внести и ряд существенных поправок.

Не подтверждается вывод о преимущественном экспорте из Синолы в Херсонес черепицы. Действительно, в Ольвии че-

³⁷ Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы, с. 140.

репичные клейма составляют около 60% всех синопских керамических клейм, а в Херсонесе только 24%.

Далее, имеется возможность конкретизировать общие выводы И. Б. Брашинского о динамике синопского экспорта в Северное Причерноморье (табл. 5). Уже в первое десятилетие синопского клеймения ввоз сюда продукции в амфорах достигает весьма внушительного объема, около 40% всех клейм второй-третьей четверти IV в. до н. э. составляют безастиномовые штемпеля и клейма астиномов первого этапа I хронологической группы. В середине IV в. до н. э. происходит резкое сокращение синопского экспорта. Клейма астиномов второго этапа дают только 5% всех клейм позднеклассического периода. Объяснение этому факту надо искать в событиях внутреннего развития Синоп. К сожалению, этот этап истории города плохо освещен источниками. После временного упадка в 30—20 гг. IV в. до н. э. наступает новый подъем синопского экспорта. Клейма астиномов третьего этапа I группы и переходного от I ко II группе этапа составляют 55% всех синопских клейм позднеклассической эпохи.

На общем фоне развития экономических связей Синоп с северным побережьем Понта четко определяются своеобразные черты синопского экспорта в Херсонес. Наивысшей точкой в синопско-херсонесской торговле является начальный ее период, к которому принадлежит половина всех амфорных клейм второй-третьей четверти IV в. до н. э. (безмагистратские и клейма астиномов I этапа I хронологической группы). Как и в других районах Северного Причерноморья, в Херсонесе наблюдается в середине столетия резкое сокращение ввоза синопской продукции и новое усиление экспорта к концу позднеклассического периода. Однако прежний уровень достигнут не был, при II последних астиномах этого периода ввоз в Херсонес оказался лишь немногим выше, чем при пяти астиномах первого этапа. В Ольвии и Пантикапее картина иная. Основная масса обнаруженных здесь синопских амфорных клейм позднеклассического периода принадлежит магистратам конца I и рубежа I и II групп.

Таким образом, на протяжении позднеклассического периода во все греческие поселения по северному побережью Черного моря продукцию в клейменной керамической таре поставляли одни и те же средиземноморские и южнопонтийские центры. В первой половине IV в. основными экспортерами были Фасос и Гераклея, с середины столетия все более твердые позиции завоевывает продукция Синоп. Однако удельный

вес этих городов в общем импорте вина и оливкового масла в отдельных районах Северного Причерноморья не был одинаковым (табл. 6).

Таблица 6

Амфорные клейма конца V—IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья (в %)

Место находки	Средиземноморские центры			Южнопонтийские центры		Итого
	Фасос (к V—30 гг. IV в. до н. э.)	колесообразные сер. IV в. до н. э.	группа клейм с носом судна (3-я ч. IV в. до н. э.)	Гераклея (к. V—IV вв. до н. э.)	Синопа (370—320 гг. до н. э.)	
Ольвия	ок. 20,5	ок. 11,0	ок. 3,5	ок. 45,0	ок. 20,0	100
Херсонес	17,4	3,6	0,8	44,3	33,9	100
Пантикапей	56,0	ок. 8,0	ок. 2,0	ок. 16,0	ок. 18,0	100
Северное Причерноморье (в целом)	ок. 37,0	ок. 7,3	ок. 2,5	ок. 36,0	ок. 17,0	100

Прежде всего необходимо отметить различие в составе и интенсивности импорта между западной и восточной частями скифского побережья.

В Северо-Западное Причерноморье и в Западный Крым ввоз фасосской продукции в течение всего IV в. до н. э. осуществлялся в значительно меньших масштабах, чем гераклейской, а в Западном Крыму с середины IV в. до н. э. он уступал и импорту Синопы. Показательно, что в Херсонесе фасосских клейм обнаружено в процентном отношении в два с лишним раза меньше, чем в среднем по всему Северному Причерноморью. Кроме того, характерной чертой внешнеторговых связей позднеклассического Херсонеса являются его тесные контакты с Синопой с середины IV в. до н. э. Концентрация синопских амфорных клейм в Херсонесе в два раза выше, чем в среднем по всему Северному Причерноморью.

Вся первая половина IV в. до н. э. характеризуется постоянным возрастанием общего объема херсонесского импорта продуктов в клеймённых амфорах. Наивысшая точка была достигнута к середине столетия. В третьей четверти IV в. до н. э. положение изменяется. Размеры поступления вина с о. Фасоса в Херсонес остаются на прежнем уровне, но сокращается в

1,5—2 раза ввоз продукции с южного берега Понта. При этом, если сокращение гераклейского ввоза наблюдается по всему Северному Причерноморью, то довольно значительное снижение уровня синопского экспорта в 30-х гг. IV в. до н. э. отмечается только в Херсонесе.

Чем объясняется такой достаточно резкий спад в торговле Херсонеса с южнопонтскими центрами? Разгадку, видимо, следует искать в тех крупных сдвигах, которые происходили в экономике Херсонеса в конце позднеклассического периода. Начинается освоение под сельскохозяйственное производство основной территории Гераклейского полуострова³⁸. Вскоре Херсонес становится крупнейшим производителем вина в Северном Причерноморье. Появление собственного виноделия не могло не повлиять на состав и интенсивность ввоза в Херсонес продукции в клеймёной керамической таре. Спрос на высококачественные вина остается достаточно высоким и, естественно, не только сохраняется, но, видимо, даже возрастает фасосский экспорт в Херсонес. С другой стороны, в 30—20 гг. уменьшается, а к концу столетия, по-видимому, совсем исчезает потребность в импорте рядовых вин Гераклеи и Синопы. При этом резко сокращается доля Гераклеи в общем торговом балансе Херсонеса, доля Синопы снижается значительно меньше, что вполне понятно, если учесть, что у Синопы в клеймёной керамической таре наряду с вином в широких размерах транспортировалось оливковое масло.

• Т. П. КАЦ

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ САРДИНИИ

Древнюю историю Сардинии принято делить на два больших периода: доримский (до завоевания острова Римом в 238 г. до н. э.) и период римского господства¹, однако благодаря накоплению археологического материала к настоящему времени появилась возможность наметить более детальную периодизацию истории доримской Сардинии.

³⁸ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 25 сл.; Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — 1961, XC, VI, с. 74; Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове. — В кн.: Античный мир и археология, вып. I. 1972, с. 36.

¹ Pais E. La Sardegna prima del dominio romano. Atti dell'Accad. Naz. dei Lincei, 1881, p. 352.

Собственной письменной традиции древние сарды не оставили, так как не знали письменности. Данные античных авторов об острове отрывочны, часто легендарны, тенденциозны и ненадежны, поэтому главным источником для изучения ранних периодов истории Сардинии служат археологические материалы.

Сардиния, расположенная на пересечении морских путей, ведущих из Западного Средиземноморья в Восточное, уже с конца III — начала II тыс. до н. э. играла роль промежуточного связующего пункта. В формировании ее древней цивилизации принимали участие и восточно- и западнотсредиземноморские элементы. Древнейшие связи острова ведут на Крит, Кипр, Киклады, в Северную Африку, Южную Францию, Испанию, Балеарские острова, Италию, Сицилию, Мальту. Древнейшая сардская цивилизация складывалась в результате сложных процессов взаимовлияний и приобрела очень самобытный характер. При современном состоянии знаний невозможно выяснить подробности этих процессов, однако наметить общие линии возможно.

Заселение Сардинии по сравнению с близлежащими к ней материковыми районами и даже Сицилией и Мальтой начинается относительно поздно. До сего времени на острове не обнаружено никаких следов жизнедеятельности человека в палеолитический период. Первые поселенцы в Сардинии появились в эпоху позднего неолита. Сардский неолит представлен небольшим количеством материалов (изделия из обсидиана и кварца), не имеющих аналогий в других районах Средиземноморья². Малочисленность материалов и отсутствие аналогий не позволяют выяснить их датировку и происхождение. Дж. Лиллю отмечает, что сардский неолит характеризуется замедленностью развития, архаизмом и сохраняет много черт предшествующей мезолитической эпохи. Он предположительно считает, что появление на острове первых поселенцев можно отнести к середине III тыс. до н. э. и что неолитическая культура острова могла иметь западное происхождение³. Очевидно, неолитическое население не оказало сколько-нибудь существенного влияния на дальнейшее развитие острова и слилось с носителями энеолитических культур.

² Bray W. The Ozieri Culture of Sardinia. «Rivista di scienze preistoriche» (в дальнейшем — RSP). Firenze, 1963, v. XVIII, p. 172.

³ Lilliu G. La Sardegna nel secondo millennio a. C. — «Rivista storica Italiana», Napoli, 1965, v. LXXVII, fasc. 2, p. 358.

Энеолитические культуры Сардинии свидетельствуют о приходе новых поселенцев, с первой волной которых исследователи связывают погребальные сооружения в виде каменных ящиков — дольмены, обнаруженные на севере острова в Галлуре⁴. Основная масса памятников сконцентрирована на равнине у местечка Арцакена, от которого и получила свое название археологическая культура.

В 10 км от моря на равнине Ли Мури вскрыты пять каменных ящиков, окруженных кромлехами. Могилы разграблены еще в древности, керамика найдена только во фрагментах, от погребального инвентаря сохранились лишь отдельные изделия из камня и кости. Из-за плохой сохранности обнаруженных материалов выяснение хронологии и исходной точки движения носителей культуры Арцакена представляет сложность. В самой Сардинии погребения, подобные погребениям из Ли Мури, редки, между тем как они довольно обычны для других районов Западного Средиземноморья — Корсики, юга Франции и Апеннинского полуострова, Каталонии и Северной Африки⁵. Близкие по конструкции к Ли Мури погребальные сооружения Пиренейского полуострова в последнее время датируются радиоуглеродным методом 2340 ± 85 г. до н. э.⁶ Однако из сходства погребальных сооружений еще не следует, что культура Арцакена имела западносредиземноморское происхождение⁷. Каменные ящики были широко распространены в III—II тыс. до н. э. и позже не только в Западном, но и в Восточном Средиземноморье, на побережье Атлантического океана, на Кавказе и даже в Индии⁸. Следовательно, они не должны обязательно относиться к какой-то одной или даже нескольким близким археологическим культурам. Видимо, не исключена возможность их самостоятель-

⁴ Puglisi S. Villaggi sotto roccia e sepolcri megalitici della Gallura. — «Bull. Paletn. It.» (в дальнейшем — BPI), V—VI, NS, 1941—42 (XIX—XX), p. 123.

⁵ Puglisi S. Villaggi sotto roccia e sepolcri megalitici della Gallura. — BPI, V—VI, 1941—42 (XIX—XX), p. 123; Civiltà appenninica e sepolcri di tipo dolmenico a Piano Sultano — S. Severa. — «Rivista di Antropologia» (в дальнейшем — RA), 1954, XLI, p. 31.

⁶ Tarradell M. Les arrels de Catalunya. Barcelona, 1962, p. 144; *Atmocró* M. El poblado y la necropolis megalíticas de los Millares. Madrid, 1963, p. 252.

⁷ До недавнего времени исследователи разделяли этот вывод С. Пульизи (см.: Lilliu G. D'un candelabro paleosardo del Museo di Cagliari. — «Studi Sardi» (в дальнейшем — SS), 1948, VIII, p. 36.

⁸ Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1957, с. 285 сл.

ного и независимого возникновения в разных районах, имеющих сходные природные условия⁹.

Когда были проанализированы все составляющие культуру элементы, особенно погребальный инвентарь, оказалось, что аналогии ему надо искать не в Западном, а в Восточном Средиземноморье; черты сходства с погребальным инвентарем мегалитов Испании и Франции почти не прослеживаются¹⁰. Каменные навершия булав и стеатитовые бусы имеют аналогии в Эгейском бассейне на Крите периодов раннеминойского II и III и среднеминойского I; стеатитовая чаша с катушкообразными ручками находит ближайшие аналогии среди чаш, обнаруженных в каменных ящиках кикладского типа конца III тыс. до н. э. в Агиос-Космас в Аттике¹¹. Восточное происхождение культуры Арцакена теперь считается доказанным. По всей видимости, это население было также немногочисленным и могло освоить лишь несколько прибрежных долин, о чем свидетельствует немногочисленность памятников этой культуры и ограниченность зоны их распространения.

Основной энеолитической культурой острова является культура Сан-Микель-Озиери¹², на базе которой впоследствии выросла нурагическая цивилизация. Памятники культуры Сан-Микель, известные к настоящему времени, сосредоточены в плодородных районах западной части острова. Известно более 1000 высеченных в скале склепов, давших материалы культуры Сан-Микель. Местное название этих сооружений — «дома ведьм», они обычно изолированы, иногда встречаются по два-три, реже — более крупными группами (например, группа Ангелу Рую состоит из 31 гробницы), погребальный обряд — коллективное захоронение¹³.

Критерием для выделения культуры Сан-Микель-Озиери, как и выяснения зоны ее распространения на острове, послу-

⁹ Daniel G. The Megalith Builders of Western Europe. N. Y., 1959, p. 26.

¹⁰ Audibert J. Préhistoire de la Sardaigne. Résultats de Mission archéologique. — «Buletin d'Antropologie préhistorique de Monaco», 1958, 5, p. 240.

¹¹ Lilliu G. Op. cit. — RSI, 1965, LXXVII, fasc. 2, p. 336; Guido M. Sardinia, L., 1965, p. 38; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 39.

¹² Итальянские ученые (Дж. Лиллиу) ее обычно называют культурой Сан-Микель, английские (М. Гвидо, У. Брей) — культурой Озиери. Впервые следы этой культуры были открыты Ант. Тарамелли при раскопках грота Сан-Микель около Озиери в Сассари.

¹³ Lilliu G. Religione della Sardegna prenuragica. — BPI, 1957, p. 76.

жили своеобразные формы и орнаментация керамики. Самыми типичными являются полукруглые и ладьеобразные чаши (часто на трех ножках) с лощеной поверхностью, по обмозке которой нанесены полосы красной охрой. Особенно богато орнаментированы небольшие по размеру сосуды: врезной орнамент на них выполнен до обжига тонким углублением, иногда в накольчатой технике; в нескольких случаях для нанесения орнамента использованы раковины¹⁴. В тех местах, где возможно установить последовательность культурных слоев, материалы культуры Сан-Микель следуют за неолитическими и предшествуют находкам, относящимся к эпохе ранней бронзы¹⁵. Основным местом обитания носителей культуры Сан-Микель на ранних этапах были гроты и пещеры (особенно много их в юго-западной части острова, например, грот Сан-Бартоломео и пещеры С. Элиа около Кальяри, гроты Сан-Микель и Кармело в Озиери). Позже основным жилищем становятся круглые энеолитические хижины, группирующиеся в поселения. Такие поселения, расположенные обычно в плодородных долинах около рек или прудов, у лагун вдоль побережья от Кальяри до Ористано, зафиксированы приблизительно в 30 пунктах Сардинии. Площадь поселений невелика (1,5—2,5 га), на ней сгруппировано 50—60 хижин (200—300 обитателей)¹⁶. Ни одна из деревень еще не раскопана целиком, но даже разведочные работы дали богатый материал: только в одной хижине из Пюистерис (недалеко от Кальяри) обнаружено около 2 тыс. каменных орудий и других предметов, среди которых приблизительно 1300 сделаны из обсидиана¹⁷. Широкое использование обсидиана для изготовления режущих орудий является одной из характерных черт энеолита Сардинии, не менее характерная его черта—контраст между редкостью изделий из полированного камня и богатством орудий, не обработанных шлифовкой. Полировка практиковалась лишь при производстве топоров, стамесок, булав¹⁸. В «домах ведьм» довольно часто обнаруживаются медные предметы: книжалы, стрелы, топо-

¹⁴ *Lilliu G.* Op. cit. — RSI, 1965, LXXVII, p. 372; *Bray W.* Op. cit. — RSP, 1963, XVIII, p. 158; *Guido M.* Sardinia, p. 42.

¹⁵ *Atzeni E.* The Cave of San Bartolomeo. Sardinia. — «Antiquity», XXXVI, 1962, p. 185.

¹⁶ *Lilliu G.* La civiltà dei sardi dal neolitico all'età nuragica. Torino, 1963.

¹⁷ *Ibid.* Конструктивные особенности энеолитических хижин восстановить трудно, так как сохранились лишь их каменные фундаменты.

¹⁸ *Bray W.* Op. cit. — RSP, 1963, XVIII, p. 167.

ры, кольца, спирали, браслеты, но нет уверенности в том, к каким культурам их отнести — к Сан-Микель или более поздним. По всей вероятности, металл играл незначительную роль в хозяйственной жизни населения¹⁹. Находки на местах поселений зернотерок, пестов, ступ свидетельствуют о знакомстве носителей культуры Сан-Микель с земледелием, большое количество костей диких и домашних животных говорит о том, что существенное место в хозяйстве занимали охота и скотоводство, находки пряслиц указывают на значение ткачества.

Формы и орнаментация керамики, изделия из камня и металла, строительные приемы и типы погребальных сооружений, данные антропологических исследований свидетельствуют о восточном происхождении культуры Сан-Микель, но по своим индивидуальным чертам она своеобразна²⁰. Выявлены интересные аналогии сардским энеолитическим погребальным сооружениям («домам «ведьм»). Сходные с ними высеченные в скалах камерные могилы имеются в Западном Средиземноморье, в Сицилии, на Балеарских островах, в южной Испании²¹, напоминают их и погребальные сооружения острова Мальты так называемой культуры Тарксъен²². Сравнимые сооружения в Восточном Средиземноморье обнаружены на островах Эгейского моря (Сиррос, Эвбея) и датируются раннекикладским периодом²³. Характерной чертой всех этих сооружений помимо сходства конструкции является их использование в качестве коллективных могил. Восточносредиземноморское влияние прослеживается и в украшении склепов Сардинии головами быков, религиозными символами плодородия, хорошо известными в Восточном Средиземноморье и

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Taramelli Ant. Il tempio nuragico ed i monumenti primitivi di Serri.* — «Monumenti Antichi» (в дальнейшем — МА), 1914, XXIII, coll. 432; *Porro G. G. Influssi dell'Oriente preellenico sulla civiltà primitiva della Sardegna.* — «Atene e Roma» (в дальнейшем — АР), 1915, XVIII, p. 145; *Patroni G. L'origine del Nuraghe sardo e le relazioni della Sardegna con l'Oriente.* — АР, 1916, XIX, p. 144; *V. Guiffredia Ruggeri. Antropologia e archeologia.* — «Archivio per l'antropologia e l'etnologia». Firenze, 1916, v. XLVI, fasc. 1—2, p. 18; *Zervos Chr. La civilisation de la Sardaigne du début de l'énéolithique à la fin de la période nuragique.* P., 1954, p. 24; *Bray W. Op. cit.* — RSP, 1963, XVIII, p. 167; *Lilliu G. La civiltà...*, p. 66.

²¹ *Daniel G. The Megalith Builders...*, p. 30.

²² *Evans I. D. Malta, L.*, 1959, p. 131.

²³ *Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации*, с. 86. *Daniel G. The Megalith Builders ...*, p. 121.

особенно на Крите²⁴. С восточносредиземноморскими религиозными влияниями связывают большое количество найденных в Сардинии женских статуэток из мрамора и кальцита (сейчас их известно около 20). Хотя их связь с культурой Сан-Микель прямо не доказана, принадлежность их к энеолиту несомненна²⁵. Сардские статуэтки поразительно схожи с кикладскими «идолами», широко распространенными на островах Эгейского моря и на Крите в конце III — начале II тыс. до н. э., при этом существенно отметить, что в западной и центральной части Средиземноморья, кроме Сардинии, подобные мраморные фигурки кикладского типа представлены единственным экземпляром на острове Мальта²⁶. Исследователи отмечают, что сардские статуэтки довольно своеобразны и это позволяет их считать изделиями местных мастеров. Анализ фигурки из Сенорби и некоторых экземпляров из Ангелу Рую показывает, что они изготовлены из местного мрамора²⁷.

Вывод о непосредственном влиянии восточносредиземноморской культуры на энеолитическую Сардинию подтверждается и анализом керамики культуры Сан-Микель. Относящиеся к ней чаши на трех ножках в Западном Средиземноморье неизвестны, между тем как они широко представлены на Крите, Эгейских островах и на побережье Малой Азии²⁸. Вместе с тем керамика культуры Сан-Микель близка мальтийской керамике Тарксъен²⁹.

Сходство и взаимовлияния этих культур несомненны. Брей приходит к выводу об их одновременном существовании и достаточно тесных контактах между островами³⁰. Сходство между сардской и мальтийской культурами объясняется, по всей видимости, влиянием одних и тех же восточносредиземноморских районов, главным из которых был Минойский Крит. К настоящему времени вполне определенно установлено, что расцвет на Мальте культуры Тарксъен связан с усилением здесь влияния Крита³¹. Наличие такой связи облегча-

²⁴ Lilliu G. Op. cit. — BPI, 1957, p. 78; Guido M. Sardinia, p. 49.

²⁵ Ibid.

²⁶ Lilliu G. Op. cit. — BPI, 1957, p. 78; Guido M. Sardinia, p. 45.

²⁷ Bray W. Op. cit. — RSP, 1963, XVIII, p. 170.

²⁸ Ibid., p. 181.

²⁹ Evans J. D. Malta, p. 131; The prehistoric Antiquities of the Maltese Islands. L., 1971, p. 222.

³⁰ Bray W. Op. cit. — RSP, 1963, XVIII, p. 176.

³¹ Brea B. Malta and Mediterranean. — «Antiquity», 1960; Trump D. Malta and Mediterranean. — «Antiquity», 1961; Evans J. D. The prehistoric Antiquities ..., p. 224.

ет определение времени существования фазы Тарксъен в мальтийской мегалитической цивилизации: она соответствует среднеминойским II и III периодам и таким образом определяется 1850—1550 гг. до н. э. с возможной разницей в ту или иную сторону³². Следовательно, если культура Сан-Микель была одновременна с Тарксъен, ее можно датировать приблизительно теми же хронологическими рамками.

О возникновении контактов между Сардинией и прибрежными европейскими районами свидетельствуют находки на острове предметов матеральной культуры, носящей название культуры колоколовидных кубков, которую исследователи связывают с эпохой, переходной от неолита к бронзовому веку³³. Большинство ученых полагает, что эта культура возникла в центральной Испании и распространялась оттуда³⁴. Появление западных элементов в культуре Сардинии принято относить ко времени ок. 1800 г. до н. э., хотя датировку следует считать предварительной, так как единственным основанием для нее являются археологические параллели с южной Францией и Пиренейским полуостровом³⁵.

В Сардинии памятники культур Франции и Пиренейского полуострова перемешаны обычно с памятниками культуры Сан-Микель³⁶. Известно около 20 сосудов культуры колоколовидных кубков, найденных на острове, но обнаружено такое же количество чаш на трех ножках (типичная форма керамики культуры Сан-Микель), орнаментированных в стиле колоколовидных кубков³⁷. Большинство типов посуды этого стиля из Сардинии находит аналогии с экземплярами иберийского происхождения³⁸. Металлические предметы (медные княжы с треугольными лезвиями и с плоским черенком, медные топоры, спиралевидные браслеты из медной проволоки, бусы), найденные в Сардинии, находят аналогии в Каталонии и южной Франции с преобладанием последней³⁹. Более тесные связи с французским побережьем подтверждает и анализ ме-

³² *Bray W.* Op. cit. — RSP, 1963, XVIII, p. 180.

³³ *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 8.

³⁴ *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации, с. 346.

³⁵ *Lilliu G.* Op. cit. — RSI, 1965, LXXVII, p. 361, 394; *Guido M.* Sardinia, p. 67.

³⁶ *Lilliu G.* La civiltà..., p. 74.

³⁷ *Guido M.* Sardinia, p. 64.

³⁸ *Lilliu G.* Op. cit. — RSI, 1965, LXXVII, p. 396.

³⁹ *Id.* La civiltà..., p. 75; *Tarradell M.* Les arrels..., p. 120; *Guido M.* Sardinia, p. 64.

талла, из которого были сделаны оружие и предметы украшения⁴⁰.

Таким образом, первую половину II тыс. до н. э. следует рассматривать как время формирования и развития энеолитической культуры Сардинии, на смену которой пришла нурагическая культура эпохи бронзы. Именно нурагическая культура выражает неповторимый облик древней цивилизации сардов. Свое название она получила от нурагов⁴¹, огромных циклопических башен в форме усеченного конуса, выложенных из каменных блоков без связующего раствора. Нураги рассеяны по всему острову, к настоящему времени их известно около 7000⁴². Плотность нурагов (количество, приходящееся на кв. км. площади) в различных местах Сардинии неодинакова: самая большая в северо-западных и центральных районах, например, в Трексенте и Маргине она достигает 0,7—0,9; в ди Логине (Нуоро) на 7,67 кв. км расположено 15 нурагов, что дает среднюю плотность 1,87⁴³.

⁴⁰ Junghans, Saugmeister, Schröder. Metallanalysen kupferzeitlicher und frühbronzeitlicher Bodenfunde aus Europa. Berlin, 1960, анализы 556 — 565, 647.

⁴¹ В литературе термин «nuraghe» встречается в мужском и женском роде, но чаще в мужском. На острове он употребляется почти повсюду в мужском роде (*Marmora A. Voyage en Sardaigne, t. II, P., p. 361*) и в различных вариантах в зависимости от округа и диалекта: nurake, nuraxi, nuragi, nuracci, nuracu (*Wagner M. L. Dizionario Etimologico sardo, Heidelberg, 1962 — «nurake»*).

⁴² Такую цифру приводит крупнейший современный сардский археолог Дж. Лиллю (*Lilliu G. I Nuraghi. Torri preistoriche di Sardegna. Cagliari, 1962, p. 13*). Исследователи приводят неодинаковые данные о количестве нурагов. Леланну, например, увеличивал цифру до 8000 (*Le Lannou. Pères et Paysans de la Sardaigne. Tours, 1940, p. 215*). Такая разноречивость объясняется различной степенью сохранности нурагов. Заметим, что единственная в советской исторической литературе монография, упоминающая о нурагической культуре Сардинии, определяет количество нурагов в 2000 (см.: *Мокшайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1974, с. 96*). Автор ее не занимался специальным изучением нурагической культуры острова, она интересовала его в самых общих чертах).

⁴³ *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Roma, v. V., p. 606*. Наиболее плодородные равнины южной части острова не имеют теперь нурагических сооружений, однако это вовсе не значит, что их здесь не существовало. Исчезновение нурагов в южных плодородных районах является следствием карфагенского завоевания. Очевидно, развалины нурагов впоследствии использовались как каменоломни, на что обратил внимание А. Мармора, имевший возможность наблюдать в крестьянских постройках деревень Кампидано большое количество древних камней, подобных тем, из которых выложены нураги (*Marmora A. Voyage en Sardaigne, t. II, p. 37*). О том, что здесь некогда существовали нураги, свидетельст-

Широко представлены керамика, орудия труда, изделия из металла. Среди последних особое место занимают сардские бронзетти, небольшие бронзовые статуэтки вотивного назначения, изображающие людей и животных. К настоящему времени их известно около 400 экземпляров⁴⁴.

Совокупность всех этих материалов составляет культуру, которую, как и общество, создавшее ее, и период, в течение которого она создавалась, принято называть нурагическими⁴⁵. Несмотря на условность такого определения, оно вполне правомерно: во-первых, нураги — явление специфически сардское, не встречающееся ни в одном другом районе⁴⁶; во-вторых, из всех памятников, характерных для этой культуры, к настоящему времени лучше всего изучены именно нураги.

Подъем древнесардского общества наиболее отчетливо выразился в активной строительной деятельности островного населения. Нураги прошли длительную эволюцию. В первоначальном варианте архаический нураг представляет собой изолированную одноэтажную башню в форме усеченного конуса. Вход в нее находился выше уровня земли и попасть вовнутрь было возможно только с помощью приставной лестницы, деревянной или веревочной. Самой характерной чертой этих сооружений был ложный свод, образованный постепенным напуском горизонтальных рядов кладки. В толще стены устранивались ниши, комната внутри башни имела не круг-

вуют данные топонимики. Многие названия мест включают в себя *Su Nuraxi*: *Bruncu su Nuraxi*, *Succuru su Nuraxi*; *Sa Tanca su Nurache* (*Le Lannou. Pâtres et Paysans de la Sardaigne*, p. 13, 21).

⁴⁴ 3/4 их хранится в Национальном археологическом музее Кальяри. Около 30 фигурок имеется в Национальном археологическом музее Сассари; несколько бронзетти хранится в других итальянских и европейских музеях: 2 экземпляра — в Лондоне (Британский музей), 5 — в Париже (1 — в Лувре, 4 — в Кабинете Медалей Национальной библиотеки), 1 — в Копенгагенском музее (*Pesce G., Lilliu G. Sculture della Sardegna Nuragica. Venise, 1949*, p. 30).

⁴⁵ *Pallotino M. La Sardegna nuragica. Roma, 1950; Zervos Chr. La civilisation de la Sardaigne du début de l'énéolithique à la fin de la période nuragique; Lilliu G. La civiltà dei sardi dal neolitico all'età nuragica; Guido M. Sardinia.*

⁴⁶ Сходные с нурагами (но не нураги) сооружения строились на островах Западного Средиземноморья, на юге Франции (*Grosjean R. La Corse avant l'histoire. P., 1966; Lilliu G. Rapports entre la culture «torréenne» et les aspects culturels pré- et proto-nuragique de la Sardaigne. Congrès préhistorique de France. Session 18. P., 1966, p. 295—320; Evans J. D. The prehistoric antiquities of the Maltesa islands.*

люю, а эллиптическую форму⁴⁷. Уже к концу II тыс. до н. э. нурагическая башня достигает полного развития в плане и структуре. Появляются усложненные нураги, башни которых имеют не только центральные комнаты, но и вспомогательные помещения. В комнату ведет входной коридор, в стенах которого устраиваются ниши для стражи. Башни имеют по два-три этажа, которые соединяет лестница, идущая в толще стены. Таким образом нураги эволюционировали как оборонительные сооружения: от одиночных одноэтажных башен к многоэтажным укрепленным дополнительными башнями и стенами сооружениям, под защитой которых находились прилегающие к ним поселения.

Подъем сардского общества сопровождался разрастанием старых и появлением новых поселений. Зафиксировано около 100 нурагических деревень, которые рассеяны по всему острову и располагаются в долинах, на высокогорных плато, на морском побережье⁴⁸.

Одной из главных причин подъема сардского общества в нурагический период было освоение островным населением металлургии бронзы и эксплуатация местных руд. Остатки горнорудных разработок, плавильных печей, кладов металлических изделий (топоры, мечи, бронзетты) обнаружены почти во всех районах острова и свидетельствуют об интенсивном развитии металлургического производства⁴⁹.

Раскопки нурагического комплекса Су Нуракси под руководством профессора Дж. Лиллю (университет Кальяри) позволили проследить эволюцию этого комплекса от простейшей башни до сложного многобашенного оборонительного сооружения, выделить последовательную смену строительных периодов в развитии нурага и прилегающего к нему поселения. Стратиграфический анализ обнаруженных материалов позволил установить датировку различных конструкций. Данные раскопок Су Нуракси легли в основу общепринятой теперь периодизации истории нурагической Сардинии⁵⁰.

⁴⁷ Описание ранних нурагов см.: *Lilliu G. Op. cit.* — RSI, 1965, LXXVII, p. 408; *Zervos Chr. La civilisation ...*, p. 82.

⁴⁸ *Zervos Chr. La civilisation ...*, p. 68; *Lilliu G. La civiltà...*, p. 196. Некоторые из деревень хорошо сохранились, от других остались только слабые следы, так как они часто использовались впоследствии в качестве каменоломен.

⁴⁹ *Zervos Chr. La civilisation ...*, p. 48; *Lilliu G. La civiltà...*, p. 61.

⁵⁰ *Lilliu G. II nuraghe di Barumini e la stratigrafia nuragica.* — «Studi Sardi», 1952—1954, XII—XIII; *The Nuraghi of Sardinia.* — «Antiquity», 1959, XXXIII; *Las Nurages.* — «Ampurias», 1962, 24.

Нурагическая эпоха Сардинии, охватывающая время между 1500 и 238 гг. до н. э. и соответствующая трем периодам средиземноморской истории (средней и поздней бронзы и железному веку), в свою очередь подразделяется на три периода:

1) архаический нурагический период соответствует средней и поздней бронзе в Средиземноморье и характеризуется формированием нурагической цивилизации;

2) средний нурагический (средненурагический) период характеризуется наивысшим подъемом нурагического общества и соответствует раннему железу в Средиземноморье;

3) поздний нурагический (поздненурагический) период характеризуется упадком местной цивилизации и соответствует по времени железному веку Средиземноморья⁵¹.

Хронология этих этапов развития нурагической цивилизации представляется следующим образом.

Нурагическая архаика	1500 г. до н. э. — X в. до н. э.
Средняя бронза	1500 г. до н. э. — 1200 г. до н. э.
Поздняя бронза	1200 г. до н. э. — X в. до н. э.
Средненурагический период	X—VI вв. до н. э.
Нурагический I нижний Барумини	X—IX вв. до н. э. (начало железного века)
Нурагический I верхний Барумини	VIII—VI вв. до н. э. (железный век)
Поздненурагический период — нурагический II Барумини	VI в. до н. э. — 238 г. до н. э. ⁵²

Эта периодизация истории Сардинии и соответствующая ей классификация памятников не могут быть безоговорочно распространены на весь остров, так как она построена на результатах раскопок довольно ограниченной территории. Кроме того, для Сардинии даже в настоящее время типична изолированность отдельных ее районов⁵³, чему во многом способствуют природные условия, гористый преимущес-

⁵¹ Lilliu G. La civiltà..., p. 12.

⁵² Ibid., p. 14.

⁵³ Dacharry M. Tourisme et transport en Méditerranée Occidentale. Iles Baléares — Corse — Sardaigne. P., 1964, p. 19.

но характер рельефа. В древности эта изолированность проявлялась еще сильнее, что должно было привести к появлению большого количества местных или, как выражается Дж. Лиллю, «кантональных» вариантов нурагической культуры, проследить которые пока невозможно.

Хронология различных периодов и культур, которые им соответствуют, тоже условна. Она устанавливается по археологическим материалам, обнаруженным не только и не столько в Сардинии. Отсутствие у сардов письменности исключает возможность сопоставить археологические материалы с письменными. Изолированность острова и консерватизм в развитии культуры делают датировку его памятников затруднительной. Для выяснения начальной даты архаического нурагического периода используются результаты радиоуглеродного анализа обуглившейся деревянной балки башни нурага Су Нуракси Барумини.

Сначала анализ дал приблизительную датировку 1270 ± 200 ⁵⁴, однако в дальнейшем было произведено уточнение и наиболее вероятными данными анализа к настоящему времени признаны 1470 ± 200 ⁵⁵. Близкую к этой датировку показал анализ органических остатков из башни нурага Пицину (Нуоро), причем нураги, материалы которых подвергались анализу, по типу не являются самыми ранними⁵⁶. Косвенным аргументом для датировки начала архаического нурагического периода служат медные слитки в форме бычьей шкуры с знаками эгейского алфавита (линейное письмо А) или метками литейщика, найденные на острове около некоторых нурагов⁵⁷. Слитки, как полагают исследователи, были ввезены в Сардинию с Кипра или Крита, так как подобные им экземпляры были посланы критянами египетским правителям около 1500 г. до н. э. и изображены на стенах гробницы Рехмире, визира фараона Тутмоса III⁵⁸.

Для датировки периода апогея нурагической цивилизации (средненурагический период) большой интерес представляют некоторые очень характерные формы керамики — кувшины с клювовидным носом, чаши без ручек (пшалы) с геометрическим орнаментом, в большей или меньшей степени имитиру-

⁵⁴ *Lilliu G.* Op. cit. — SS, XII—XIII, 1955, p. 164; I Nuraghi, p. 37.

⁵⁵ *Lilliu G.* Op. cit. — RSI, 1965, LXXVII, p. 361.

⁵⁶ *Guido M.* Sardinia, p. 110.

⁵⁷ Три слитка найдены около нурага в Серра Иликси (Нурагус), один — около нурага Сант Антиоко (Озпер), один — в Асемини.

⁵⁸ *Lilliu G.* La civiltà..., p. 15.

ющие аналогичные профили керамики с Итальянского полуострова: из могил культуры Вилланова и из протоэтрусских могил, датируемых VIII—VII вв. до н. э.⁵⁹. Еще большее значение для установления хронологии средненурагического периода имеют находки в Этруррии сардских бронзетти, которые по археологическому контексту датируются VIII—VI вв. до н. э.⁶⁰.

До середины XX века среди исследователей сардских памятников господствовало мнение о том, что между энеолитом и нурагическим периодом существовал значительный разрыв: расцвет энеолитической культуры датируется первой половиной II тыс. до н. э., а основная масса памятников нурагической культуры — первой половиной I тыс. до н. э. Разрыв во времени совпадал с разрывом в культурных традициях, из чего делалось предположение о появлении в Сардинии в конце II тыс. до н. э. новой этнической группы, создавшей нурагическую культуру⁶¹. Дальнейшее изучение сардских памятников показало, что разрыв между энеолитом и нурагическим периодом следует сократить. Внимание исследователей было обращено на непрерывность в развитии погребальных сооружений острова — от гротов к дольменам, а от них — к могилам гигантов, типичным памятникам нурагической эпохи, и на ранние формы нурагов, строительные традиции которых восходят к энеолиту⁶². Наконец, археологический материал, накопившийся к 60-м гг., позволил выделить археологические культуры, промежуточные между энеолитом и нурагическим периодом — культуры Буннаннаро и Монте Кларо. Изучение этих культур только начинается, но бесспорно то, что они связаны как с энеолитическими культурами острова, так и с ранними нурагами⁶³.

Л. С. КЛЕЙН

О ХАРАКТЕРЕ РИМСКОГО ИМПОРТА В БОГАТЫХ КУРГАНАХ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДОНУ

Более ста лет назад на окраине Новочеркасска был раскопан курган Хохлач — «главный памятник» сарматской эпохи,

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Bouchier E. S. *Sardinia in ancient times*. Oxford, 1917, p. 44.

⁶² Zervos Chr. *La civilisation ...*, p. 38.

⁶³ Lilliu G. *Op. cit.* — RSI, LXXVII, p. 406—408.

по выражению И. И. Толстого и Н. П. Кондакова¹. Золотые изделия из этой могилы, несомненно царского разряда, открытой случайно, поступили в Особую кладовую Эрмитажа и приобрели мировую известность под именем Новочеркасского клада. Это типичные местные вещи (диадема, гривна, браслет, сосуды и проч.), украшенные рельефными изображениями в сарматском зверином стиле. Поскольку весь комплекс до сих пор не опубликован, менее известны оказались серебряные и бронзовые сосуды из Хохлача — аск, амфора, кружка, кувшины — импорт из пределов Римского государства.

Век спустя после того, как был раскопан Хохлач, неподалеку от него автору этих строк с группой студентов-археологов (это был Новочеркасский отряд Кобяковской экспедиции, начальником которой была С. И. Капошина) довелось раскопать второй по значению памятник этого круга — Садовый курган². Здесь тоже с серией золотых вещей сарматского звериного стиля (фалары) сочетались импортные сосуды — 8 серебряных позолоченных чаш с медальонами, серебряный таз, бронзовый таз и др. Римским импортом Садовый курган даже богаче Хохлача. В те же годы другими отрядами Кобяковской экспедиции было раскопано в числе сарматских курганов еще два богатых, хотя и не столь, как вышеназванные, — в Багаевском районе (между хуторами Верхне-Янченков и Кудинов)³. И здесь нашлась импортная римская бронзовая посуда — амфоры, тазы, аск.

Римский импортный металл открывали в сарматских курганах, хотя и менее крупными порциями, также другие экспедиции на соседних территориях на Нижнем Дону. В целом этому материалу специально посвящен ряд работ Д. Б. Шелова, С. И. Капошиной, Б. А. Раева, вышла ценная довольно полная сводка В. В. Кропоткина⁴.

¹ Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. Спб., 1890, с. 132.

² Клейн Л. С. Садовый курган — новый выдающийся памятник сарматской культуры. — «Вестник ЛГУ», 1962, № 20, с. 164—167; *Kaposhina S. I. A Sarmatian royal burial at Novotcherkassk.* — «Antiquity», 1963, vol. XXXVI, N 148, p. 236—258; *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркаска. — «Вестник Академии наук СССР», 1963, № 3, с. 128—130.

³ *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции. — КСИА, 1965, № 103, с. 45—52.

⁴ Шелов Д. Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. — *Acta archaeologica Ac. Sc. Hungariae*, 1965, t. XVII, s. 251—274; *он же.* Западноримские импорты в Нижнем Подонье

В 1969—1973 гг. раскопки сарматских курганов под Новочеркасском продолжила руководимая мною экспедиция Ленинградского университета^{4а}. Наши раскопки дали еще несколько сарматских комплексов, в том числе один довольно богатый — с импортными бронзовыми сосудами: кувшином и тазом с медальоном⁵.

Несмотря на, казалось бы, хорошие показания для датировки (римский импорт), хронология этих комплексов долгое время оставалась шаткой. «Главный памятник» — Хохлач — датировали от III в. до н. э. (Э. Миннз) до III—IV вв. н. э. (И. И. Толстой и Н. П. Кондаков). Позже размах колебаний сузился вдвое: от I в. до н. э. (М. И. Артамонов) до II в. н. э. (Д. Б. Шелов). Садовый курган был датирован концом I в. до н. э. или руб. н. э. (С. И. Капошина) или I в. н. э. (Л. С. Клейн). Работы Кобяковской экспедиции и наши раскопки последних лет позволили уточнить хронологию этих памятников, так как дали комплексы (Багаевские и Соколовские курганы), сравнительно хорошо датированные керамикой и импортными вещами из металла и в то же время тесно связанные многими редкостными аналогиями с Хохлачом и Садовым курганом. Это позволило разместить всю группу предположительно на отрезке от сер. I в. н. э. до сер. II в. н. э.⁶; для части импорта остается в силе датировка Д. Б.

в первые века н. э. — ЗОАО. Одесса, 1967, т. 2(35), с. 99—113; Капошина С. И. Итальянский импорт на Нижнем Дону. — Там же, с. 208—213; она же. Связь сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и первые века н. э. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 145—150; Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. — САИ, М., 1970, вып. Д1—27.

^{4а} В осмыслении ее результатов и сложились идеи данной работы. В начале 1971 г. она была доложена (первое изложение см.: «Ленинградский университет», 1971, № 16, 17, 20, 21) на заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ и в секторе древнего мира ЛОИИ; ценные соображения участников обсуждения (Д. П. Каллистов, А. А. Нейхард и др.) с признательностью учтены автором. Автор благодарен также за советы и помощь при подготовке работы к печати Б. А. Расву.

⁵ Клейн Л. С. и др. Курганы под Новочеркасском. — АО 1970. М., 1971, с. 103; Раев Б. А. Богатое сарматское погребение из 3-го Соколовского кургана. — «Вестник ЛГУ», 1972, № 20, с. 128—130; он же. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана. — СА, 1974, № 3, с. 181—189; он же. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона. — СА, 1976, № 1, с. 123—134.

⁶ Раев В. А. Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. — Bulletin des Musées Royaux d'Arts et d'Histoire. Bruxelles, 1977, N 48, p. 139—149; Раев В. А. Металлические сосуды кургана Хохлач (материалы к хронологии богатых курганов сарматского времени в Нижнем Подонье). — «Проблемы археологии», № 2, 1978, с. 89—94.

Шелова (II в. н. э.). Уточнение хронологии важно для более правильного определения характера импорта.

В. В. Кропоткин и Д. Б. Шелов рассматривают весь состав римского импорта в наших степях как результат торговли⁷. Этот вывод они распространяют и на ту парадную столовую художественную посуду из бронзы и серебра, которая оказалась в богатейших сарматских курганах Подонья. В. П. Шилов показал маловероятность проникновения римского столового серебра к сарматам торговым путем через Танаис⁸. Между тем если торговое происхождение амфорной тары, стеклянных сосудов и других статей экспорта римских провинций не вызывает сомнений, то с художественным металлом, особенно парадной посудой, дело обстоит иначе.

Сравним их распространение. Карты, составленные В. В. Кропоткиным (в его своде это рис. 1, 4, 9, 14, 16, 27), показывают, что находки амфорной тары, краснолаковой керамики и стеклянных сосудов, возьмем ли мы широкий отрезок времени (I в. до н. э. — V в. н. э.) или более узкий (I в. до н. э. — нач. I в. н. э.), густо рассыпаны у границ Римского государства и в непосредственной близости от античных городов Северного Причерноморья. Они покрывают Молдавию, Левобережную Украину, выходят на правый берег в Среднем Поднепровье, дают скопления в низовьях Дона и на Кубани.

Карты распространения металлических римских сосудов составлены у В. В. Кропоткина лишь по видам изделий, без разделения по векам, что скрадывает существенные различия. Если же нанести на карту только бронзовую столовую и культовую художественную посуду и только первых двух веков н. э. (времени Хохлача и Садового кургана, в широком понимании), то сразу же бросится в глаза резкое отличие полученного ареала (рис. 1) от рассмотренного выше. Как раз Правобережная Украина и Молдавия почти пусты, Левобережная Украина — тоже, и лишь на Дону и за Доном, в Поволжье и Прикубанье, густо размещаются находки. Еще кон-

⁷ Шелов Д. Б. Указ. соч.: Кропоткин В. В. Указ. соч., с. 5—8, 42; *он же*. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

⁸ Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. — КСИА АН СССР, 1973, № 138, с. 64—65.

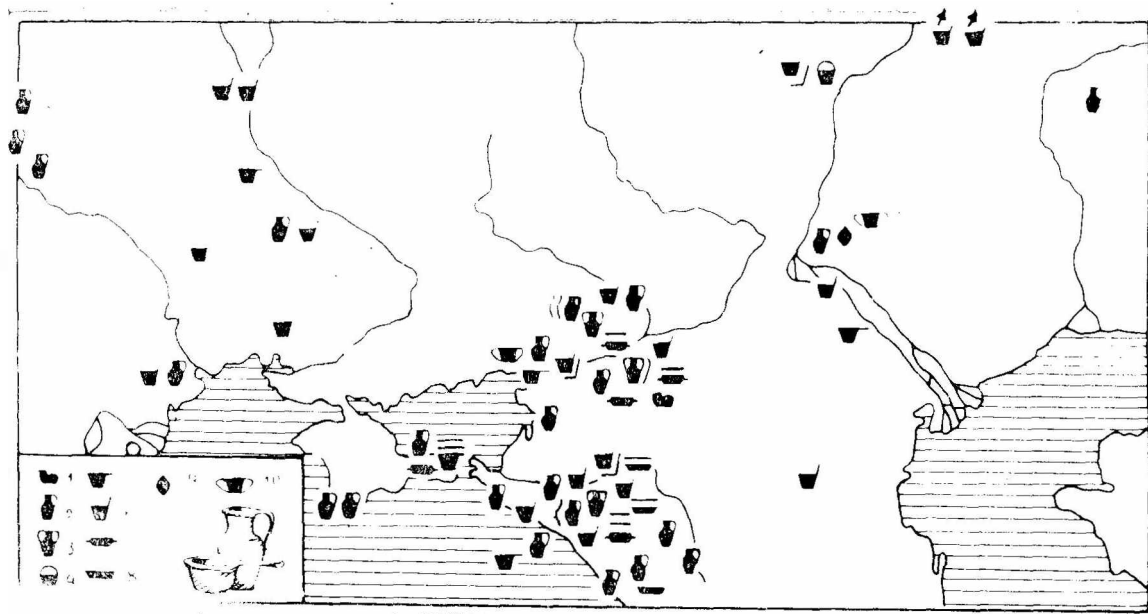

Рис. 1. Распространение импортной бронзовой столовой, туалетной и культовой художественной посуды I—II вв. н. э. Условные обозначения: 1 — аск, 2 — кувшин, ойнохойя, 3 — амфора, 4 — ситула, 5 — патера, 6 — ковш, черпак или цедилка, 7 — таз, 8 — миска, блюдо, 9 — пиксида, 10 — кратер или канфар

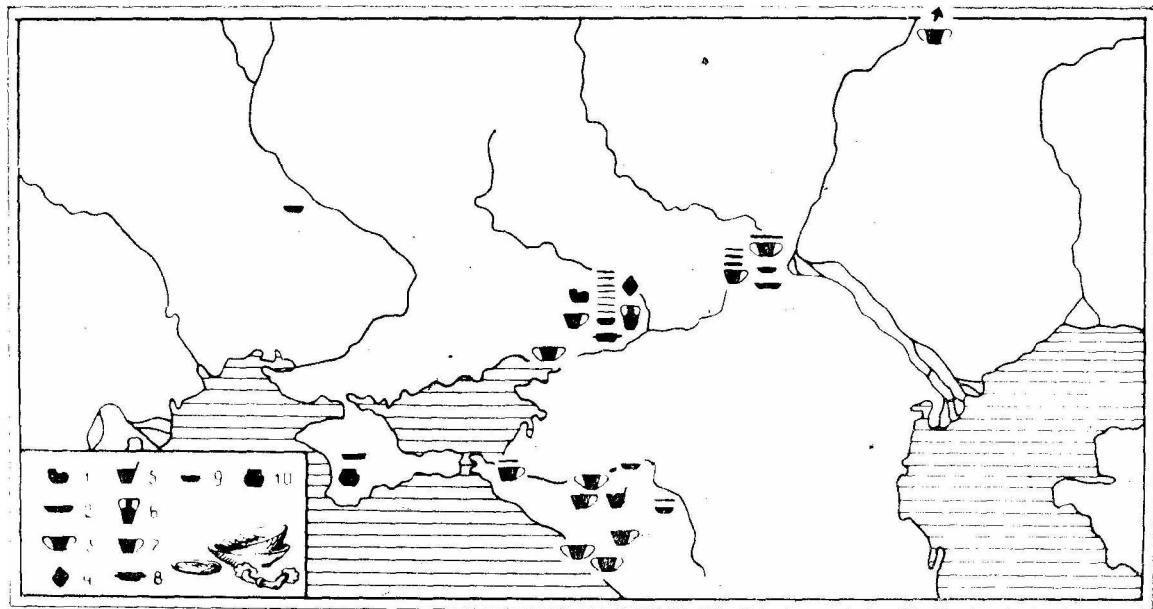

Рис. 2. Распространение импортного художественного столового и туалетного серебра I—II вв. н. э.
Условные обозначения: 1 — аска, 2 — блюдо, миска, 3 — канфар, двуручная чаша, 4 — пиксида, 5 — ковш,
черпак, 6 — амфора, 7 — кубок, 8 — таз, 9 — чаша-фиала, 10 — сосуд не установленной формы

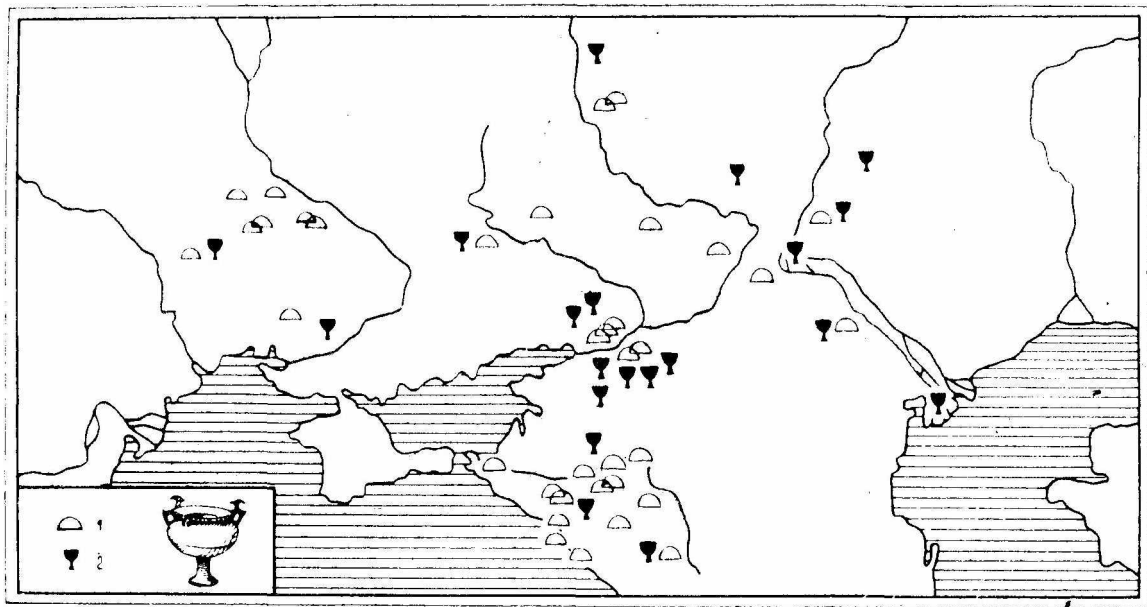

Рис. 3. Размещение богатых могил сарматского круга I—II вв. н. э. Условные обозначения: 1 — богатые погребения сарматского круга (включая раннеаланские), 2 — литые бронзовые котлы

трастнее становится это отличие при картировании художественного столового серебра (рис. 2). Трудно объяснить это отличие спецификой торговли различными статьями экспорта. Неужели к западу от Дона совсем не было спроса на художественную столовую посуду или не было достаточно богатых покупателей?

Можно поставить контрольный вопрос в несколько ином плане: не отсутствовали ли к западу от Дона вообще богатые сарматские погребения или обычай класть в них посуду? Для проверки составляем карту богатых сарматских могил I—II вв. н. э. и больших литых бронзовых котлов, находимых обычно в богатых могилах (а иногда — в качестве случайных находок). Результат (рис. 3) очевиден: богатые сарматские погребения к западу от Дона в I—II вв. н. э. были (причем обычно — с импортными вещами), и посуду в них клали, но свою, сарматскую. Почему-то богатейшая художественная столовая посуда из римского государства проносилась мимо этих богатых сарматов, обходила их, отправлялась дальше на восток, не оседая там, где оседали все обычные римские товары. Зарождается подозрение относительно столовой посуды, что это и не были товары, не были предметы торговли.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что если драгоценные греческие сосуды из скифских курганов были изготовлены специально с расчетом на скифского потребителя (несут изображения на сюжеты из скифского эпоса и мифологии), то римские драгоценные сосуды из сарматских курганов (так же как из германских кладов и погребений) первоначально явно для сарматов или германцев не предназначались (на одном кубке из Хоби даже изображен коленопреклоненный варварский вождь, целующий руку римскому военачальнику, сидящему в кресле). Вкусы сарматских князей хорошо выражены в собственно сарматских изображениях звериного стиля — это кровавые сцены борьбы и терзания зверей. Вряд ли этого потребителя особенно интересовали тонкости взаимоотношений Амура и Психеи. Торговцы уникальными драгоценностями не могли игнорировать вкус предполагаемого покупателя.

С. И. Капошина, отметив бедность рассматриваемых категорий импорта в античных городах Северного Причерноморья, высказала предположение, что роскошная серебряная и бронзовая посуда донских сарматских курганов является военной добычей, которую сарматские вожди принесли из по-

ходов Митридата (по письменным источникам известно участие сарматов на стороне Митридата)⁹.

Однако для военной добычи слишком странной приходится признать высокую избирательность категорий. При ограблении побежденных, взимании дани, контрибуции и т. п. обычно не делалось разбора — хватали любое богатство, попавшееся под руку: женские украшения, дорогое оружие, предметы парадного конского убора, столовую посуду, ритуальную посуду, инсигнии власти, дворцовую мебель, статуи и проч. В сарматских же курганах из всех этих категорий налицо только художественная посуда. Не то, чтобы в них не было дорогих предметов конского убора, инсигний власти и т. п. — они есть, но свои, местные, выполненные в сарматском зверином стиле. А вот парадная художественная металлическая посуда — привозная.

Кроме того, для военной добычи, полученной из совместных походов с Митридатом, очень странно обилие импорта из Придунайских провинций в сарматских курганах Дона. Митридат, как известно, столь далеко на запад не ходил.

В подтверждение предположенного ею характера римского импорта в указанных сарматских курганах, С. И. Капошина опирается на якобы случайный, сборный состав винного сервиза, оказавшегося в Садовом кургане. Она полагает, что среди восьми серебряных чаш сервиза изначальными комплексами являются несколько пар, выявленных по сюжетам их медальонов и по орнаментальному оформлению (пара — на сюжет из мифа об Амуре и Психее, пара — с Нереидами на тритонах, везущих оружие Ахиллу, пара — с Нереидами, плывущими на гиппокампах), а все вместе они объединены случайно, то есть, по сути, это не цельный сервиз, а случайный набор чаш. Их мог объединить первоначальный хозяин, а мог и грабитель.

Это совершенно не так. Все восемь чаш выполнены в одной мастерской: они имеют одинаковую форму и близкие размеры, орнаментированы в одном стиле, более на таких чашах (металлических фиалах) пока не встреченном (мотив эгиды), одинаково позолочены и снабжены все, как одна, накладными медальонами.

Еще более примечательно, что количество чаш в сервизе (8) не является случайным: оно повторяется в других памятниках, весьма широко разбросанных по Европе. Через два

⁹ Капошина С. И. Связи сарматских племен..., с. 149.

года после открытия Садового кургана был раскопан В. П. Шиловым очень схожий по составу и близкий по дате комплекс в пос. Октябрьском близ Жутова в Волго-Донском междуречье: там тоже было 14 фаларов и тоже 8 импортных сосудов¹⁰. Это старая традиция. Относящийся к бронзовому веку клад Эберсвальде близ Берлина имел в своем составе 8 золотых сосудов (Гальштатский импорт)¹¹. Богатейший клад римского столового серебра и бронзы, датированный концом I в. до н. э. — нач. I в. н. э., в Дании — Хоби на Лоланде, — дал 8 сосудов, правда, собранных из разных категорий (кубки, рога, черпак, ситула, сковородка)¹². В княжеском погребении I в. н. э. Любзов (Германия) также набор металлической посуды состоит из 8 предметов: 2 рога, 2 кубка, 2 черпака, кувшин и тарелка (если не считать большого ведра)¹³. Золотой клад Панагюриште (Болгария), IV в. до н. э., дал, как и Любзов, 9 сосудов, но для питья только 8 (4 ритона, 3 кубка-кувшина, 1 фиала); девятый сосуд — амфора¹⁴. Особенно показателен в этом отношении знаменитый клад римского серебра Гильдесгейм (втор. пол. I в. до н. э. — перв. пол. I в. н. э.). В составе посуды здесь оказалось 8 подносов и блюд, 8 чаш-фиал и 9 кубков, но один из этих девяти значительно выше других и, так сказать, выпадает из ряда, видимо, добавлен со стороны¹⁵. Клад приписывают какому-то римскому военачальнику, погибшему в Германии, но приведенные сопоставления говорят против этой догадки.

Мы видим, что греческая и римская столовая металлическая посуда за пределами античных государств, в варварской Европе, очень часто оказывается в наборах по 8 предметов. Поскольку и у римлян и у германцев был обычай подавать пирующим по паре одинаковых сосудов (для двух видов на-

¹⁰ *Бентович И. Б.* Сектор Средней Азии и Кавказа в 1963 и 1964 гг. — КСИА, 1966, № 108, с. 138.

¹¹ *Schuchhardt C.* Der Goldfund. von Messingwerk bei Eberswalde. Berlin, 1914.

¹² *Johansen K. Fr.* Hoby-fundet. — In: Nordiske fortidsminder. Bd. II, H. 3. Kjobenhavn, 1923, s. 119—164.

¹³ *Eggers H. J.* Der römische Import im Freien Germanien. Hamburg, 1951, S. 106, N 688.

¹⁴ *Zontschew D.* Der Goldschatz von Panagjurische. — «Das Altertum», 1957, Bd. 3, H. 3, S. 150—159.

¹⁵ *Pernice E., Winter F.* Der Hildesheimer Silberfund. Berlin, 1901.

питков)¹⁶, вполне возможно, что сервиз предназначался для четырех участников пира. В самом античном мире такого порядка накрывания стола (на 4 или 8 персон) не наблюдается. Триклиний предусматривал, очевидно, тройственное расположение и количество пирующих, кратное трем (обычно девять)¹⁷. С востока распространялась трапеза с 12 участниками, приведшая к стандартным сервизам современного мира (на 12 персон). Есть лишь одно исключение из этой негативной констатации: среди 108 сосудов сокровища Боскореале в Италии имеются четыре пары серебряных скифосов и 4 пары серебряных канфаров¹⁸, но так как в другом крупном кладе серебра в Италии — в кладе из Каза дель Менандро в Помпеях — среди 118 сосудов оказались три пары скифосов и две пары канфаров¹⁹, то частичное совпадение боскореальского набора с периферийными можно считать случайным (или предположить, что в состав клада Боскореале вошли сосуды, подготовленные к отправке за рубеж). Трудно сказать, в отношениях с какими племенами сложилась у греков и римлян традиция посылать варварам наборы по 8 сосудов (судя по Эберсвальде, скорее это были германские племена²⁰, чем скифско-сарматские), но традиция эта держалась долго.

Во всяком случае ясно, что такие наборы греки и римляне изготавливали не для себя. Обратившись вновь к сервизу из Садового кургана, мы можем заметить, что, хотя сделан он и специально на заказ в одной мастерской, но в мастерской, не подготовленной к выполнению таких заказов. В этой мастерской привыкли изготавливать парные и одиночные фиалы. Получив заказ на одностильный, цельный набор из 8 фиал, хозяин мастерской соединил три близких по виду пары, добавил одну подходящую одиночную фиалу (с медальоном, изображающим Силену в винограднике), а так как до требуемого числа все же не хватило одной фиалы, а набор наличных форм и сюжетов был, видимо, исчерпан, то хозяин вы-

¹⁶ Werner J. Römische Trinkgefäße in germanischen Gräbern der Kaiserzeit. — In: Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahl-Festschrift). Heidelberg, 1950, S. 168.

¹⁷ Hug A. [s. v.] Triclinium. — In: Pauly-Wissowa Realencyclopädie, 2. R., Bd. 13, 1939, s. 95.

¹⁸ Villefosse Héron A. de. Le trésor de Boscoreale. Paris, 1899.

¹⁹ Maiuri A. La Casa del Menandro. Roma, 1932.

²⁰ См. также: Bremer O. Vier und acht. Streitberg-Festgabe. Leipzig, 1924, S. 20—23; Семка Е. С. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира. — «Труды по знаковым системам». Тарту, 1971, № 5, с. 92—123.

шел из положения так: велел попросту повторить какую-нибудь фиалу — все равно какую. И была повторена одна из парных фиал с медальоном, изображающим Нерейду на Гиппокампе. Так было достигнуто требуемое количество, и набор оказался цельным.

Никаким ограблением, никакими случайностями военной добычи весь этот ряд совпадений объяснить нельзя.

Пересмотр хронологии и совсем отмечает увязку рассматриваемого импорта с походами Митридата: основная масса этого импорта значительно моложе.

Делая предположение о военной добыче, С. И. Капошина не исключала и торговое происхождение какой-то части импорта, о котором идет речь. Но это при ее датировке и вовсе отпадает: ведь эпоха Митридатовых войн была сопряжена с упадком торговли, с экономической блокадой античных городов Боспора со стороны Рима — было бы чрезвычайно странно, если бы это сопровождалось расцветом римского вывоза художественных серебра и бронзы на Дон и Кубань.

Если не торговля и не военная добыча, то что же?

Здесь надлежит исходить из учета того места, какое занимали предметы торевтики в жизни римлян и в их обычаях. Римляне если и не ценили серебро выше золота, то во всяком случае любили больше: дань с побежденных народов всегда брали серебром, а не золотом²¹. В императорском Риме распространилась настоящая эпидемия коллекционирования художественных изделий из серебра и бронзы. За них платили баснословные суммы. За фиалу с медальоном, изображающим сцену с Улисом и Диомедом, было уплачено 10 тыс. сестерций, за два небольших кубка работы Ментора — 100 тыс. сестерций²². «Серебро, я схожу с ума от него!» — восклицал Тримальхион у Петрония. Но сходили с ума и более значительные фигуры. Известна страсть наместника Сицилии Верреса, который обдирал медальоны со всех серебряных чаш и блюд своих подвластных и создал специальную мастерскую для прилаживания этих медальонов к новым сосудам²³, а в самое утро процесса, на котором против него должен был выступить прославленный Цицерон, Веррес пошел смотреть серебряные вещи к одному знакомому. Римлянам должна была казаться противоестественной мысль про-

²¹ *Plin. Sec. Nat. Hist.*, XXXIV, 15.

²² *Ibid.*, XXXIII, 53, 55.

²³ *Cicero, In. Ver.*, IV.

давать художественное серебро варварам — почти так же, как казалось бы несуразным европейскому аристократу XVII—XVIII веков продавать картины лучших художников индейцам или африканцам.

Однако это на уровне обычных, низовых контактов. На уровне верхов художественное серебро уходило и за границы римского государства. Именно художественная серебряная и бронзовая парадная (столовая и декоративная) посуда была излюбленным предметом дипломатических даров иностранным государям и их послам²⁴. Об этом сообщает Тацит. Правда, он тут же добавляет, что серебряные сосуды (*argentea vasa*), которые даются германским князьям и послам как подарки, не ценятся ими выше глиняных²⁵. (Археология, впрочем, показывает, что германские князья и послы недолго страдали такой недооценкой). Именно для этих дипломатических okazji и составлялись наборы по 8 сосудов.

О том, что серебряные сосуды (особенно с медальонами) были в варварском окружении Рима предметами царского обихода и международного общения на уровне верхов, свидетельствуют надписи на некоторых из этих сосудов. На дне серебряной тарелки из Симферополя греческая надпись: βασιλο(ς)ης Γουλα(ι) λυρηως, то есть «царицы Гилепирии» (38—45 гг. н. э.). На серебряном блюде с лавровым венком на дне из Керчи III в. н. э. две надписи: 'Αυτ(ωνεινου) βα(σιλευς) и 'Ρησκούλορει βασιλευς, то есть «царя Антонина» и «царя Рискупорида». Предполагают, что блюдо подарено М. Авр. Антонином Каракаллой боспорскому царю Рискупориду III. На блюде с погрудным изображением императора Констанция II, из Керчи же, латинская надпись: DN CONSTANTI AVGVSTI VOTIS XX. Кубок с рельефом из кургана у стан. Даховской имеет надпись: Πατα βασιλευς Παχορου, то есть «от царя Покура» (предположительно I в. н. э.)²⁶. В арзнийском некрополе римские чаши с медальонами оказались лишь в самых богатых могилах грузинских питнахшей²⁷. На роль римского столового серебра, особенно сервизов для вина, в качестве рим-

²⁴ Wheeler M. Der Fernhandel des römischen Reiches in Europa, Afrika, Asien. München-Wien, 1965, S. 22, 46, 49, 96.

²⁵ Tac. Germ., 5.

²⁶ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия..., с. 27.

²⁷ Мачабели К. Г. Серебряные фиалы из Армазисхеви. Тбилиси, 1970, с. 65.

ских даров варварским вождям уже обращалось внимание в работах археологов²⁸.

Таким образом, наиболее реалистично будет предположить, что римская парадная посуда в сарматских курганах Дона и Кубани поступила сюда в качестве дипломатических даров сарматским царям и их послам.

Однако римляне не выступали по отношению к своим близким и тем более дальним соседям филантропами, богатые дары так просто не раздавали. Законно поставить вопрос, кого и зачем оказалось необходимым подаривать на Дону в I—II вв. н. э.

Из сарматских племенных группировок римлянам были уже издавна хорошо известны языги и роксаланы. Первые уже к сер. I в. до н. э. вторглись в Паннонию, а вторые подошли к Днестру. Те и другие оказались опасными для северо-восточных границ Римского государства. Однако на Дону в это время располагались другие сарматы. Первыми преемниками ушедших на запад языгов и роксаланов здесь оказались аорсы. После руб. н. э. наряду с ними и вместо них в этом районе выступают уже аланы. Каково соотношение между теми и другими, каков характер событий I в. до н. э., приведших к смене этих этнонимов, в сведениях римских авторов, пока неясно²⁹. Во всяком случае донские сарматы в I в. до н. э. непосредственной угрозы для Рима не составляли, исключая, быть может, 70-е—60-е гг., когда Митридат Евпатор готовил поход на Рим через Подунавье с помощью сарматов, тавров и скифов. Но и тогда расчеты Митридата, хотя, быть может, и не миновали донских сарматов, все же опирались скорее всего на тех, кто уже стоял у границ Римского государства. Впрочем, поход не был осуществлен³⁰.

В последние три десятилетия I в. до н. э. Октавиан Август серьезно озабочен действиями сарматов у берегов Дуная. В 18 г. до н. э. вторжение сарматов во Фракию вызывает

²⁸ Кроме М. Уиллера см. также: *Johansen K. Fr. Op. cit.*, p. 163—164; *Majewski K. Residences de princes de territoires tribaut situés au nord de Karpates et des Sudètes aux temps de l'Empire Romaine.* — «*Archaeologia Polona*», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, N V, s. 23; *Wolagiewicz R. Napływ importów rzymskich do Europy na Północ od Środkowego Dunaju.* — «*Archeologia Polski*», 1970, t. XV, z. I, s. 239.

²⁹ *Harmatta J. Studies on the history and the language of the Sarmatians.* Szeged, 1970.

³⁰ *Аппиан. Митридатовы войны.* — ВДИ, 1946, № 4.

там восстание против союзного Риму царя. Конфликтная ситуация сложилась и на Боспоре: легат Августа Агриппа и ставленник римлян царь Полемон натолкнулись на упорное сопротивление местной оппозиции, которую возглавила внучка Митридата Динамия (17—14 гг. до н. э. и после 13 г.). Полемон за неповиновение покарал разгромом город Танаис, лишив его части городских стен (предположительно в 8 г. до н. э.), но сам погиб в 7 г. до н. э. на Таманском полуострове от рук племени аспургианов. На Боспоре воцарились Динамия, а затем ее как-то связанный с аспургианами сын Аспург. Поскольку Динамия и Аспург признали известную политическую зависимость от Рима, а стены Танаиса долго оставались не восстановленными³¹, очевидно, опасная для римских интересов напряженность в этом районе совпадает в основном с Полемоновским периодом (17—7 гг. до н. э.). Кроме военных операций, идет в ход и дипломатическое искусство: глубокий интерес и симпатию начинают вызывать те, кто находится за спиной у беспокойных соседей. Сохранилось сообщение о том, что при Августе в Рим прибыли послы сарматов из Подонья³². Домой они могли вернуться не с пустыми руками. Однако на Дунае и на Боспоре скоро наступило успокоение и интерес Рима к прочным связям с сарматами Дона надолго угас.

В течение всей первой половины I в. н. э. ситуация остается без существенных изменений.

В 49 г. н. э. царь северокавказского народа сираков Зорсин вступился за низложенного римлянами боспорского царя Митридата VIII, но римляне привлекли на свою сторону царя аорсов Евнона, и вместе разбили сираков³³. С этого времени, видимо, снова начали поступать на Нижний Дон и Кубань богатые дары римлян. Аорсы и аланы стали интересовать римлян как сила, способная оказывать сдерживающее воздействие на врагов Рима в двух очагах военного беспокойства.

Первый очаг сложился в Закавказье. Римляне вели здесь затяжную борьбу с Парфией. Когда аланы обрушились на Закавказье с севера грабительскими походами, пострадали и парфяне и вассалы Рима. Нерон даже готовил поход на Кавказ против аланов. Дипломатическое искусство заключалось

³¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 323; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 226—235.

³² Деяния божественного Августа, 31, 1 — ВДИ, 1946, № 1, с. 215.

³³ Tac. Hist., XII, 15—20.

в том, чтобы отворотить острие аланского удара от римских владений и союзников и направить против соперников Рима. В 73 г. н. э. парфянский царь Аршакид Вологез I просил Веспасиана о помощи против аланов, но получил отказ³⁴. Римляне занялись укреплением Иберии, а какие меры были приняты для спасения зависимых от Рима государств, страдавших от аланских набегов — Армении и Каппадокии, — остается лишь догадываться.

Другой очаг беспокойства возобновился в Подунавье. В 60-е гг. н. э. языги и роксаланы неоднократно вторгались в Мезию, грабили население и уничтожали римские гарнизоны. В 70-м г. они были разбиты легатом Плавтием Сильваном³⁵. В 87 г. в разгар войны с даками Децебала император Домициан ведет переговоры с языгами и роксаланами, стараясь удержать их в стороне. Но уже в следующем году возникает общая конфедерация языгов, квадов и маркоманнов против Рима, активно действующая до 92 г., и когда в 98—99 гг. Траян инспектирует Дунай, эта лига еще остается опасностью. В 101—102 г. роксаланы выступают союзниками Децебала против Рима, а в 105—106 гг. языги то подчиняются Риму, то восстают против него. После захвата Дакии римлянами в 106 г. роксаланы замирены и получают от Траяна ежегодные подарки. Из-за уменьшения этих подарков, однако, роксаланы восстают в 117 г. вместе с языгами и квадами. Адриан очистил от них Мезию и заключил мир в 118 г.³⁶

Были ли роксаланы единственным сарматским народом, получавшим от римлян регулярные дары в это тревожное время? Вряд ли. Судя по исторической ситуации, для римлян в это время было важно обеспечить приязнь аорсов и аланов — серьезной и активной силы, нависшей с тыла над беспокоившими Рим соседями в обоих очагах — дунайском и закавказском. Археология подтверждает эти догадки: категории импорта, выступающие обычно в качестве дипломатических даров Рима, размещаются в последние десятилетия до н. э. в Поволжье и на Кубани, а во второй половине I — нач. II вв. н. э. сосредоточиваются на Кубани и на Нижнем Дону. Эти археологические материалы историк вправе рассматривать как своего рода заменитель не дошедших до нас договоров. Наиболее вероятными моментами особенно интенсивного поступления

³⁴ *Dio Cassius*, LXV, 15.

³⁵ *Tac. Hist.*, I, 79.

³⁶ *Элий Спартиан*. Адриан, 6. — ВДИ, 1949, № 3, с. 256.

даров представляются последние десятилетия до н. э., особенно 14—7 гг., затем годы 49, конец 60-х — начало 70-х, с 90-х по 118.

Очень любопытны соотношения между размещением легионов и концентрацией крупнейших комплексов римского художественного серебра.

От времени Августа (по состоянию на 6 г. н. э.) до эпохи Нерона (на 63—68 гг.) количество западно- и центральноевропейских легионов возросло с 11—12 до 16, а количество восточноевропейских (нижнедунайских) постепенно снизилось с 8 до 4. При Нероне рывком удвоилось количество азиатских легионов (с 3—4 до 6—7). На царствование Нерона вообще падает резкий перелом в ориентировке римской внешней политики. С этого времени неуклонно снижается количество западно- и центральноевропейских легионов — к царствованию Траяна (103 г. н. э.) оно уменьшилось вдвое (с 16 до 8) при одновременном возрастании количества восточноевропейских, нижнедунайских (с 4—5 до 13) и оставлении азиатских на прежнем уровне (6)³⁷. Итак, в первой половине I в. н. э. внимание Рима приковано к Западной и Центральной Европе (в основном к Германии), в середине века некоторое количество сил отвлекает на себя Азия (борьба с Парфией, потеря Армении), а во второй половине I в. н. э. главные силы Рима перекачиваются в Восточную Европу, на Нижний Дунай.

В полном соответствии с этим богатейшие находки римского художественного серебра второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. оказывались в Центральной Европе — в Германии и Дании (Гильдесгейм, Хоби и, возможно, Любзов)³⁸, куда меньше и беднее — на Кубани и Волге, тогда как богатейшие комплексы римской драгоценной посуды середины и второй половины I в. н. э. — начала II в. н. э. оказываются на Дону и Кубани. И в этом наблюдается смещение с запада на восток, причем серебро несколько опережает легионы. В этом смысле оно — более чуткий указатель вектора политики.

Со 130-х годов ситуация изменилась. Аланы сами вторглись в западную часть Северного Причерноморья. В 139—

³⁷ *Kubitschek W.* [s. v.] *Legio.* — *Pauly-Wissowa Realencyclopädie*, Bd. XII, стлб. 1362—1367. — В Африке в течение всего этого времени держится 3—4 легиона.

³⁸ Детальные сдвиги в западной части прослежены в работе: *Wolagiewicz R.* *Op. cit.*, s. 207—252.

140 гг. ими была осаждена союзная Риму Ольвия, в то же время в Закавказье подверглась вторжению аланов зависимая от Рима Иберия. Кончился период, условия которого способствовали притоку на Дон римской художественной серебряной и бронзовой посуды по дипломатическим каналам. Вступили в действие каналы военной добычи и дани — соответственно изменился и состав импорта. Разумеется, каналы торговли также действовали и определяли характер значительной части импорта. Но это уже выходит за пределы данного обзора.

СОДЕРЖАНИЕ

Античная история и культура

Борухович В. Г. Зевс Миннойский (следы культа верховного критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах)	3
Ботвинник Н. М. Персидские посольства к Александру Македонскому в новой редакции «Романа об Александре»	26
Дворецкая И. А. Павел Варнефрид как историк и этнограф (к вопросу о влиянии позднеримской культуры на мировоззрение писателя)	31
Елизарова Н. М. К вопросу об источниках рабства в Риме I в. до н. э. (по данным Цицерона)	62
Коржинский А. Л. Война в поэмах Гомера	70
Мавлеев Е. В. Греческие мифы в Этрурии (о понимании этрусками греческих изображений)	82
Парфенов В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана	104
Фролов Э. Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917—1975 гг.)	124

Античная археология

Кац В. И. Экономические связи позднеримского Херсонеса (по данным амфорных клейм)	176
Кац Т. П. К вопросу о периодизации древнейшей истории Сардинии	191
Клейн Л. С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону	204

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

Выпуск четвертый

ИБ 533

Редактор *А. И. Яровинская*
Художник *Г. И. Макаров*
Технический редактор *Н. И. Добровольская*
Корректор *О. Н. Галанова*

ИГ26230. Сдано в набор 5.IV.1978 г. Подписано к печати 6.IV.1979 г.
Формат $10 \times 14 \frac{1}{2}$ Бум. тип. № 3. Усл. печ. л. 13,02(14).
Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 1000. Заказ 5456. Цена 1 р. 40 к.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42
Типография издательства «Коммунист». Волжская, 28.